

СКОТТ К. ЭНДРЮС



18+

ВЕЧНЫЕ КАНИКУЛЫ

Перипетии заставляют вас читать

Спенсер Шоун

После того, как мир умер, мы все как бы вернулись в школу. В конце концов, куда еще нам было идти?

Ли Кигану пятнадцать. Если бы большая часть населения мира только что не умерла, захлебнувшись собственной кровью, он мог бы беспокоиться о прыщах, запахе тела и девушках. Как бы то ни было, он и молодая надзирательница его школы-интерната Джейн Кроутер должны попытаться защитить своих подопечных от банд каннибалов, религиозных фанатиков, запугивающего префекта, экспериментирующего с распятием, и даже от уцелевшей мощи армии США. Добро пожаловать в школу Святого Марка для мальчиков и девочек...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Для лиц старше 18 лет

Скотт Киган Эндрюс
Вечные каникулы

Урок первый

КАК БЫТЬ УБИЙЦЕЙ

Глава первая

Свой пятнадцатый день рождения я отметил, хороня своего директора и опорожня мочевой пузырь на кучу взрытой земли. Самый лучший подарок для мальчишки.

Труп я обнаружил на диване в гостиной его квартиры. Я бывал там лишь однажды, в компании прочих воспитанников, притворявшихся, будто играют в шахматы на его обеденном столе, пока сам он стоял позади нас, благожелательно улыбаясь, словно позировал для школьного журнала.

Сейчас он не выглядел столь самодовольным, скрючившись под одеялом с бутылкой виски и пригоршней таблеток в руках. Я решил, что он мёртв примерно две недели тому; за прошедшие месяцы я неплохо ознакомился с процессом трупного разложения.

Я открыл окно, чтобы проветрить вонь и уселся в кресло напротив, размышляя о судьбе человека, которого ненавидел сильнее, чем мог выразить. В книгах, что я читал, подобные моменты описывают героя, чья ненависть исчезла, а её место заняли жалость и печаль, вызванные тщетностью бытия. Херня. Я по-прежнему ненавидел его сильнее всего на свете, исчез лишь страх.

Коридор, который тянулся вдоль гостиной директора, был разделён тонкой деревянной перегородкой, с другой стороны которой располагалась спальня, которую я делил с тремя другими мальчиками. По ночам все мы четверо просыпались и слушали, как наш директор пьяно ругается с женой, нашей Матроной. Она нам нравилась. Она была доброй.

Он не был добр с мальчиками, что находились на его попечении. Перемены его настроения были внезапными и непредсказуемыми, кары жестокими и суровыми. Я не к тому, что школа святого Марка была заведением в стиле Диккенса. Но наш директор был жесток, прост и искренен. Гораздо хуже любого из назначенных им заместителей, не считая, пожалуй, Маккиллика; но того, слава Богу, уже давно нет.

Я был рад, что директор умер, ещё больше меня радовало то, что он покончил с собой. Я испытывал наслаждение, представляя его отчаяние. Я чувствовал себя хорошо.

Возможно, мне следовало бы побеспокоиться насчёт своего душевного состояния.

Я раздумывал помочиться на труп прямо там, но решил, это будет слишком грубо. Помочиться на его могилу выглядело привлекательнее. Я как раз собирался приступить к выполнению неприятной работы по спуску его вниз по лестнице, когда со стороны дверного проёма справа от себя услышал глухое рычание.

«Бля. Про собаку забыл».

Гнусную здоровенную скотину звали Иона. Ирландский волкодав размером с пони, который обожал трахать наши ноги, пока Хозяина не было рядом, дабы устроить ему урок послушания. Даже в те времена в его глазах читался голод. Мне не хотелось поворачивать голову и смотреть, как он выглядел, спустя две недели, проведенные взаперти с разлагающимся владельцем.

Мою голову посетили две мысли: первая — страх собаки перед хозяином должен быть довольно сильным, чтобы не соблазниться полакомиться его трупом, и вторая — к тому моменту, когда я успею подняться с кресла, он будет уже возле меня, и на этом всё.

Жена директора, в итоге, ушла от него. Одним субботним утром, когда он отсутствовал на тренировке по регби, она собрала вокруг себя всех мальчишек, которые не состояли в команде, и мы дружно помогли перенести её вещи из квартиры в фургон, пока сама она

ждала внизу. Она поцеловала нас всех в щёки и уехала в слезах. Когда он вернулся и увидел, что она уехала, он разозлился и спросил нас, видели ли мы, как она уезжала. Мы дружно ответили: «Нет, сэр».

Возможно, я мог бы завалить кресло на левый бок, прикрыться им, как щитом, и выгнать собаку из комнаты. Кого я обманываю? К тому моменту, когда я смогу нормально его схватить, я уже пойду на корм псу. Несмотря на моё, вероятно, плачевное положение, страха не было. Никаких бабочек в животе, дышать чаще я тоже не стал. Могло ли быть так, что собственная жизнь меня ничуть не беспокоила?

Нашей новой Матроне пришлось изрядно потрудиться, чтобы расположить к себе тех, кто любил предыдущую. Во-первых, она не выглядела, как Матрона. Жена директора была средних лет, округлая, с розовыми щеками, в общем, как Матрона. Этой самозванке было чуть за двадцать, она была стройной, с зелёными глазами и крашеными рыжими волосами. Она выглядела роскошно, и в этом-то и заключалась проблема — она вела себя, скорее, как крутая старшая сестра, нежели как суррогатная мать, в которой нуждались мы. Ни одному подростку, на самом деле, не хотелось зависеть со старшей сестрой. Мне она сразу же понравилась, но остальные держались от неё на расстоянии. К ней обращались мисс Кроутер, отказываясь называть её матроной, впрочем, со временем, она их одолела.

Через два месяца весеннего семестра мы все слегли с гриппом. В те выходные в общежитии нас было только восемь человек, но, поскольку, в лазарете имелось всего четыре койки, директор постановил, что все мы должны оставаться в спальне, в своих кроватях и лежать тихо до самого понедельника. Мисс Кроутер не стала с этим мириться, она изолировала нас в лазарете, с нашей же помощью перетащив туда кресла и койки. Затем она притащила нам телек и снабдила целой кучей DVD-дисков.

Когда директор об этом узнал, он пришёл в ярость, и мы сидели в лазарете, и слушали, как он с ней ругался. «Как она посмела уронить его авторитет, кем она себя возомнила? Он уже подумывал вклеить ей». Всё звучало крайне знакомо. Но она стояла перед ним, говорила ему, что лазарет находится в её ведении, что если он помешает ей лечить больных мальчиков, она пойдёт к попечителям, так что, почему бы ему не заткнуться и не отвалить? Удивительно, но он так и поступил, а мисс Кроутер стала Матроной, нашей общей героиней.

Собачье ворчание сменило тональность, превратившись в полноценный рык. Я слышал стук его когтей по полу, пока он постепенно заходил в комнату, выбирая лучшее направление для броска. Я по глупости оставил рюкзак в коридоре; всё, что могло бы помочь защититься, осталось в нём. Я был беспомощен, и не видел никакого выхода. Ничего не оставалось, встречать зверя придётся голыми руками.

Когда чума впервые появилась в заголовках, Матрона заверила нас, что антибиотики и карантин сэберегут нас. Всемирная Организация Здравоохранения заявила, что пандемии не будет. Боже, она никогда так не ошибалась. К чести сказать, тогда ошиблись все.

Состоялась большая встреча с попечителями, родителями и персоналом, даже ученикам было позволено выступить, по крайней мере, шестиклассники должны были выбрать представителя, который выступит от их имени. Шумное меньшинство требовало, чтобы школа закрыла двери и объявила карантин, но в итоге, родители настояли, чтобы мальчиков забрали по домам. Один учитель должен был остаться, чтобы присматривать за теми мальчиками, чьи родители застряли в пути, или, что ещё хуже, уже умерли. Матрона сказала, что идти ей некуда и осталась ухаживать за заболевшими мальчиками. Учителем, который с ней остался, был мистер Джеймс, он преподавал физику, пользовался популярностью, и за

несколько недель до роспуска школы ходил слух, будто между ним и Матроной завязалась интрижка. Один из брошенных мальчишек, рассказал мне, что тайно следил за ними. Школа оставалась в их полном распоряжении, и Матрона и мистер Джеймс совершенно точно отлично повеселятся. Всё будет похоже на продолжительный отпуск.

Час назад я прошёл мимо могилы этого мальчика по пути к школе. И могилы мистера Джеймса. Вообще, почти все мальчишки из тех, кто остался, и кого я помнил, похоронены на лужайке в самодельных могилах. На аккуратных деревянных крестах написаны их имена и даты смерти. Большинство умерло два месяца назад в течение одной недели. Вероятно, вскоре после этого директор вернулся из тех мест, где скрывался, побродил вокруг какое-то время, а затем покончил с собой.

Когда начался Отбор, мой отец находился за океаном, проходя службу в армии в Ираке. Мать забрала меня домой и мы изолировались настолько, насколько могли. До того как связь прервалась, я сумел поговорить с папой по телефону, и он поведал мне, что пошёл слух, будто у людей с первой отрицательной группой крови имеется иммунитет. У нас с ним была первая отрицательная, у мамы нет. Будучи практичным человеком, папа потребовал обсудить, что случится, если мама умрёт, и я с облегчением согласился, что вернусь в школу, и буду ждать его возвращения. Он пообещал, что найдёт способ, и я в нём не сомневался.

Так что, когда мама, наконец, умерла — вопреки заявлениям оставшихся СМИ, это не произошло ни быстро, ни легко, ни мирно — я похоронил её в саду на заднем дворе, собрал сумку с вещами и отправился в школу. В конце концов, куда мне ещё идти? И теперь, после хождения по округу и пережив по пути три нападения банд, меня разорвёт и сожрёт собака, которую я последний раз видел с высунутым языком, занимающейся любовью с моей правой ногой. Потрясающе.

Иона уже прошёл по комнате и стоял прямо передо мной. Его спина сгорбилась, задние лапы согнуты, готовые к прыжку. Клыки обнажены, глаза дикие и полны ярости. Это был очень крупный, очень злобный зверь. Я решил, что сначала ударю его в глаза и в горло, и одновременно попытаюсь пнуть по яйцам. Я не думал, что смогу убить его, но, если повезёт, смогу обездвигить его на какое-то время, отбежать, схватить сумку и запереть дверь. Директор мог и сам себя похоронить. Мне будет чем заняться, залечивая раны от укусов.

А затем собака оказалась на мне, и я сражался за свою жизнь.

На мне не было мотоциклетной куртки, но я был одет в облегчённую кожаную куртку, которая обеспечила мне защиту правой руки, когда я ударил её в распахнутую пасть пса. Под его напором я откинулся на спинку кресла, попытался поднять ноги, чтобы отбросить зверя, но его задние лапы заскребли по твёрдому деревянному полу, клацая когтями в поисках опоры, и я не смог нанести чёткий удар.

Я ощутил на своём лице горячее влажное дыхание пса, когда тот терзал мою руку, яростно тряс её влево-вправо, пытаясь прорваться через неё к мягкой плоти на моём горле. Я поднял левую руку, ухватил его за плотку, и изо всех сил сжал трахею; зверь даже не замедлился.

Правая рука начала чертовски болеть. Зубы, возможно, не прокусят кожу, но челюсти пса были чудовищно мощными и я боялся, что он сумеет сломать кость.

Мы смотрели друг другу в глаза, и безумие в этих чёрных зрачках, наконец, вызвало во мне первые приступы страха.

Я сцепился с собакой, пытался отпихнуть её на пару сантиметров, чтобы дать себе возможность задрать ноги и пнуть его по задним лапам. Потеряв равновесие, он заскользил

назад, но руку мою не выпустил, так что я подался за ним, словно в забавном соревновании по перетягиванию каната.

Я пнул ещё раз, что-то хрустнуло, пёс отпустил мою руку и тоскливо взвыл. Но при этом он не отступил. Судя по тому, как его правая лапа изогнулась влево, я понял, что повредил её. Бесстрашный пёс снова потянулся к моему горлу.

Теперь я был к этому готов и вместо того, чтобы использовать правую руку в качестве щита, я со всей силы ударил ею прямо ему в нос. Пёс тьякнул и снова отпрянул. С его пасти тянулись толстые нити слюны, он дышал и рычал, жадно смотрел на меня. Он не ел две недели, откуда в нём столько сил?

Не успел я пошевелиться, как Иона избрал иную тактику, вцепившись в мою левую ногу и яростно её терзая. Теперь я закричал. Велосипедные шорты не обеспечивали должной защиты, собачьи зубы впились в мою голень, и зверь впервые ощутил вкус крови. Я подался вперёд и принялся колотить его по голове. Я осознал, что фатально опоздал на долю секунды, чем Иона, и этого оказалось достаточно. Он выпустил мою ногу и бросился к открытому горлу, готовясь совершить финальный укус. У меня даже не было времени, чтобы отступить, когда меня оглушил громкий хлопок.

Оглушённый, я слышал лишь тихое поскуливание Ионы, умиравшего у моих ног. Я посмотрел в сторону двери и там в лучах света разглядел силуэт женщины с дымящейся винтовкой.

— Никогда не любила эту чёртову зверюгу, — произнесла она, заходя в комнату. Морщась, она опустила винтовку, закрыла глаза и нажала спусковой крючок, избавляя зверя от страданий. Она мгновение постояла, глаза закрыты, плечи сгорблены. Она выглядела самой одинокой женщиной во всём мире. Затем она взглянула на меня и улыбнулась своей самой милой и прекрасной улыбкой.

— Здравствуй, Ли, — произнесла Матрона.

* * *

Я морщился, пока Матрона смазывала укус антисептиком. Лазарет выглядел точно так же, как когда я ушёл — чуть более пустые полки и чуть более скудные запасы в медкабинете, а в остальном, почти ничего не поменялось. Тут по-прежнему пахло трихлорфенолом, что показалось мне странно приятным. Впрочем, Матрона изменилась. Белая форма исчезла, её сменили военные брюки, футболка и куртка. Волосы её были неопрятными, а макияж превратился в воспоминание. Под глазами виднелись чёрные круги, а сама она выглядела жутко уставшей.

— Директор появился здесь с месяц назад и попытался захватить руководство, — рассказывала Матрона. — Верись, нет, он начал устанавливать законы, раздавать приказы, управлять детьми.

Я мог поверить.

— Он пытался ввести карантин, хоть для этого и было слишком поздно, и правила похорон уже болевших мальчиков. Он выглядел вполне нормально, до одного дня, когда, внезапно, в нём что-то щёлкнуло. Он сказал Питеру... мистеру Джеймсу помочь похоронить одного мальчика, но тот был уже слишком болен, чтобы встать с кровати, и отказался. Я думала, директор решит его ударить. А тот просто разрыдался, и никак не мог остановиться.

Он ушёл к себе, заперся и больше не выходил. Я несколько раз пыталась вытащить его, но в ответ слышала лишь плач. А потом, через несколько дней, и это прошло. У меня не было времени заглянуть к нему, мальчики умирали каждый день, а у директора первая отрицательная, вот я и решила, что разберусь с ним, когда всё закончится. Но, когда я попыталась открыть дверь, то услышала собачий рык, и я, в общем, не стала беспокоиться. Не хотелось хоронить обглоданный труп. До сих пор поверить не могу, что пёс его не тронул. Странно. — И добавила: — Тупой бестолковый ублюдок. Какая утрата.

Я не считал его смерть какой-то серьёзной утратой, но вслух этого говорить не стал.

— Значит, ты сама выкопала все могилы? — спросил я.

— Нет. Мистер Джеймс помогал. Поначалу.

— Но ты же не могла остаться единственной выжившей. Должен остаться кто-нибудь из мальчиков.

Мне не хотелось спрашивать о Джоне. Он был моим лучшим другом с тех самых пор, как мы начали здесь учиться семь лет назад, и, когда его родителей не смогли найти, его бросили здесь. Мама предложила забрать его с нами, но директор запретил — что если родители будут его искать?

— Из двадцати брошенных, осталось только трое — Грин, Роулс и Нортон.

Фамилия Джона была Свифт. Значит, мёртв.

— А, и мистер Бейтс, конечно же.

— Да? Я думал, он ушёл.

— Ушёл. — Матрона наложила на рану марлевую повязку и потянулась за бинтом. — Но где-то неделю назад вернулся. Я не спрашивала, но предполагаю, его жена и дети мертвы. Он немного... раним сейчас.

Бейтс был учителем истории. Крупный, мускулистый мужик, вечно носивший регбийные футболки в пятнах карри; слово «ранимый» было последним в списке тех, какие можно было бы использовать для его описания. Им восхищались мальчики-спортсмены, а на мальчиков-ботаников у него не было времени; его версия истории целиком состояла из битв и обезглавливаний. Он также возглавлял курс военной подготовки в Объединённом Кадетском Отряде школы, ему нравилось кричать на плацу, мазать себя ночным камуфляжем и водить дружбу с парнями из Территориальной армии, с которыми он тренировался раз в два месяца.

Мой папа не считал, что школам следует одевать четырнадцатилетних мальчишек в военную форму, учить их пользоваться оружием, создавать видимость, будто война — это самое весёлое, что может быть в жизни. Он сделал так, чтобы я познал реальность службы — кровь, смерть, грязь. «Не будь таким, как я, сынок, — говорил он мне. — Не будь убийцей. Не связывай свою жизнь со смертью. Хорошо учись, сдавай экзамены, найди нормальную работу».

Хватит об этом.

Помню, как однажды в пятницу папа стоял на краю бетонного плаца, по которому мы маршировали и наблюдал, как Бейтс красуется на учениях. В один момент Бейтс выкрикнул: «НАПРА-ВО!», выдерживая вторую «а» целую вечность, и ставя голос так, чтобы он звучал, как карикатурный сержант из фильма «Так держать». Папа рассмеялся так громко, что его слышали все. Бейтс покраснел и принялся тарашиться на него до тех пор, что я начал думать, что его голова взорвётся. Папа смотрел на него в ответ, ухмылялся, пока Бейтс не распустил нас и не промаршировал в учительскую.

Хоть папа и не одобрял ОКО, но Общественная служба три часа каждую пятницу казалась совершенно тупой — помогать старушкам с покупками, может, и способствовало становлению характера, но, блин, старики плохо пахли — и я вступил в секцию Королевских ВВС. В секции Королевских ВВС было меньше муштры и криков.

Моей специализацией являлась тренировка обращению с оружием — я учил четвероклассников разбирать, чистить и снова собирать винтовку «Ли-Энфилд.303», которые хранились в оружейном хранилище рядом с буфетом. Винтовка Матрони стояла в углу, пока она перевязывала мою ногу, значит, Бейтс открыл оружейку. Разумно. По пути к школе я довольно близко познакомился с бандами и отрядами линчевателей.

— Всё, готово, — произнесла Матрона. — Какое-то время будешь хромать, и я хочу, чтобы ты как-нибудь зашёл ко мне проверить на инфекцию и сменить повязку. А теперь, тебе нужно доложиться! Бейтс хочет тебя увидеть. Все перебрались в жилой блок для персонала, его легче защищать, как он считает. — Она заметила на моём лице выражение любопытства и добавила: — Он стал слегка... военным. Какая-то сверхкомпенсация. Сходи сам посмотри, пока я тут прибираюсь. Не забывай обращаться к нему «сэр», салютовать и прочее. Впрочем, можешь не переживать, он вполне безобиден, мне кажется. Он хорошо ужился с молодым Роулсом.

— Ладно. — Я поднялся, снова поморщился и сел обратно.

— Прости, — сказала Матрона. — Болеутоляющих не осталось. Они есть в списке покупок следующей экспедиции, но до той поры, боюсь, придётся терпеть, стиснув зубы. Позже, наверное, смогу раздобыть немного водки, если тебе пойдет. — Она подмигнула мне, улыбнулась и протянула костыль. Я уковывлял протью. «Господи, как же нога болит».

Когда я уже заходил за угол в конце коридора, она высунулась из лазарета и позвала меня.

— А, и, Ли?

— Да?

— Очень рада тебя видеть. Нам тут понадобятся светлые головы.

Стараясь не дать своей светлой голове скатиться с плеч, словно мячу, я покраснел и забормотал слова благодарности.

* * *

Жилые помещения персонала располагались в западном крыле главного здания школы, старое основательное здание начала XIX века было превращено в школу около ста лет назад. Оно отдалённо напоминало замок — не какой-то конкретный замок, не оплот, просто, замок. Две башни по обеим сторонам от главного входа делали здание похожим на замок с фальшивыми зубцами на крыше, но внутри были деревянные перегородки, скрипучие половицы и сквозняки из створчатых окон.

Центральное отопление в наших общежитиях обеспечивалось огромными старыми батареями, которые всю зиму хрипели, стонали и протекали. Краска на них каждое лето облазила, обнажая обжигающе горячий металл под ней. Одним из любимых старостой методов пытки маленьких мальчиков было прижать их ушами к обнажённому участку батареи. Уши потом ещё несколько дней жутко болели. Маккиллику нравился этот метод, хотя с недавнего времени он придумали использовать более мягкую и более чувствительную

часть тела мальчишек, и я даже думать не хочу, как сильно она болела. Сейчас батареи были холодными, а воздух прохладным и сырым.

В школе было пугающе тихо. Я ненадолго остановился в главном актовом зале, вдыхая запах лака и пыли. В одном краю зала располагалась сцена, занавески задёрнуты. В прошлом учебном году шестиклассники показывали здесь «Сон в летнюю ночь», и только Богу известно, когда сценой воспользуются вновь. На полпути вверх по стене, по трём сторонам зала проход галереи соединял ряды классных комнат с библиотекой и помещениями для персонала. Я поднялся по лестнице и прошёл в крыло, обычно предназначенное для учителей.

Бейтса я обнаружил в комнате для персонала, где он устраивал нечто вроде совещания с тремя оставшимися мальчиками, все одеты в школьную форму, как на уроке. Бейтс стоял у доски, рисуя примитивную карту со стрелками, указывающими направление движения. Центральное здание на карте было подписано «Теско».

Дверь была открыта, я постучал и вошёл, отчего Бейтс дёрнулся и потянулся за винтовкой, затем узнал меня, увидел костыль и подошёл, чтобы помочь мне сесть.

— Кевин, да?

Я вздохнул.

— Нет, сэр. Киган, сэр. Ли Киган.

— Киган, точно. Что ж, с возвращением Киган. Побывал на войне?

«Я похоронил мать, пересёк на велосипеде весь округ, по пути на меня трижды нападали, я съел на завтрак жирного барсука, а потом на меня напала сраная собака Баскервилей. Я весь покрылся грязью, кровью, синяками и повязками, и хожу с костылём. Конечно, я побывал на войне. Мудила».

— Немного, сэр.

Ему хватило доброты выглядеть сочувствующим в течение двух секунд.

— Рад возвращению ещё одного старшекласника. Королевские ВВС, да? — Последнюю фразу он произнёс с ноткой отвращения в голосе, словно говорил о какой-то неприятной болезни.

— Так точно, сэр. Младший капрал.

— О, что ж. Ты же ещё можешь стрелять из этой штуки? — Он потряс».303»-м.

— Так точно, сэр.

— Хорошо, хорошо. С твоим назначением разберёмся позже. Сейчас я излагаю план завтрашнего нападения. Присаживайся.

Бейтс выглядел странно. Его волосы были зализаны назад при помощи геля (или жира?), а одет он был по полной военной форме. Ботинки блестели, хотя сам он не брился несколько дней, глаза его были глубоко посажены и налиты кровью. Также изменились его манеры. Дурная шутливость исчезла, вместо этого он начал вести себя резко, по-военному. Чёрт, неужели он и правда думал, что теперь солдат? Готов спорить он даже время использовал в двадцатичасовом формате. Он продолжил совещание.

— Собираемся у микроавтобуса в ноль-шесть-ноль-ноль. — «Точно». — Основная цель — консервы в «Теско», однако спички, чистящие средства, зажигалки, также пригодятся. Да, Грин?

Шестиклассник поднял руку.

— Сэр, мы уже посещали... виноват, набегали на «Сэйнсбери», «Асду» и «Уэйтроуз». Там было пусто. Даже у Моррисонов ничего нет. С чего, вдруг, в «Теско» будет иначе?

На краткий миг на лице Бейтса появилось выражение отчаяния. Оно тут же исчезло, на его место встала покровительственная улыбка. Боже, у него совсем дела плохи. Похоронить маму было для меня делом весьма непростым, но, в конце концов, таков естественный порядок вещей — дети оплакивают своих родителей. Я даже представить не мог, что с ним сотворили похороны жены и детей; он выглядел сломленным.

— Нужно быть внимательным, Грин. Хороший командир ничего не оставляет на волю случая. Ничего!

— Так точно, сэр!

Мальчик бросил на меня взгляд и закатил глаза. В ответ я ухмыльнулся. Грина я знал весьма неплохо. Он был на год старше, но жил в нашем доме и помогал устроить спектакль в прошлом семестре. Он хорошо сдавал экзамены, и всегда выходил вперёд во время игр или представлений, но встань с ним рядом на спортивной площадке, и заметишь, что ему хочется одного — убежать и спрятаться в кустах; умный, но хилый. Именно с такими мальчишками Бейтс не желал иметь никаких дел. Он был высокий и стройный, с тёмными волосами и карими глазами, и этот везучий засранец умудрился полностью избежать прыщей. Мне так не повезло.

Накануне Отбора я учился в младшем пятом классе. Роулс был второклассником, а Нортон, сидевший рядом с Грином, учился в старшем пятом.

Роулса я знал плохо. Он был настолько моложе меня, что я никогда не имел с ним общих дел. Он был низок даже для своих лет, а большие глаза и веснушчатые щёки делали его похожим на прелестного ребёнка из диснеевских фильмов, ребёнка того типа, который мирит своих родителей, ведя себя ужасно, гротескно, тошнотворно мило. Он смотрел на Бейтса полным восхищения взглядом. Бедный малыш. Мало потерять родителей, так надо ещё и получить Бейтса в качестве примера для подражания. Настоящее невезение. Я вдруг понял, что мир до Отбора казался ему каким-то сном, некоей детской фантазией, слишком идеальной, чтобы иметь место в реальности.

Нортон, с другой стороны, был полон чванства, но не в плохом смысле. Он был самонадеян и уверен в себе, богатенький ребенок, который восхищался прыгающей походкой Лиамы Галлахера^[1]. Хорош в единоборствах, он создавал впечатление человека, который мог позаботиться о себе, и проводивший перемены за перекуром в подсобке кафетерия через дорогу, и болтая с девчонками из старших классов, которые велись на его мальчишеское поведение. Пусть он и соответствовал своему профилю, он не был ни хулиганом, ни козлом, и я был рад его видеть; когда Нортон рядом, всегда весело.

Ну и банда собралась, чтобы пережить апокалипсис — честолюбивый казанова, крутой парень и надоедливый мальчишка-талисман, под надзором уставшей от всего мира медсестры и повредившегося рассудком учителя истории, возомнившего себя сержантом Роком^[2]. Впрочем, могло быть и хуже — директор мог быть жив, а Маккилик мог находиться здесь.

Именно в тот самый миг, когда эта мысль посетила мою голову, я услышал, как кто-то позади меня прокашлялся. Я выругался про себя за то, что сглазил и обернулся, прекрасно понимая, что именно за сукин сын стоял у меня за спиной.

— Здравьете, сэр, — произнёс Шон Маккилик. — Помощь нужна?

— Ох, блядь, — пробормотал Роулс.

Глава вторая

Шон Маккиллик являлся любимчиком Бейтса, и имевшим самое высокое звание мальчиком в армейской секции ОКО. Он был заместителем старосты и капитаном регбийной команды — три победы на соревнованиях округа. Ещё он был отличником, платиновый ублюдок.

Благодаря его спортивным достижениям, школьные власти думали, что из шотландской жопы Мака светит солнце, но, когда учителей рядом не было, он становился самым худшим школьным задирой — садистским, жестоким и совершенно непредсказуемым. Джон всегда говорил, что это из-за того, что он такой низкорослый. Даже сейчас, в свои девятнадцать лет, он был ниже всех остальных в комнате, даже Роулса, но телосложение у него было кирпичеобразное, а голова квадратная, с острыми углами. У него были мясистые бедра и такие кривые ноги, что он, словно ковылял при ходьбе — младшие окрестили его Дональдом Даком — но в нём безошибочно была видна грубая, приземистая мужская сила.

Под его пшеничного цвета волосами блестели голубые глаза, лицо целиком покрыто веснушками, но в изгибе его рта читалась жестокость, а в глазах холодный расчёт.

Мак был из мажоров. Его отец заседал в Палате Лордов, пока с наследственными пэрами не было покончено, а затем он принял образ бандита из Ист-Энда. Рождённый в семье аристократов, он вёл себя, словно Рэй Уинстон^[3]. Натуральное убожество.

Большинство одноклассников поклонялось ему, но за пределами класса он был безоговорочно всеми ненавидим, особенно в ОКО. Он считал, что ношение формы даёт ему право делать всё, что заблагорассудится, и хоть он и хулиганил на школьной площадке, это не шло ни в какое сравнение с тем, как он вёл себя, когда военная секция была в походе или на учениях. Прошлогодний летний военный лагерь превратился в повторяющуюся череду марш-бросков, отжиманий и проверок на выносливость, всё под присмотром Мака и полнейшим игнорированием со стороны Бейтса, который считал всё происходящее нормальным, и даже весёлым.

В последнем походе, в Уэльсе, где мы занимались спортивным ориентированием и прочими вещами, он вообще бросил мальчика в реку и держал его голову под водой до тех пор, пока тот не потерял сознание. Когда пацана выловили и привели в чувство, Мак заставил его, промокшего и дезориентированного, заканчивать упражнение вместе с остальными. Тогда стояла зима, вокруг были предгорья, и к тому времени, когда они добрались до места встречи, паренек был уже совершенно синий; в итоге он оказался в больнице с гипотермией. Он был слишком напуган, чтобы рассказывать о случившемся, поэтому соврал, будто сорвался и упал. Остальные мальчики в отряде тоже промолчали — у Мака имелась целая банда подручных — и если тебе не хотелось получить синяков, ты не вмешивался.

Он и его лакеи расхаживали вразвалочку (ну, они расхаживали, он ковылял) по школе, устанавливая свои законы, но, когда появлялся учитель, Мак улыбался и подлизывался. Директор его обожал. До заместителя старосты его понизили лишь потому, что отец старосты совсем недавно пожертвовал школе новую химическую лабораторию. Матроне он был отвратителен. Ей постоянно приходилось лечить нанесённые им раны, однако директор отмахивался от её жалоб, бормоча банальности о юношеских забавах. Задрот.

Ходили мрачные слухи и о смерти, случившейся давным-давно, когда Мак учился в

младших классах. Но, насколько мне известно, эти разговоры так и остались — слухами.

Мак закончил школу за семестр до того, как начался Отбор, выиграл большой приз за своё выступление, как король всех жополизов, а пока он выступал, Джон заблокировал замок его машины. Теперь Джон мёртв. Мы испытали огромное облегчение, глядя в спину Маку, убеждённые, что он ушёл навсегда.

Строго говоря, Шон Маккиллик являлся последним человеком на Земле, которого вы хотели бы видеть присматривающим за группой уязвимых детишек в постапокалиптических пустошах.

Бейтс радостно вскрикнул и — Господи, помоги нам — обнял этого ублюдка.

— С возвращением, Мак, — произнёс он. — Вот, теперь, всё начнётся по-настоящему.

* * *

Следующие несколько недель к нам устремился постоянный поток людей, ищущих у нас убежища. В школе училось более тысячи мальчиков, при выживаемости 7 % в живых осталось около семидесяти человек. Из них сорок вернулись вслед за мной в течение последующих недель. Некоторые приводили братьев или сестёр, матерей, бабушек и дедушек, дядей, тёт, друзей. Лишь один мальчик пришёл с отцом, но через несколько дней тот умер от пневмонии. Бейтс особенно хорошо обращался с этим мальчиком — Теккерей его фамилия — и я увидел его с другой стороны. Он был заботлив, добр и внимателен; удивительно. В итоге, к концу месяца нас стало сорок шесть, и жизнь, казалось, вернулась в старые здания.

Все, кто возвращался, приносили с собой истории. Вольф-Барри, тощий шестиклассник, слегка повёрнутый на компьютерах, рассказывал об улицах Лондона, заваленных трупами, о полчищах крыс, выползавших из канализаций в светлое время, чтобы попить. Роулс видел массовые захоронения, и электростанции, превращённые в гигантские печи, чтобы сжигать мёртвых. Коняга Хейкокс, прозванный так за свою одержимость лошадьми, встретил группу вновь зародившихся христианских фундаменталистов, объявивших священную войну всем иноверцам, что, по сути, означало всех не-белых. Спейт, ещё один шестиклассник, рассказал похожую историю, только, в его случае, верующими психами оказались мусульмане. Были и другие истории о контуженных выживших, обратившихся в самые извращённые верования, лишь бы обрести смысл в произошедшем, о харизматичных вождах, устанавливавших свою власть, обезглавливая, вешая и даже сжигая всех, кого они считали грязными и нечестивыми.

Установили генератор, а топливо для него добыли из ближайшей автозаправки. Мы опустошили «Блокбастер» и по вечерам пару часов жгли энергию, смотря кино. Телевидение и радио к тому моменту практически умерло, хотя мы продолжали сканировать радиоволны в поисках сигналов. Некоторые спутниковые станции продолжали трансляции, пока хватало энергии от генераторов, но в большинстве своём они передавали лишь унылую музыку и записанные сообщения с извинениями за перерыв в трансляции. Один итальянский телеканал три недели подряд транслировал зацикленный дублированный эпизод «Башни Фолти»^[4]. Одна за другой все станции уходили из эфира. Последний живой канал передавал из Японии, где какой-то парень читал новости. Он показывал снимки отдалённых взрывов и сражений, пустые улицы и заброшенные городские кварталы. Мы каждый день смотрели его

в течение месяца, пока он просто не перестал выходить в эфир.

Бейтс и Мак взяли руководство на себя, разбили всех по группам и мы принялись обустроить своё гнездышко. Веснушчатый невысокий брамми^[5] по имени Петтс подготовил кусок земли, на котором весной можно будет разбить огород; в конце концов, наши запасы консервов и обезвоженной еды сокращаются, и вскоре нам придётся выращивать еду самим.

На основной кухне стояла бесполезная газовая плита, но в одной из хозяйственных построек мы нашли плиту начала века с давно позабытой дровяной печью. Мы её почистили и раз в сутки питались горячей пищей, приготовленной тётушкой одного нашего парня, которую мы тут же прозвали Обеденной Леди, хотя звали её миссис Аткинс. Во многих общежитиях имелись старые заложенные кирпичом камины, мы разбили их кувалдами, открыли дымовые трубы, в заброшенном хозяйственном магазине в Северноксе раздобыли решётки, и по ночам спали с комфортом. Необходимым топливом нас обеспечивали леса на территории школы.

Мы даже обустроили хлев, куда поселили корову, двух свиней и трёх овец. Поскольку школа святого Марка являлась элитным учебным заведением, в ней не было недостатка в потенциальных фермерах-джентльменах, к тому же двое выжили и вернулись — Хиткоут и Уильямс, и взялись за ухаживание за свиньями.

Школа начала походить на рай. Мы организовали турниры по футболу и регби, после завтрака начали проводить собрания; чёрт, мы даже жгли костры и пели песни. С трёх сторон территорию огораживала каменная стена, а река Медуэй, которая очерчивала южную границу школы, удерживала внешний мир на порядочном расстоянии от нас. Мы чувствовали себя в безопасности и изолированными, а Бейтс и Мак до поры до времени вели себя хорошо. Разумеется, поисковые отряды выглядели слишком воинственно, чтобы воспринимать их всерьёз, но без своих подручных Мак казался практически нормальным, а Бейтс, наконец-то, успокоился. Он сильно надеялся на Мака в организационных вопросах, но построение графика посадки картофеля и дойки коров, на самом деле, оставляет не так уж много места для мании величия.

Сюрреалистичная картина. Мир умирал, а тут крошечная община опечаленных детей ведёт себя так, будто всё в порядке. И на какое-то время, лишь на какое-то время, я позволил увлечь себя, позволил себе думать, что всё ещё может наладиться, что мир не погряз в анархии, хаосе, религиозных культах, крови и ужасе, что остальной мир был такой же, как мы — надеющийся и справляющийся день за днём. Возможно, эта крошечная община, что мы основали, выживет.

Каким же идиотом я был. Любая община здорова настолько, насколько здоровы её лидеры. А у нас были Бейтс и Мак. Надо было догадаться, что пиздец нам настал ещё до того, как всё началось.

Мы могли лишь как можно дольше удерживать безумие подальше от себя. Мы жили в отрицании, и появление мистера Хаммонда всё изменило.

* * *

Мы с Нортонем находились на южном участке, работая с хитрым изобретением, созданным одним пятиклассником, отличником по химии, по фамилии Дадли, которое

должно было собирать метан из дерьма животных, когда слышали выстрелы. Звук отразился от стен и мы не могли понять, откуда именно он доносился. Послышались также резкие повторяющиеся звуки, которые мы быстро опознали, как топот копыт по тротуару, и отдалённые крики. «Главная дорога!».

Мы пробежали через здания к парадному входу, и взглянули на длинную подъездную дорогу, которая вела от главных ворот к школе. По дорожке к нам бежал старик, поддерживаемый под руки двумя мальчиками. Все трое звали на помощь. Позади них, у самых ворот, но быстро приближаясь, верхом ехали мужчина и женщина. У обоих в руках были дробовики. Женщина прицелилась в бегущую тройцу. Она выстрелила, один мальчик споткнулся и упал в гравий. Старик замер в нерешительности.

— Беги, идиот, беги, — прошептал Нортон.

Старик подтолкнул второго мальчика в сторону школы, и пока тот бежал, вернулся, чтобы подобрать раненого. Он присел, защищая его от приближающихся всадников, когда те остановили коней и нависли над ними. Женщина тщательно прицелилась в бегущего мальчика.

Пока всё это происходило, у двери собиралось всё больше мальчишек, привлечённых шумом. Бейтс явился последним, держа в руках винтовку. Он вышел вперёд и открыл дверь ровно в тот момент, когда женщина выстрелила, и бегущий мальчик вскинул руки и кубарем рухнул на дорогу. Какое-то время он лежал, затем пополз в нашу сторону. Мы все испуганно охнули. Женщина медленно повела коня к нему.

Я посмотрел на Бейтса, но выражение его лица говорило само за себя; он замер, неспособный принять решение. От него никакой пользы нам не будет.

— Где Мак? — спросил он.

— В поисковом отряде, сэр, — ответил я.

— А. Точно. Эмммм...

«Бля. Нужно что-то делать».

— Сэр, дайте мне оружие, сэр, — произнёс я.

— Чего?

— Дайте мне оружие, сэр.

Я не кричал, да без толку было кричать. Я лишь тихо настаивал, демонстрируя власть, которой за собой не чувствовал. Он передал мне винтовку, и в этот же миг подбежала Матрона. Она тоже была вооружена.

— Матрона, — сказал я. — Выходи и поговори с ними. Дай мне пару минут.

Та задумалась, взглянула на Бейтса в поисках одобрения, но тот лишь пялился в окно, покусывая губу. Она взглянула на меня, кивнула, затем вышла на крыльцо, с винтовкой наизготовку, но без явного намерения стрелять.

Наездница спешила и встала возле раненого мальчика, который продолжал отползать от неё, он стонал и плакал, за ним тянулся густой кровавый след. Её коллега оставался верхом, удерживая двоих других метрах в двадцати позади неё.

Я обернулся, протиснулся сквозь толпу мальчишек и побежал вверх по главной лестнице. Мне требовалась хорошая точка обзора.

Я слышал позади выстрел и мой желудок дёрнулся. Господи, она казнила мальчишку.

Я добежал до площадки на втором этаже, забежал в класс и выглянул на дорогу. Твою мать, сраные окна закрыты. Я положил винтовку на подоконник и попытался открыть створку. Без толку, она закрашена и не откроется. Я посмотрел вниз, увидел Матрона и с

облегчением осознал, что стреляла она, предупредительный выстрел. Раненый мальчик продолжал ползти. Дробовик наездницы теперь был нацелен прямо на Матрону.

Я мог бы разбить одну небольшую секцию окна, но не хотел привлекать к себе внимание, и мне нужно было слышать, о чём они говорили. Я выругался, схватил винтовку и побежал обратно к лестнице. Я терял драгоценное время. Я побежал на третий этаж. Зал здесь служил общежитием с койками, стоящими у окон, одно из которых оказалось открыто. Я тихо пробормотал слова благодарности, лёг на койку, схватил винтовку и выставил ствол из окна. Я прижал приклад к мягкой плоти правого плеча. «303-й» лягается, как осёл, и если не приложить приклад, как следует, можно получить сильный синяк на ключице, который потом несколько недель будет сильно болеть. Поверьте, я знаю.

Я поднял рукоятку затвора, отвёл её назад и патрон скользнул из обоймы, заполняя пустоту. Затем я толкнул затвор вперёд, плавно поместил патрон в паз, защёлкнул затвор и переключил предохранитель. Я тщательно прицелился, выровнял дыхание, успокоил руки, и сосредоточился на женщине с дробовиком.

— ...мародёры, просто и понятно, — проговорила та.

Она стояла метрах в пяти напротив Матроны. Мальчик продолжал ползти, продолжал всхлипывать, находясь между двумя женщинами.

— Мародёры? — недоверчиво переспросила Матрона.

— Их заметили, воруящими еду из газетного киоска в Хилденборо. Старик и двое мальчишек. Сомнений никаких. Мы час их выслеживали.

— И кто, блин, решил, что им нельзя брать найденную еду? Ты, может, и не заметила, дорогуша, но дебетовые карточки больше не принимают.

Мальчик продолжал ползти.

— Теперь Хилденборо контролируем мы, — сказала женщина. — Наша территория, наши правила.

— Кто это — «мы»?

— Местный магистрат, Джордж Бейкер — главный. Он устанавливает закон, и если он говорит, что ты мародёр, значит, ты — мародёр.

— И мародёров вы расстреливаете?

— Тех, что бегут, ага.

— А тех, кого вы ловите?

— Их мы вешаем.

Матрона склонилась над мальчиком, который добрался до неё и цеплялся за её обувь.

— Я знаю этого мальчика. Ему тринадцать лет! — воскликнула она.

Наездница пожала плечами.

— Мародёр есть мародёр. А те, что укрывают мародёров, не лучше.

Матрона выпрямилась, вскинула винтовку и подошла вплотную к наезднице. Я решил, что она выстрелит, но она стояла спокойно, уверенная, что её товарищ удержит Матрону от первого выстрела.

Обе женщины стояли лицом к лицу, а между ними торчал ствол винтовки.

— Ну, а это — моя территория, — произнесла Матрона. — Я здесь закон. Уходите. Немедленно.

Целую минуту наездница выдерживала её взгляд. Мне нужно было сместить прицел; голова Матроны загораживала цель. Я переключился на мужчину.

Наездница приняла её вызов.

— Да, ну? — усмехнулась она. — И кто меня заставит? Ты и кто ещё?

Она отвела ствол винтовки Матроны в сторону, вскинула дробовик, и не успел я отреагировать, как она ударила Матрону прикладом по голове. Матрона рухнула на землю.

Вот он, момент истины. Я бессчётное количество раз стрелял в тире, разрывал в клочья бумажных человечков, но я никогда ещё не стрелял в настоящее дышащее живое человеческое существо. Если бы я мог перечислить все невысказанные желания в этой жизни, одним из них, которое, думаю, разделяет большинство людей, является желание никогда не убивать других людей. Я не хотел, чтобы на моей совести была кровь, мне не хотелось страдать от бессонницы, раз за разом переигрывая в голове свои действия, видеть, как кто-то раз за разом умирает от моих рук.

Я слышал, как мой папа просыпается с криками.

Я знал, каково это — стать убийцей.

Но в тот момент, сомнение означало, что другие люди, люди, которые были мне важны, могли погибнуть. У меня не было времени на рассуждения, философию и раздумья. И как только наездница прицелилась в голову Матроны, я прицелился ей в грудь и нажал спусковой крючок.

Но, не успел я выстрелить, не успел я отнять свою первую жизнь, кто-то другой открыл огонь по мужчине, который удерживал двух других «мародёров». Мужчина кувыркнулся в воздухе, свалился с лошади и упал на землю. Женщина обернулась посмотреть, что случилось. Матрона, раненая, но подвижная, схватила подстреленного мальчика на руки и начала пятиться к школе. Лошадь мужчины испугалась и побежала влево, в траву, она ржала и вставала на дыбы, открывая Мака, стоявшего у школьных ворот с винтовкой у плеча.

Наездница издала жуткий вопль и побежала к Маку. Она выстрелила из дробовика один раз, вынудив старика пригнуться, но выстрел ушёл в «молоко», а затем и она упала, сражённая одиночным выстрелом Мака. Она ещё прошла по инерции несколько шагов, затем упала рядом с двумя мародёрами, которых преследовала.

Её лошадь испугалась и помчалась, опустив голову, к Матроне, которая пятилась с мальчиком на руках.

Не раздумывая, я перевёл прицел и выстрелил.

Винтовка с силой ударила меня в плечо, а от звука выстрела заложило уши. Однако лошадь упала, точное попадание, прямо в голову. Впервые в жизни я стрелял по движущейся мишени. Впервые в жизни я убил что-то живое.

Какое-то время я лежал, шокированный содеянным. Я мог видеть, как Мак удивлённо смотрит на окно.

Мои руки дрожали.

Я ещё не стал убийцей.

Пока.

* * *

Неуверенным шагом я спустился по лестнице, шатаясь от адреналина. В центральном коридоре царил суматоха. Матрона уже ушла; она пробежала сквозь толпу напрямик в лазарет, а контроль над ситуацией взял Нортон.

— Хиткоут, возьми пару парней и убери лошадей, нахуй, с глаз долой, — говорил он. —

Уильямс, займись телами. Нам совершенно не нужно, чтобы их дружки обнаружили их трупы прямо у нашего порога.

Оба фермера собрали группы мальчиков постарше и поспешили заняться уборкой.

Я стоял на месте, позволяя шуму и суматохе омыwać меня. Понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что Нортон разговаривает со мной.

— Ли. Ли!

Я потрянул головой, разгоняя туман.

— Ну?

Он положил руку мне на плечо и обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке?

— Ага. — Я кивнул. — Ага, думаю да, ага.

— Хорошо. Идём, надо занести второго раненого.

— Ага, конечно.

Небо снаружи было идеально голубым, воздух бодрящим и свежим. Когда мы бежали к раненому мальчику и старику, что его защищал, под моими ногами хрустел гравий. Все мои органы чувств, казалось, усилились. Я слышал, как в груди колотилось сердце, всё вокруг представляло передо мной с кристальной чёткостью. Я чуял кровь.

Мы пробежали мимо убитой лошади, возле которой стояли трое мальчиков и обсуждали, как двигать такую здоровую тушу. Я замедлился и остановился. Я обошёл животное, опустился на колени рядом с ним и коснулся ещё теплой шеи. Глаза лошади были открыты, они безумно и слепо таращились вперёд, пасть открыта, язык вывалился, зубы обнажены от испуга. Над её левым глазом виднелось небольшое отверстие, из которого на тропу вытекало чёрно-серое вещество.

Я ощущал заступающий жар тела лошади и по моим щекам потекли слёзы. В животе опустело, голову сжало, мне хотелось лишь забиться в дальний тёмный угол и реветь. То была первая настоящая эмоция, которую я испытал после смерти мамы.

Я уgomонил свои чувства. Это потом; сейчас надо работать. Я пробормотал «прости», поднялся на ноги и побежал за Нортоном, вытирая по пути глаза.

Когда я подбежал к мародёрам, то был шокирован, узнав мужчину. Это был мистер Хаммонд, наш учитель рисования. Мальчика я тоже узнал, по внешности. Он учился в третьем классе, но имя его от меня ускользнуло. Хаммонд был стариком, семидесяти пяти лет, и уже давно должен быть на пенсии, а сейчас он выглядел на все девяносто. Его лицо было бледным и небритым, щёки впавшие и затенённые. Его одежда, столь знакомая по бесчисленным урокам рисования, была изношена и изодрана. На лбу у него был глубокий порез, из которого набок стекала кровь.

Он не выглядел так, словно пережил самый лёгкий апокалипсис.

Когда я подходил, мимо прошёл Уильямс, волоча мёртвую женщину. Нортон помогал Хаммонду подняться на ноги, Мак поднимал раненого мальчика. Бейтс тоже там стоял, он смотрел на лужу крови остекленевшими и пустыми глазами. Когда я коснулся его, он не поднял взгляд.

— Сэр, — сказал я. Нет ответа. — Сэр.

Бейтс вырвался из задумчивости и посмотрел на меня.

— Ммм?

— Ваша винтовка, сэр, — сказал я и протянул её. Он посмотрел на неё с таким ужасом, словно я протягивал ему отрубленную голову. Затем он протянул руку и взял её.

— Спасибо, — пробормотал он.

Нортон и Хаммонд вернулись в школу, а Мак передал мальчика, истекающего кровью, но всё ещё дышащего, паре пятиклассников, которые увели его прочь.

И вот мы остались втроём — я, Бейтс и Мак — возле двух луж крови, неуверенные, что сказать друг другу. Я только сейчас заметил на армейской куртке Мака следы высохшей крови. Я изучил его получше. Я только что убил лошадь и полностью развалился; он только что застрелил двух человек и не выглядел хоть сколько-нибудь обеспокоенным. Возможно, я не был убийцей, но он-то был. И что-то в его реакции, точнее, в её отсутствии, подсказывало мне, что он не впервые отнимал чью-то жизнь.

— Что случилось? — спросил я. — Где остальные?

Бейтс взглянул на Мака и, кажется, восстановил способность мыслить. Мак внимательно наблюдал за ним, и его холодный оценивающий взгляд заставил меня чувствовать себя крайне неловко.

— Да, Мак, — сказал Бейтс. — Ты ушёл с МакКаллохом и Флемингом. Где они?

Он ответил бы, но его внезапно окружила толпа шестиклассников, которые принялись его поздравлять. Вольф-Барри хлопнул его по спине и вскинул кулак, Пейтел продолжал повторять, что было «так круто», Зейн просто восторженно тарашился.

Отлично, теперь у него новый фан-клуб.

* * *

Мы собрались в главном актовом зале сразу после легкого ужина кониной с карри. Я не ел.

Бейтс заговорил первым.

— Вы все в курсе инцидента, произошедшего сегодня днём. Матрона до сих пор пытается спасти жизни двух раненых мальчиков. Этих мальчиков зовут Грант из 2-го «В» и Престон из 4-го «С».

Один мальчик из второго ряда звучно охнул, услышав эту новость. Видать, одноклассник.

Бейтс чувствовал себя более уверенно в этой безопасной, подконтрольной ему обстановке. Все признаки потери самообладания исчезли. Он стоял прямо, одетый в форму, с руками за спиной, словно полковой сержант-майор.

— Сейчас я передам слово мистеру Хаммонду, который расскажет о произошедшем. Деннис...

Он жестом указал на коллегу и сел на своё место. Хаммонд поднялся, оглядел помещение, вглядываясь в лица, мысленно отмечая тех, кого он знал, высматривая, кто выжил, а кто, по оплошности, нет.

— Я счастлив вернуться, мальчики. Счастлив видеть, что вас так много. Это даёт мне надежду... — Он замолчал на мгновение, но тут же собрался. — Престон и Грант жили неподалёку от меня в Севеноксе и несколько дней назад оба явились ко мне домой. Это я предложил вернуться сюда. Если бы мы остались, возможно мы бы... В общем, топливо у нас закончилось у самого въезда в Хилденборо. Но до школы оставался всего час пешком, и мы не переживали. Грант был голоден, поэтому мы остановились у газетного ларька, чтобы поискать что-нибудь съестное. Там всё оказалось тщательно вычищено, но под

перевёрнутым шкафом мы нашли шоколадные батончики. Мы сочли это удачей и собрались уходить. Но через несколько минут поднялся шум и гам. Послышался крик «мародёр», мы увидели, как к нам бежал мужчина, и побежали сами, спасая свои жизни. Престон знал эти места, благодаря ему мы сумели оторваться от преследователей, хотя так и не сумели стряхнуть их со своего следа. Наконец, у ворот они нас догнали, а остальное вы знаете. Если бы не Матрона и Маккиллик... — Он вновь умолк, не договорив.

Можно было бы предположить, что Хаммонд был благодарен человеку, спасшему ему жизнь, но взгляд, что он бросил на Мака, был полон неприязни и подозрительности.

Бейтс снова поднялся, поблагодарил Хаммонда и передал слово Маку с тревожаще высокой степенью почтения в голосе. Мы с Нортонем обменялись обеспокоенными взглядами. Мак помылся и сменил форму, но по-прежнему носил военный камуфляж.

— Благодарю вас, сэр, — произнёс он, возможно, с тончайшей ноткой сарказма. — Я буду краток. Флеминг, МакКаллох и я этим утром ушли покопаться в Хилденборо. Как вам известно, все магазины давно вычищены, поэтому мы ходили от дома к дому. Не самое приятное занятие. В тех домах, что ещё не заселены, по-прежнему остались жильцы. Потребуется крепкий желудок.

Какой же он самодовольный, самовлюблённый, «я-не-такой-как-все» урод.

— В одном доме мы обнаружили много полезных вещей и принялись грузить их в микроавтобус. Я был внутри, когда услышал крики. Я подошёл к окну и увидел, как трое мужчин, все с оружием, бегут к МакКаллоху и Флемингу. Наши парни вооружены не были, их застали врасплох, у них не было ни единого шанса. Я видел, как их увели, а потом пошёл за ними, прячась среди домов. наших парней отвели в большой дом у дороги, полагаю, какой-то старый особняк. Не успел я туда пробраться и всё рассмотреть, как их вывели обратно. Трое мужчин, а с ними ещё один, новенький, какой-то расфуфыренный лорд в твидовом костюме и всё такое. Они завели наших пацанов за дом, я проследовал за ними, прячась среди живых изгородей. А там, так словно, это самое обычно дело в саду, стояли виселицы. МакКаллох начал кричать, поэтому с ним расправились первым. Всё произошло буквально в одно мгновение. Затем они взялись за Флеминга. Не успели ему накинуть петлю на шею, как он обмочился.

«Твою мать, Мак. Эти подробности тут нахуй не нужны». Я со злостью сжал кулаки. Ему всё это нравилось.

— После этого я там не задерживался. Но, когда я уходил из города, то увидел, как несколько парней ставили вдоль дороги новый забор и вывеску, на которой было написано: «Протекторат Хилденборо. Губернатор: Джордж Бейкер. Торговцев приветствуем. Мародёров вешаем». Пришлось искать другой выход из города, я обнаружил на всех выездах посты охраны. Ну, я и разобрался с одним из них и вернулся сюда. Полагаю, вовремя.

«Разобрался с одним из них». Это объясняло кровь на куртке. Значит, за сегодня он убил троих и смотрел на всех так, словно проводил лучшее время в жизни. Мне стало не по себе.

Он сел и слово вновь взял Бейтс.

— Мальчишки, понимаю, это тяжело, но необходимо принять реальность того, что мы, эм, на войне.

Послышался ропот недоверия.

— Понимаю, звучит нелепо, но взгляните на факты. Практически у нашего порога некая враждебная сила основала свою оперативную базу. Они убили двоих наших и ещё двоих ранили; мы убили троих с их стороны. Мы знаем, что они вооружены, окопались и

настроены очень серьёзно. Мы должны ожидать нападения и должны быть к нему готовы.

Я поднял руку, намереваясь спросить, с чего нам ожидать их нападения.

— Опустит руку, Киган, — пролаял Бейтс. — Я не разрешал задавать вопросы. И это все касается. Если мы намерены выжить, мы должны сконцентрироваться, объединиться, подготовиться. Необходимо наладить чёткую цепь руководства и все приказы должны исполняться немедленно и без вопросов. Это ясно?

— Что ж, — заговорила Обеденная Леди. — Я не ожидала, что со мной будут обращаться подобным образом.

— Мэм. Вам рады в святом Марке, но команду тут я, и если вы принимаете мою защиту, боюсь, вам придётся принять и мои правила.

Вот так Бейтс и объявил военное положение.

Я взглянул на Мака. Его лицо оставалось невозмутимым, но глаза говорили совершенно о другом. Они блестели от радости.

Слово взял Хаммонд.

— Скажите, Бейтс, вы точно уверены, что необходимо...

Бейтс подался вперёд и что-то прошипел Хаммонду прямо в ухо, отчего тот умолк.

Он продолжил:

— Необходимо обезопасить периметр, расставить охрану, организовать патрули и так далее. В конце концов, мы восстановим ОКО, и от каждого мальчика ожидается, что он внесёт свой вклад.

Бродбент поднял руку и принялся блеять раньше, чем Бейтс успел его заткнуть.

— Но, сэр. У меня освобождение от ОКО из-за астмы. Мой папа написал записку и всё такое.

— Я сказал, никаких вопросов, пацан! — выкрикнул Бейтс. — И никаких освобождений. Если ты достаточно взрослый, чтобы уметь самостоятельно одеваться, то ты достаточно взрослый, чтобы держать оружие.

Можно было заметить, как все в зале были шокированы, глядя в их глаза и на поникшие плечи. Бейтс глубоко вздохнул и, казалось, взял себя в руки.

— Я понимаю, не этого мы хотели, но так оно и есть, — рассуждал он. — Это наша с Маком работа — обеспечивать вашу безопасность. Сегодня я потерпел поражение. Больше этому не бывать. С сего дня все вы будете обращаться ко мне «полковник», а к Маку — «майор». Это ясно?

Мне хотелось рассмеяться ему в лицо. Хотелось встать и крикнуть: «Ты, блядь, прикалываешься? Ты — учитель истории, убогий ты метатель консервных банок». Но я не стал. Слишком трагичный момент. Трагичный и — я бросил взгляд на Мака — зловещий.

— Я спрашиваю, вам всё ясно?

Несколько мальчишек без особого энтузиазма пробормотали: «Так точно, полковник». Я думал, Бейтс начнёт давить, но он, должно быть, решил, что пока не время.

— Хорошо, — произнёс он. — А сейчас пусть останутся Спейт, Пьюг, Уайли, Вольф-Барри, Пейтел, Грин, Зейн и Киган. Остальные свободны.

Нортон, уходя, прошептал: «Удачи». Все затопали на выход, за исключением меня, Бейтса, Мака и семерых названных мальчиков. Все они были шестиклассниками; я оказался единственным, кто был не из шестого класса.

Когда все прочие ушли, Бейтс указал нам пересечь поближе, а сам уселся напротив нас.

— Вы здесь — самые старшие мальчики, и немалая доля ответственности ляжет на вас.

Со временем всем раздадут звания, но в данный момент вы — временные капралы. Майор Мак будет непосредственно вами руководить, и я хочу, чтобы вы всегда исполняли его приказы чётко и без вопросов. Это ясно?

— Так точно, полковник.

— Молодцы, парни, — сказал Бейтс.

Он улыбнулся, что, по его мнению, должно было нас приободрить, но он скорее, был похож на напуганного человека, открывающего свои зубы стоматологу-садисту. Он похлопал Мака по плечу.

— Они ваши, майор, — сказал он и вышел из зала.

Мак оглядел нас и улыбнулся хитрой кровожадной ухмылкой. Мы его не впечатлили, но собой он доволен был. Он поставил свой стул так, чтобы сидеть лицом к нам.

— Так, я сегодня уже грохнул троих пидоров, так что, если никто из вас не хочет становиться четвёртым, держите ухо востро, а рот на замке. Ясно?

А, ну, конечно. Вот и он. Тот самый Мак, которого я помню. Все эти недели, пока он изображал милого парня и подлизывался к Бейтсу, он выжидал, выгадывал момент, когда настанет его время. Теперь, когда Бейтс дал слабину, когда в воде появилась кровь, акулой оказался Мак.

Дела оборачивались скверно.

Глава третья

С отцом Мака я видел лишь однажды, на дне выступлений. Мы с Джоном какое-то время шли за ними, восхищаясь манерой их речи. У его отца, лорда, речь была полна растянутыми гласными, и, что самое поразительное, у Мака тоже. Он постоянно сыпал выражениями и словечками, вроде: «батюшки мои», «супер» и «божечки». Один раз он сказал, буквально: «Ох, звёздочки мои!». Нам с Джоном пришлось отойти в сторону, поскольку мы поняли, что уже совершенно неспособны сдержать смех.

Я глядел на поддельного бандита, сидевшего напротив, а в голове у меня была лишь одна мысль: «Что бы подумал твой отец?». А ещё: «Я знаю тебя, мошенник. Все считают тебя крутым, но там, в глубине, ты всего лишь избалованный папенькин сынок из высшего общества, сверхкомпенсирующий наличие серебряной ложки у себя в заднице».

— Короч', - произнёс он с ярко выраженным диалектом кокни ^[6]. — Теперь, для вас всех я — ваш боженька, блядь. Я — закон. Конкретный судья Дредд ^[7], вот, кто. Всё, чё я г'рю, исполняется, и без единого, блядь, возражения, ясно? Вы принадлежите мне.

Он выдержал эффектную паузу и смерил нас угрожающим взглядом.

— Но я не безрассуден, — соврал он. — Я не недружелюбен. Держитесь меня, и всё будет путём. Я о вас позабочусь. Будьте верны мне, и мы притрёмся, уяснили?

Мы снова кивнули.

— Короч'. Так. Полковник сделал меня своим заместителем, а вы, пацаны, мои офицеры. Вы мои любимчики. Вы сможете отдавать приказы остальному мудачью, и вы постоянно будете носить оружие. Следующие несколько дней я проведу с вами кое-какую дополнительную подготовку — руководство, стратегия, военное ремесло, и прочее говно. Вы возглавите отряды сборщиков, рейдерские команды и все прочие операции, слишком, блядь, грязные, чтобы я марал о них свои белые ручки. Держитесь меня и вам повезёт. Попробуйте меня наебать, и вам кранты. Итак, большинство из вас уже было со мной в ОКО, и вы в курсе, как мне нравится. Те из вас, что были летунами, быстро, блядь, научатся.

«Уж точно, научимся», — подумал я.

— Киган! — внезапно выкрикнул он, отчего я подскочил.

— Ну? — икнул я. Он сурово посмотрел на меня. — В смысле, да, сэр?

Он кивнул, прощая меня, на этот раз.

— Сегодня днём ты продемонстрировал хорошую инициативу.

— Благодарю, сэр.

— Для летуна, — добавил Мак. — И пятиклашки. И стрельба тоже нехеровая. Почти как у меня, хех. — Он усмехнулся собственной небольшой шутке. Пьюг подобострастно хихикнул, но умолк под презрительным взглядом Мака.

— Если дела пойдут вразнос, ты нам понадобишься, Киган, — продолжал он.

Он обратил своё внимание на остальных и я тяжело выдохнул, внезапно осознав, что задержал дыхание.

— Все остальные могут у него поучиться. Это — человек действия.

Он склонился ближе ко мне, его кислое дыхание ударило мне в лицо. Он прошипел:

— Но не слишком активничай, лады? Ты же не хочешь быть слишком умным, ради своего же блага, да, Киган?

— Никак нет, сэр, — хрипло ответил я.

Он выпрямился и улыбнулся.

— Короч', пора расставить вас в патрули, народ.

В ходе последующего обсуждения, я осознал, что мне была дана возможность. Если я буду находиться среди офицеров, я стану ближе к Маку, а если я смогу сблизиться с ним, возможно, я смогу на него повлиять, отвлечь его, и даже, если возникнет нужда, договориться с ним.

Я приготовился стать лучшим из лучших друзей Мака: надёжным, стойким и хитрым ублюдком.

* * *

Спейт и Зейн отправились в караул первыми, остальные были свободны. Я пойду в караул в паре с Вольфом-Барри с рассветом, поэтому мне захотелось прикорнуть.

Разница между ночью и днём должна была быть стёрта электричеством; уличные фонари окрашивали ночное небо в оранжевый цвет и прятали звёзды; электрические лампы в домах позволяли людям всю ночь заниматься всем, чем они пожелают; автомобильные фары позволяли уверенно путешествовать в ночи. Теперь всё изменилось. Фонари на батарейках использовались только в случае крайней необходимости, поэтому свет по ночам исходил только от огня. Люди возвращались к старому распорядку дня и ночи, поднимаясь и вставая вместе с солнцем.

Тем не менее, Бейтс поддерживал старый распорядок: младшие ложились в постель в 8, четверо- и пятиклассники ложились в 9:30, старшие в 11. Я должен был лечь в 9:30, но мне сообщили, что мне, как повышенному до старших — со всеми полагающимися обязанностями — позволялось пользоваться и расписанием старших, поэтому у меня имелось кое-какое свободное время, и кое-кто, кому следовало нанести визит.

Дверь в лазарет была закрыта, но сквозь заиндевевшее окно было видно пламя свечи и перемещавшаяся тень Матроны. Я постучал и заметил, как тень замерла. Она не открыла. Возможно, хотела, чтобы её оставили в покое. Я постучал снова.

— Матрона, — произнёс я. — Это Ли. Просто хотел повидаться с тобой.

Её силуэт расслабился.

— Входи, Ли, — сказала она.

Я толкнул дверь, вошёл и увидел Матрону, стоящей у кушетки, которую она использовала для осмотра. На лбу у неё, там, куда её ударила наездница, виднелся бледный синяк, и на какое-то мгновение я разозлился, что после всего этого не пристрелил ту суку. Матрона была одета в медицинский халат и фартук в пятнах свежей крови. Рукава халата были закатаны, а на ладонях резиновые перчатки, которые она стягивала, когда я вошёл. Её лицо было таким же белым, как и одежда.

На полу, под простынями, лежало четыре тела. Значит, оба мальчика умерли.

Я замер в дверном проёме, не зная, что сказать. Тишину нарушила она.

— Слишком много дробы, — просто сказала она. — Слишком мало анестетиков.

Рядом с кушеткой стояла сложная система трубок, подвешенных на металлической подставке. Вероятно, она делала переливание.

Матрона проследила за моим взглядом и кивнула.

— Первым кровь сдал Аткинс, затем Бродбент, Дадли и Хейкоккс. Они были такие

смелые, но крови всё равно не хватило. — Слова застряли у неё в горле, и она облокотилась на кушетку, словно у неё закружилась голова. Затем она подняла взгляд, вспоминая.

— О, Ли, я забыла тебя поблагодарить. Ты спас мне жизнь, не так ли?

Я кивнул, по-прежнему, не понимая, что говорить.

— Благослови тебя бог. Ты спас меня. А я не смогла спасти их. — Она сползла на пол. — Какой пиздец. Пережить конец света, чтобы погибнуть из-за батончика «Марса».

Она закрыла лицо ладонями и заплакала.

Я подошёл к ней, присел рядом и осторожно коснулся её плеча. В тот же миг, она потянулась ко мне, обняла и уткнулась лицом мне в шею, заливая её слезами.

Какое-то время мы так и просидели.

* * *

Похоронив трупы, расчленив и засолив одну лошадь, и отпустив вторую километрах в пятнадцати дальше по дороге, мы избавились от всех свидетельств конфликта у школьных ворот.

К счастью, на микроавтобусе, брошенном в Хилденборо, не имелось надписи с названием школы и креста, поэтому никто не мог отследить его, не пробив номер в Агентстве выдачи водительских удостоверений и транспортных средств, а там не брали трубку. Нам оставалось надеяться, что ни МакКаллох, ни Флеминг перед повешением не выдали нашего местоположения соседям. Однако Бейтс не стал рисковать, и на следующий день собрал всех офицеров в актовом зале. Он был прямолинеен.

— Нам нужны боеприпасы, — просто сказал он. — В нашей оружейке десять винтовок и несколько коробок с патронами, но если дойдёт до стрельбы, повезёт, если продержимся день. Разумеется, когда закон и порядок рухнули, оружие и патроны можно брать, где угодно, если знать, где искать. А я знаю. Так что, собираемся в полевой выход.

Он достал маркер и принялся рисовать на доске карту.

* * *

Пьюг и Уайли остались охранять школу. Мистер Хаммонд намеревался учить, поэтому большинство мальчиков будут в безопасности внутри. Тем временем, остальные отправились в путь, с Бейтсом и Маком, попеременно сидящими за рулём микроавтобуса. В полном снаряжении, вооружённые, с лицами, раскрашенными защитной краской, мы готовились добыть оружие и встретить любое сопротивление.

Объехав Хилденборо по широкой дуге, мы направились в глубины Кента. Все машины, встреченные нами по пути, были брошены, а дороги были близки к тому, чтобы стать непроходимыми. С исчезновением муниципальных рабочих, которые резали бы кустарник и пилили поваленные деревья, узкие проселочные дороги быстро исчезали в зарослях зелени. На некоторых дорогах ветки деревьев скребли по нашему автобусу. Ещё пара сезонов и дорога зарастёт напрочь.

Мы проезжали мимо живописных деревень с обширными лугами, где поля для крикета, так долго подстригаемые, ныне пришли в упадок и заросли. Мы видели древние церкви с

разбитыми витражами и громадными вековыми дубовыми воротами, висящими на толстых кривых петлях. Мы ехали среди полей, полных коров, мёртвых или умирающих, агонизирующих, из-за того, что их выводили давать молоко, которое теперь некому доить.

Кое-где виднелись признаки жизни: мужчина на лошади, запряжённой в повозку с кульками лука-пороя; одинокий коттедж, из трубы которого в серое небо тянулась струйка дыма; горящая сельская ратуша. В одной деревушке, мимо которой мы проезжали, нас закидала камнями толпа одичалых детей. Мак сделал несколько предупредительных выстрелов по-над их головами, и рассмеялся, когда они убежали прочь.

Когда мы находились примерно в километре от пункта назначения, мы свернули на ферму. Мы с Маком обошли строения, чтобы убедиться, что там никого, затем загнали автобусы в амбар. Отсюда пойдём пешком. Мы разбились на две группы. Я, Мак и Грин пошли одной дорогой, Бейтс, Зейн и Вольф-Барри пошли другой. Спейт и Пейтел остались сторожить транспорт. Суть заключалась в том, чтобы подобраться к цели с различных направлений.

Двигались мы через густой лес. Одна единственная напуганная крикливая куропатка могла выдать наше присутствие, поэтому шли мы налегке. Мы спугнули небольшое семейство оленей, но те исчезли из нашего вида, поэтому мы решили, что всё в порядке. Где-то справа в небо взмыла, крича, стая голубей; очевидно, группа Бейтса двигалась менее скрытно, чем мы от них ожидали.

Когда мы вышли к опушке леса, то легли и поползли прямо по сырым перегнившим листьям, держа винтовки перед собой. Вскоре Мак вскинул руку, и мы замерли. Он достал бинокль и пару минут изучал пейзаж перед лесом, затем передал бинокль мне.

— Что видишь, Киган?

Я взял бинокль и осмотрел полигон и арсенал территориальной армии Кента и Сассекса.

Между нами и комплексом тянулся решётчатый забор. В одной его секции прямо перед нами торчал сгоревший седан, видимо, это результат чьей-то безумной попытки тарана. Корпус машины был испещрен дырками от пуль. Мест возможного проникновения было немало; забор представлял собой слабое препятствие, в нескольких местах он завалился, однако состояние автомобиля говорило о том, что в какой-то момент комплекс серьёзно оборонялся. До сих пор ли?

По правую сторону от нас располагалось стрельбище. Кирпичная траншея выходила на длинную полосу травы с широкой песчаной насыпью в дальнем конце. Прислонившись к песку, стояли выцветшие изодранные изображения бумажных солдат, прибитые скобами к деревянным доскам. Многие упали, другие висели под причудливыми углами, будто пьяные. И окопы, и насыпь представляли собой отличное укрытие, как для нападающих, так и для обороняющихся.

Прямо напротив нас располагалось главное здание. Оно было двухэтажным, построенным из кирпича, с впечатляющей вывеской над широким дверным проёмом, говорящей о его высоком военном значении.

Парковка перед зданием была пуста, за исключением одной блестящей «БМВ», которая каким-то причудливым образом осталась нетронутой, терпеливо ожидая возвращения своего гордого владельца. По левую сторону от парковки тянулась дорога, вдоль которой стояли хозяйственные постройки, которые, по-видимому, тянулись и за главным зданием; остальная часть комплекса была не видна, где-то там был плац и полоса препятствий.

У входа в главное здание располагались две огневые точки из мешков с песком, но ни людей, ни орудий видно не было. То были остатки предыдущих попыток обороны, давно уже заброшенные.

Если бы я оборонял это место, где расположился бы сам?

Я осмотрел крышу и окна главного здания, но не заметил ни признаков жизни, ни иных, более свежих укреплений — ни мешков с песком, ни заграждений, ни каких-то неслучайным образом расставленных препятствий, за которыми можно спрятаться. Стрельбище выглядело пустым, равно как и хозпостройки вдоль дороги. Возможно, все защитники укрепились позади главного здания, но тогда они не смогут перекрыть наиболее очевидные пути подхода, так что, это маловероятно. Так что, либо я что-то упустил, либо это место брошено.

Я уже собирался вернуть бинокль Маку, когда заметил уголок кирпичной кладки, торчащий за портиком входа в траншею стрельбища. Я передвинулся немного левее, чтобы рассмотреть получше и перед моими глазами предстал бункер из бетона и кирпича времён Второй Мировой. Сидящий в нём будет иметь круговой обзор всего комплекса, иметь практически любую линию огня и, блин, практически все шансы быть убитым каким-нибудь мародёром с дробовиком.

Я указал на бункер и передал бинокль Маку, тот кивнул; либо он его уже видел, либо Бейтс предупредил его заранее.

— Малость очевидно, да? — прошептал он, передавая бинокль Грину, который, в свою очередь, принялся осматривать местность. — Я бы посадил ещё кого-нибудь, прикрывать подход к бункеру. Итак, где, по-вашему, засел этот пидорюга?

— Сэр, — прошептал Грин. — Машина у забора. Правое заднее колесо.

Он передал бинокль Маку и тот посмотрел. Он ухмыльнулся.

— Не так уж и плохо, Грин. Совсем не плохо.

Он передал бинокль мне. И точно, из-за правого заднего колеса торчал ботинок. Пока я за ним наблюдал, он слегка шевельнулся. Под машиной лежал человек. Между ним и бункером лежало открытое пространство комплекса, отлично подходящее для перекрёстного обстрела.

Раций у нас не было, поэтому Грину и Вольфу-Барри предстояло обойти комплекс, держась леса. Они должны встретиться на полпути между нашими позициями и обменяться записками. Грин убежал, а мы с Маком отползли с опушки в глубину леса и уселись возле пары деревьев. Мак достал мятую пачку «Мальборо» и протянул одну сигарету мне.

— Дым могут увидеть, сэр, — заметил я.

Мак смотрел на меня какое-то время, и на мгновение я решил, что сейчас он устроит мне взбучку, но вскоре он кивнул и убрал пачку.

— Разумно, — сказал он и холодно на меня посмотрел. — Почему ты вчера не пристрелил ту суку?

«Потому что я не убийца-психопат, основной инстинкт которого — стрелять».

Дыши. Спокойно. Играй свою роль. Заслужи доверие.

— Не был уверен, что достану её дружка до того, как тот убьёт Хаммонда и остальных. Не хотел стрелять первым, наверное. Но я собирался, пока ты меня не опередил. Так что, спасибо. Ты уберёг меня от неприятностей. — Я ухмыльнулся, пытаюсь показать, что говорю в шутку. — Меткая стрельба, кстати.

— Много тренировался.

«О, отлично, суровый мужик. Делай вид, будто постоянно стреляешь в людей. Знаю я,

где ты тренировался — с четырех лет стрелял фазанов в папочкинском поместье, одетый в курточку «Barbour».

Опять же, не спешить. Я не знаю, что случилось с ним во время Отбора. Не знаю, чем он занимался последний год. Может, он валил всех подряд. Откуда мне знать, в конце-то концов? Он мог быть всего лишь избалованной копией Гранта Митчелла^[8], но я понимал, что недооценивать его опасно.

— Много кого убил с начала Отбора, да? — Обыденный, беззаботный, слегка заинтересованный, а не испуганный тон.

— Нескольких. — Скрытный, ничего не раскрыл. — По крайней мере, никого, кто этого бы не заслужил. Поначалу хуже всего. Потом легче.

— И кто был первым?

Долгое молчание.

Из-за деревьев появился, ковыляя, Грин, и момент оказался упущен.

— Чё, блин, с тобой случилось, Грин? — спросил Мак.

— Поскользнулся, сэр. Похоже лодыжку подвернул.

— Ёб твою мать, Грин, лучше б я послал вместо тебя свою младшую сестру. Короч', садись. Что они разведали?

— Плац на той стороне пуст, они никого не заметили, так что, похоже тут только один человек под машиной, и ещё один в бункере. Полковник со своими людьми займут позиции в главном здании, на крыше с левой стороны. Наша задача — убрать парня под машиной, не привлекая внимания того, что в бункере. Он говорит, это ваша работа, сэр.

Однако Мак уже пришёл в движение. Он достал из рюкзака жуткого вида нож, сунул его в зубы и пополз на животе.

— Киган, прикрой, — прошептал он, выползая из леса и потихоньку продвигаясь к машине, которая находилась метрах в пятидесяти впереди и ниже по склону.

Я занял позицию на опушке, прижал винтовку к плечу и принялся осматривать местность на предмет неприятных сюрпризов. Вокруг было тихо, как в могиле.

Затем, оказавшись в максимальной близости от машины, Мак вдруг выпрыгнул из травы, и сломя голову ринулся к лесу, полностью раскрывая свою позицию. Я решил, он полностью позабыл про план, но машина внезапно взорвалась в клубах дыма и пламени, швырнув Мака лицом вперёд. Он поднялся на ноги и побежал дальше. Пока он бежал в укрытие, вслед ему никто не стрелял. Он сел рядом со мной, тяжело дыша.

— Растяжка, блядь, — выдохнул он. — Не было там никого под машиной, вообще. Просто нога, блядь, на проволоке, которую дёргал какой-то мудака. Заманил меня внутрь, и я не заметил ловушки, пока не залез в неё. Ёбанный любитель! — Он со злостью отбросил нож. Тот с силой врезался в дерево.

— И где тогда кукловод? — спросил я.

— Проволока тянется налево, куда-то между машиной и главным зданием, полагаю. Но мы уже засветились. Врагов там может быть сколько угодно, и они знают, что мы здесь. Нужно всё обдумать.

В тот же момент треск статики и ожила древняя система оповещения.

— Данное учреждение является собственностью Вооруженных Сил Его Величества и находится под охраной. В соответствии с чрезвычайными мерами и действующими приказами, касающимися операции «Родина», любая попытка проникнуть на данный объект является актом государственной измены. Любые попытки дальнейшего вторжения будут

встречены огнём на поражение. Это наше первое и последнее предупреждение.

Громкоговорители стихли, как и мы.

— Что, блин, во имя Господа, такое операция «Родина»? — вскоре произнёс Мак.

Он закусил губу и нервно оглядел комплекс.

— Короч'. В этом месте полно боеприпасов, и я, блин, намерен его забрать, с приказами там, или нет.

— Можем дождаться темноты, сэр, — предложил Грин.

— И если у них есть очки ночного видения, мы отдадим им всё преимущество, тупица.

Не, нужно действовать быстро. — Он снова достал бинокль.

— Нужно отследить два провода. Громкоговоритель и тот, что дёргает. Поглядим, куда они идут.

Пока он пытался найти, откуда вещает громкоговоритель, я заметил вспышку в одном из окон верхнего этажа. Я пригляделся и вспышка повторилась. Я похлопал Мака по плечу, и указал. Тот посмотрел.

— Это Бейтс, — сказал он. Не «полковник» — отметил я. Занятно. — Сигналил зеркалом. Идиот чёртов, голову опусти. — Но было уже слишком поздно. Очередь из пулемёта ударила по зданию, разбив окно и засыпав осколками Бейтса и остальных. В бункере кто-то был.

— Кажется, в кого-то попали, не вижу, в кого, — сказал Мак. — Блядь, какой бардак. Короч', надо это прекращать. — Он передал бинокль мне. — Грин.

— Сэр?

— Провода громкоговорителя идут к бункеру, а провода кукловода идут к главному зданию. Думаю, там укрылся человек, возможно, снайпер в камуфляже. Можно подобраться к нему вплотную и даже не заметить, если он знает своё дело. Но я хочу, чтобы ты держался леса и продвинулся вниз, чтобы накрыть район. Он не станет стрелять, пока не увидит цель, с которой не смогут разобраться из бункера, поэтому мне нужен ты, Киган, чтобы отвлечь его огонь.

— Сэр? — переспросил я, стараясь, чтобы в моём голосе не слышалось скепсиса.

Мак ухмыльнулся.

— Я знаю, ты стреляешь лучше, Киган, но Грин ещё не скоро пробежит стометровку, не так ли, Грин?

— Никак нет, — униженно ответил тот.

— Но, ты можешь пристрелить эту дрянь?

— Так точно, сэр.

— Ну, вот. Ты, Киган, будешь наживкой, а Грин пристрелит стрелка. Разобрались.

— А чем вы будете заниматься, пока по мне будут стрелять, сэр? — спросил я.

Он открыл рюкзак, достал из него шашку динамита и помахал ей у меня перед лицом.

— Проходил мимо карьера на обратном пути в Замок, да? Взорву этот бункер нахуй.

— А полковник?

— Идёт он на хуй, если его ещё не пристрелили, то давно пора. Мы это переживём. Вы со мной?

— Так точно, сэр! — восторженно тьякнул Грин.

О, да, закончиться всё должно хорошо.

Мы синхронизировали часы, а затем я и Грин, держась леса, разошлись, в то время как Мак направился напрямик к бункеру. Грин занял позицию в высокой траве прямо перед главным зданием, а я продолжил движение. Я немного прошёл по комплексу вне предполагаемых пределов видимости снайпера и поспешил по дороге, ведущей к воротам. Я спокойно добежал до деревьев на противоположной стороне и начал путь обратно к забору. Найти пролом труда не составило, я пролез под забором и пополз по траве, пока не оказался за первой хозяйственной постройкой на противоположной стороне дороги от Грина.

В моём списке «вещей, которых я делать не хочу» выше пункта «пристрелить кого-нибудь» стоял только пункт «быть кем-нибудь подстреленным». Поэтому мне не очень понравился план Мака, по которому я должен бегать перед носом у снайпера, представляя собой сочную мишень для небольшого сверхзвукового раскалённого куска свинца, способного вынести мне мозги.

С минуту я лежал на месте, глубоко дыша, успокаиваясь, сосредотачиваясь. Надо ли мне всё это? Может, всё бросить и сбежать? Надо ли мне оставаться в школе, получать приказы от психов и идиотов, вовлекаться в ненужные перестрелки и рисковать жизнью... ради чего? Ради школы? Ради Матроны?

Но, что мне тогда делать? Найдёт ли меня папа, если я уйду?

Нет, выбора не было. Я принял решение вернуться в школу, и мне с этим жить. Мне нужно было лишь прожить как можно дольше, чтобы дожидаться отца, и тогда я уйду, и оставлю Мака с Бейтсом одних играть в свои военные игры. Но до тех пор, нужно подыгрывать. В конце концов, вместе безопаснее, не так ли?

Я взглянул на часы. Пора. Я медленно двинулся вперёд. Расстояние между этой постройкой и следующей составляло метров десять. Я должен буду преодолеть эту дистанцию достаточно медленно, чтобы снайпер меня заметил и выстрелил, однако достаточно быстро, чтобы он не смог как следует прицелиться и убить меня. Уверен, какой-нибудь опытный боец САС^[9] смог бы всё рассчитать, основываясь на расстоянии, скорости бега и времени, необходимого на выстрел, и сказать, как долго он должен быть виден. Я же должен строить свои предположения, основываясь на опыте просмотра сериала «24 часа» на DVD.

«Похуй».

Я побежал.

Нужно всего три шага. Три сраных шага и я уже лежал лицом вниз, не зная, попали ли в меня, и если да, то куда. Рот мой забился травой ещё раньше, чем я услышал выстрел. А затем, пока я пытался выяснить, истекаю ли кровью, послышалась пулемётная очередь, а за ней мощный взрыв. Вокруг меня посыпались обломки бункера.

И следом, не успела осесть пыль, по правую сторону от меня раздалась серия выстрелов — это перестреливались Грин и снайпер.

Затем крик.

И тишина.

Глава четвёртая

Проблема участия в бою в том, что, если тебя убивают, ты так и не узнаешь, победили наши или нет. Жертвовать жизнью в ореоле героической славы — это прекрасно, но только тогда, когда ты готов признать, что никакого толку с этого, возможно, не будет.

Кинобитвы имеют строгую жесткую структуру — начало, середина, конец — и зрители видят, как всё происходит, как действия конкретных персонажей влияют на события, имеет или нет их смерть какое-либо значение. Но пока я лежал в холодной траве, подстреленный, истекающий кровью, впадающий в шок, я осознал, что персонажи в тех фильмах, те самые, что спасают всех, накрывая пулемет, или устраивают диверсии, дабы их товарищи могли уйти, те, что говорят: «оставьте меня, я вас только замедлю» или: «я их задержу, выиграю для вас время», умирают в одиночестве, цепляясь за надежду, что они хоть что-то изменили, но не уверенные до конца в том, что их жизнь не растрочена попусту.

Я понятия не имел, попал ли Грин в снайпера, или наоборот. Даже если Грин его подстрелил, «наша» сторона могла и не добраться до оружия. А если мы и добрались до оружия, мы по-прежнему можем не пережить следующий год. В таком случае, какой смысл имела моя медленная, пропитанная кровью смерть на клочке земли между двумя сборными домами? Чем я помог? Будут ли меня вспоминать, как героя, который пожертвовал своей жизнью во имя всеобщего блага, или всё закончится тем, что к моей ноге приделают кусок проволоки под машиной, дабы заманить в засаду каких-нибудь других беделог?

К счастью, благодаря шоку, человека перестаёт заботить что бы то ни было, поэтому я прекратил философствовать. Затем я недолго поразмыслил, сдаться или продолжать, и пополз в укрытие.

Должно быть, снайпер целился в верхнюю часть моего тела. Я не был уверен, повезло ли мне, что он попал лишь в бедро, или не повезло, что он вообще попал. Ранение в бедро, может быть болезненным, но оно не опасно — повреждены только мышцы, жизненно важные органы не задеты — но в ногах есть артерии, и если бы пуля попала туда, долго я бы не протянул, в какое бы укрытие ни забрался.

До следующей постройки я добрался неподстреленным. Я оперся спиной на стену и осмотрел ногу. Кровь шла, но не брызгала. Повезло. Я снял с брюк ремень, обмотал им ногу прямо над раной, и затянул. До сей поры боли почти не было, но стоило мне затянуть ремень, как тут же пришлось приложить усилие, чтобы подавить крик.

Я застегнул ремень и попытался подняться, используя винтовку в качестве костыля. Едва я встал, как голова тут же пошла кругом и я вновь осел наземь.

Возможно, я вырубился, не знаю.

«Дыши глубже. Сосредоточься. Найди опору».

Я захромал к главному зданию. Господи, как же болит нога. Иона откусил от неё кусок, но тогда она не болела и вполтину от того, как сейчас. Матрона будет довольна, если мне таки удастся добраться до лазарета.

Когда я преодолевал расстояние от одного дома к другому, я расслышал безошибочный хруст ветки. Кто-то приближался. Если бы я попытался вскинуть винтовку, то упал бы, поэтому я доковылял до дома, прислонился спиной к стене, и только тогда поднял оружие, ожидая появления преследователя.

Перед глазами всё начало плыть. Между двумя зданиями ковылял Грин. Одну руку он

держал над головой, а другая безвольно свисала, истекая кровью. Счёт 2:0 в пользу снайпера. Однако сам снайпер решил, что я мёртв, потому что он выскочил прямо передо мной во весь рост, целясь из винтовки в спину Грину.

Мне на ум пришли две мысли. Во-первых, скорее всего, они прошли по дороге прямо перед бункером, значит, снайпер не видел никакой угрозы с той стороны, что означало, что Мак мёртв; во-вторых, мне снова представилась возможность стать убийцей.

— Стоять.

Снайпер замер, глядя прямо перед собой. Грин, наоборот, был готов из кожи выпрыгнуть.

— Я могу пристрелить тебя прямо на месте, — сказал я. — Умрёшь раньше, чем упадёшь на землю. — Ну, простите за клише, у меня голова кругом шла. — Я, правда, не хочу этого делать, но прошу поверить мне, когда я говорю, что ни на мгновение не задумаюсь, если ты сделаешь что-нибудь такое, что заставит меня нервничать. Я потерял много крови, и не уверен, что мыслю ясно, так что не нервируй меня.

У снайпера был отличный камуфляж. Его лицо и руки были покрыты черной и зеленой краской, с него, подобно паутине, свисал плащ, из которого торчали зеленые листья, ветки и стебельки папоротника. Он нёс снайперскую винтовку «L96», а также различный инвентарь, рассованный по карманам и мешочкам. На вид ему было около сорока лет. Вряд ли серьёзный вояка, скорее всего, солдат выходного дня из территориальной обороны, который всю неделю трудился счетоводом.

— Хорошо, — произнёс он, по-прежнему, не двигаясь ни на сантиметр. — Успокойся, сынок. Я понятия не имел, что стреляю в детей. Знал бы, никогда бы не выстрелил. Не надо больше стрелять, хорошо?

— Не придётся, если положишь оружие.

— Не мог, братан. Приказ — есть приказ, сам знаешь.

Я поднял винтовку, прицелился ему в голову и захромал вперёд, пока её ствол аккуратно не уткнулся ему в висок.

— Последний шанс. Бросай, или я тебя уроню.

Этот наглый ублюдок ещё думал около минуты, но потом всё же опустил оружие и позволил ему упасть на землю.

«Спасибо. Всё ещё не убийца».

Грин пошатнулся и упал на стену противоположного здания. У него была гипервентиляция и остекленелый взгляд.

— На землю, лицом вниз, руки за голову.

— Послушай, мы же можем...

— На землю!

Снайпер подчинился.

— Грин. Грин!

— Эм, да? Да? Ли? Ли. Меня подстрелили, Ли. Он подстрелил меня, Ли.

— Знаю, всё будет в порядке, ничего серьёзного. Всё будет хорошо.

— Но он меня подстрелил, Ли. В руку. В руку подстрелил. Меня подстрелили. В руку.

— У него шок. Я могу помочь, — сказал снайпер.

— Заткнись, нахуй, — рявкнул я. — Грин, тебе надо сконцентрироваться на мне. Грин. Грин. Сконцентрируйся на мне. — Он вращал глазами, но вскоре уставился на меня. — Я хочу, чтобы ты дошёл до главного здания, поднялся на самый верх и нашёл полковника. У

него есть аптечка. Расскажи ему, что случилось. Но, Грин, держись позади этих домов и в главное здание заходи с чёрного хода, не выходи перед бункером, ты понял? Понял?

Тот вяло кивнул.

— Хорошо, иди. Побыстрее.

Он укловылял прочь, словно зомби из дурного ужастика.

Убедившись, что он ушёл, я переключил внимание на пленника.

— Тероборона, да?

— Это допрос? — В его голосе слышалось изумление.

Я пнул его. Плохая мысль. Раненая нога отозвалась болью. Он начал двигаться ещё до того, как я понял, что падаю. Но он был толстый и медленный, а мне везло. Я упал так, чтобы продолжать целиться в него, а когда моя спина ударилась о стену, я наклонился, но всё ещё стоял, целясь ему прямо в грудь. Он стоял на коленях, одна рука тянулась к кобуре на бедре, но он понимал, что у него ничего не получится. Он расставил руки в стороны, улыбнулся и отполз назад, пока не уткнулся спиной в противоположную стену. Я упёр винтовку в здоровое колено, палец по-прежнему на спусковом крючке.

— Не против, если я закурю?

— Ради бога.

Он медленно потянулся к плетеному карману, достал кiset и приступил к ритуалу скручивания сигареты. Закончив, он принялся меня рассматривать.

— Сколько тебе лет, сынок?

— Достаточно.

— Четырнадцать, пятнадцать? Вы тут, что, решили в солдатиков поиграть, а?

Я был не в том настроении, чтобы меня допрашивали.

— Я хочу, чтобы ты достал оружие и бросил мне. Медленно.

Он сунул сигарку в рот, прикурил, а затем легким движением швырнул мне два блестящих «Браунинга L9A1».

— Вот, патроны тоже держи. Считай это подарком. Там, откуда я пришёл, такого полно. — Он швырнул мне четыре обоймы по 13 патронов. Я рассовал пистолеты и патроны по карманам брюк. Не надо никому знать, что они у меня есть. Подстраховка.

— Это у тебя, что, старый «303-й»? Где ты его достал?

Я не ответил.

— Дай угадаю, ОКО, верно? Ты из одной из тех школ для богатеньких, где детишки играют в переодевание? Послушай, сынок, не знаю, кто отдаёт тебе приказы, но эти люди наглухо ёбнутые, если думают, что смогут штурмовать военную базу толпой подростков. Ты бы лучше спрятался где-нибудь, тёр палочки друг о друга, добывая огонь, а не шарился по округе, стреляя во взрослых.

— Может быть. Но взрослые стреляют в нас, и мне гораздо комфортнее, если я буду знать, что смогу стрелять в ответ.

Он ненадолго задумался над моими словами, и кивнул.

— Справедливо, н'верное.

— И, вообще, это у меня оружие в руках, и похоже на то, что ваш бункер разлетелся на куски, так что я бы нас не недооценивал, дружок. Мы тут не в игры играем.

Он ухмыльнулся.

— Опять же, справедливо.

— Так, что это за операция «Родина»? — спросил я.

— Именно это я бы и хотел бы знать, блядь, — раздался голос Мака.

* * *

Оружейная комната находилась в подвале главного здания, в одном конце которого стояла огромная сейфовая дверь. Снайпер и ещё двое мужчин сидели привязанные к стульям как раз напротив этой двери. У одного из пленников, захваченных в бункере, была жуткая рана на голове, а сам он находился в полубессознательном состоянии. Второй был весь покрыт кирпичной пылью, но выглядел в порядке.

Мак и сам был весь покрыт кирпичной пылью, а на лбу у него красовался большой фиолетовый синяк. Ему в голову прилетел кирпич, выброшенный в небо после взрыва, но он пришёл в себя первым и вытащил этих двоих из-под обломков.

— Бункеры — пиздец, какая крепкая вещь, короч', - пояснил он. — Пришлось заложить много взрывчатки. Мне удалось заложить заряды так, что они меня не заметили, но они засекли меня, когда я полз назад, вот и пришлось взрывать до того, как окажусь в безопасности, иначе они бы меня убили.

Остальные также собрались у двери, они сидели на стульях, или развалились на ступеньках подвала. Вольф-Барри обрабатывал рану Грина, Зейн осматривал мою. Лица Бейтса, Зейна и Вольфа-Барри были в крошечных порезах от стекла разбитого окна, но серьёзных ран ни у кого не было. Вероятно, когда Мак взорвал бункер, и началась стрельба, они всё ещё обсуждали план действий. Прекрасно, Бейтси, настоящий командир на передовой.

— Прости, Дейв, — обратился Бейтс к уцелевшему мужчине из бункера. — Но у нас такая ситуация, что нам нужно оружие. Мы не думали, что кто-то будет тут защищаться. Я не собирался стрелять, но вы начали палить первыми, и мои пацаны вынуждены были защищаться. Тебе лишь надо сказать, как открыть сейф, и больше никто не пострадает.

Мужчина даже не пытался скрыть презрение.

— Ты, блядь, чего задумал, Бейтс? Ты всегда был слегка дёрганным засранцем, который считал себя солдатом, но, серьёзно, что это за хуйня? Полковник? Ты — полковник? Не смей меня. Всё это время мы брали тебя с собой бухнуть после тренировок, чтобы ты рассказал нам свежепрочитанные байки из САС. Мы смеялись *над* тобой, а не *с* тобой. Ты, что, всерьёз решил, будто...

Он умолк, когда раздался громкий булькающий звук, доносящийся со стороны полубессознательного человека, сидевшего рядом с ним. Все повернулись и увидели, как Мак вынимает из его горла нож. Кровь залила его ладони, стекала по куртке мужчины. Мы все сидели в гробовом молчании, и наблюдали, как человек дёргается в путах, пенится, хрипит и плюётся. Умирал он чудовищно долго, и никто из нас не обронил ни слова.

Снова пустота в животе и болезненное ощущение того, что ситуация выходит из-под контроля. Но я ослабел от потери крови, у меня кружилась голова, и ещё не прошёл шок. Моя реакция была приглушена. Я мог лишь наблюдать.

— Ты — следующий, — буднично произнёс Мак.

Он вытер лезвие ножа о рукав, и сел напротив, уставившись прямо в перепуганные глаза Дейва с выражением, очень похожим на вожделение.

Зейн убежал наверх. До нас доносилось эхо его шагов.

Бейтс побелел, словно простыня. Этого он Маку не приказывал. Даже в состоянии шока я осознал, что если он оставит этот поступок без последствий, авторитет Бейтса рухнет навсегда, и будет лишь вопрос времени, когда Мак сделает свой ход. Мне хотелось, чтобы Бейтс наорал на него, отобрал оружие, уgomонил и восстановил порядок. Но он ничего этого не сделал. Бейтс отчаянно желал стать уверенным боевым командиром, но он был слаб, нерешителен и уязвим. И своими следующими словами он приговорил всех нас.

— Что ж, Дейв? — прошептал он, не в силах совладать с шоком, но стараясь идти на поводу у Мака. — Как поступим?

Дейв выдержал взгляд Мака, его собственный взгляд был полон недоверия и ужаса. И, как я с удивлением заметил, слёз. Он сообщил нам комбинацию.

Мак улыбнулся.

— Спасибо, браток, — сказал он и посмотрел на Бейтса. — Не окажете ли честь, сэр?

Бейтс, казалось, смотрел сквозь Мака, куда-то далеко-далеко, но он кивнул и пробормотал:

— Да, благодарю, майор.

Теперь он благодарит подчинённого за то, что тот разрешил ему открыть дверь.

Он подошёл, ввёл комбинацию, повернул большой рычаг и открыл дверь, за которой один на другом стояли ящики с патронами и стойки с оружием. Мак тихонько присвистнул от восхищения.

— Прекрасненько, — проговорил он.

* * *

Мы подогнали к главному входу микроавтобусы и принялись загружать в них оружие. Мы с Грином сидели на передних сидениях и наблюдали, как остальные выполняют всю тяжёлую работу. Мы взяли около пятидесяти автоматов «SA80», десять ящиков с гранатами, ещё три пистолета «Браунинг» и четыре пулемёта «FN MAG», из тех, что можно установить на джип или в бункере. Патронов оказалось больше, чем мы могли увезти, поэтому, видимо, придётся делать вторую ходку. С такой огневой мощью, при должном использовании, мы станем весьма грозным противником.

— Мы даже можем напасть, — сказал Вольф-Барри. — Устроить бой этим пидорам из Хилденборо. Мак всё сделает, как надо, он позаботится, чтобы мы сделали всё, чтобы защититься.

В его голове Мак уже заменил Бейтса. Я задумался, сколько ещё человек думало точно так же. Ещё я задумался, сколько потребуется времени, чтобы Мак захватил власть официально. И что это будет означать для бедного мистера Бейтса?

Когда автобусы были загружены, Пейтел открыл водительскую дверь, он весь сиял от восторга.

— Вам надо на это взглянуть, — произнёс он. — Мак проводит допрос.

Строго говоря, это было последнее, на что я бы хотел взглянуть, но почему-то я решил посмотреть. Снайпера захватил я, поэтому, в какой-то степени, то, что с ним произойдёт, лежало и на моей совести. Я выкарабкался из автобуса и доковылял до сейфовой двери.

Мак усадил двоих оставшихся бойцов теробороны друг напротив друга и ходил вокруг них кругами.

— ... получили то, за чем пришли, — говорил он. — Однако нужно убедиться, что мы ничего не упустили, а полезнее оружия может быть только разведка, так?

На лицах мужчин не дрогнул ни один мускул, они стали жёсткими от страха и решимости.

— Поэтому мне нужно знать, пардон, *нам* нужно знать, — он указал в сторону Бейтса, который сидел на ступеньках, удовлетворившись ролью наблюдателя, — что такое операция «Родина» и что это означает для моего милого маленького отряда. Так, кто скажет? Дейв? Дерек?

Значит, снайпера зовут Дерек. Я даже пожалел, что узнал об этом.

Никто не произнёс ни слова.

Мак принялся вертеть охотничий нож в правой ладони.

— Если никто не скажет, я собираюсь устроить небольшую резьбу. Должен признать, я с нетерпением этого жду, поэтому, надеюсь, вы ещё немного поупираетесь. Давненько я уже не устраивал резьбу по какому-нибудь пидору.

— Пошёл на хуй, — прошептал Дейв.

— О, славно, значит, резьба, — произнёс Мак с самой злорадной ухмылкой, что я когда-либо видел. Он поднял нож и подошёл к пленному.

— Ладно, ладно, — сказал Дерек. — Оставь его в покое. В этом нет необходимости.

Мак остановился и повернулся к Дереку.

— Сам сказал, — ответил он. Какое-то время он стоял, размышляя, затем решил дать Дереку шанс. — Давай, жги.

Однако Дерек уже сложил своё впечатление об этом человеке, он склонил голову набок, разглядывая своего палача. Я заметил, как из его глаз исчезла всяческая надежда, а её место заняло смирение и осознание поражения. Он осознал то, что я понял уже давно — Мак никогда не выпустит его живым, что бы он ему ни рассказал. Он посмотрел в лицо человеку, который станет его убийцей и нашёл в себе решимость, которую не смогли сломить никакие угрозы.

— Операция «Родина», — заговорил он — это твоя смерть, малыш. Для тебя она станет большой лохматой бойней, блядь. Она придёт за тобой, и ты даже не поймешь этого, пока не повиснешь в петле, дергая ножками и обсираясь под себя, когда твои глаза будут лезть из орбит, а язык станет чёрным, и ты осознаешь, что всё, чем ты был — это печальным напуганным ребенком, ищущим мамочку. Операция «Родина» — это наше правосудие, наше оправдание и наша месть. И больше тебе ничего от нас не добиться, пиздёныш, так что, режь.

Мак стоял и смотрел на Дерекка с выражением некоторого удивления.

— Что ж, — произнёс он. — Попытайся стоило.

Затем он достал пистолет и прострелил обоим мужчинам головы.

— Короч', возвращаемся в Замок с бараклом, — сказал он и поднялся по лестнице мимо нас, насвистывая, и оставив за собой трупы троих солдат, которые так никогда и не узнают, чем всё закончилось.

По пути домой никто особо не разговаривал, все пытались переварить произошедшее. Вскоре я узнал, что урок, который остальные извлекли из того дня, был столь же прост, сколь и глуп: Мак — командир, он суров и холоден, и если держаться его, всё будет хорошо. В тот день Грин, Зейн, Вольф-Барри, Пейтел и Спейт стали, в той или иной степени преданными последователями Мака, его основой, и самой большой проблемой для всех прочих.

Какой урок извлёк Бейтс, я так никогда и не узнаю, но на обратном пути в школу это был не тот человек, что отправлялся с нами утром. Раньше он выглядел сломленным, теперь же он превратился в тень.

Когда мы вернулись в школу, нас с Грином отвели в лазарет, где Матрона нас вытерла, зашила и перевязала. Грину она разрешила уйти, у него была только мышечная рана, но моё ранение оказалось достаточно серьёзным, чтобы уложить меня в койку. Матрона предупредила, что в процессе заживления болеть будет ещё сильнее, и если я хочу полностью восстановиться, я должен любой ценой не пытаться расчёсывать шов. Мне был предписан недельный постельный режим и ещё две недели на инвалидном кресле потом.

На второй день моего пребывания в лазарете меня посетил Мак.

— Хотел винограда тебе купить, но его весь распродали. — Он рассмеялся собственной шутке, а я выдавил ухмылку.

Он придвинул стул к моей койке.

— Послушай, Ли, всё, что ты там сделал — рисковал жизнью, получил ранение, спасал Грина, захватил того сраного снайпера — это всё по-жесткачу, конечно. Полагаю, ты здесь — самый суровый человек. После меня, конечно. И ты реально умеешь стрелять.

«Льстишь теперь?».

— Остальные парни верны мне, и всё такое, но они ни разу не Эйнштейны. Если я собираюсь всем тут управлять... — вот так запросто он признал, что намерен подвинуть Бейтса. — ...значит, мне нужен лейтенант, заместитель, кто-то, кому я смогу доверить свой тыл, когда дела пойдут скверно. Кто-то инициативный. И я решил, что это ты, браток.

«Твою же мать. Ладно, осторожней, обдумай всё. Мак не глуп. Он знает, как держать врагов ближе к себе, так что, возможно, он осознаёт меня, как угрозу и просто хочет за мной приглядывать. В то же время, мне тоже нужно за ним приглядывать, именно потому, что я и есть угроза. Опять же, если я его доверенная правая рука, будет проще хранить от него тайны, свергнуть его и угомонить. Проще и намного опаснее».

От попыток разобрать все те шестеренки, что приводил в движение этот разговор, у меня разболелась голова. Но, строго говоря, выбора у меня не было.

— Ого, Мак, не знаю, что и сказать. Я только в пятом классе, а остальные уже шестиклассники. Не думаю, что им понравится, что я ими командую.

— Я о них позабочусь. Они будут делать, что я скажу.

— Лады, что ж, ого. Эм, да, мне льстит, что ты считаешь меня подходящим человеком, и я постараюсь тебя не подвести.

— Так, ты возьмёшься?

— Да, погнали. — Отличное сочетание сдержанности и энтузиазма. Пора выходить на сцену.

Мак протянул руку и я пожал её. Я ожидал предупреждения, наклона и шипения: «но если ты...». Этого не случилось. Возможно, он был искренен. Он улыбнулся.

— Ну, тогда, всё. Теперь тебе надо поправляться, и потом мы начнём по-настоящему разгребать весь этот ебучий бардак.

— Что ты задумал?

— О, увидишь, увидишь.

«Ага, — подумал я. — Конечно, увижу».

* * *

После нескольких дней, проведённых в гуще событий, было весьма странно оказаться в коконе лазарета, пока вся школа превращалась в военный лагерь, и Мак вместе со своими новоявленными поклонниками принялись расхаживать по Замку, словно это была их собственность. Что, с учётом того, что они были единственными, кому дозволялось носить оружие, так и было. Вскоре они начали назначать наказания за мнимые нарушения — построение, порка, бег кругами перед завтраком. Вскоре начали появляться более изобретательные и жестокие кары. Начались издевательства.

Ко мне регулярно приходил Нортон и держал в курсе происходящего, а я смог передать ему пистолеты и патроны, чтобы тот их спрятал в безопасное место. От него же я узнал, что в подвале Замка оборудовали новую оружейную комнату, с постоянной вооружённой охраной. Бейтс и Мак носили пистолеты, а остальные старшие офицеры ходили с винтовками.

— Верись, нет, Хаммонд начал преподавать, — сообщил мне Нортон. — Всякое по выживанию, типа, очистки воды, как ловить и свежевать кролика, разводить костёр, всякое такое. Как будто вернулись времена бойскаутов. А, ещё у него полно DVD с жуткими старыми телешоу о выживших после чумы, и он заставляет нас это смотреть, а потом «обсуждать вопросы». — Он зевнул. — Но это не самое лучшее, — продолжал он. — Он создаёт памятник. Он его ото всех прячет, но зная его, это будет идиотская скульптура в стиле модерн. Шар с дыркой, или вроде того. Короче, на послезавтра он запланировал грандиозную церемонию открытия, так что повезём тебя туда на инвалидном кресле.

— С трудом скрываю свой восторг, — произнёс я.

Я поведал Нортону о событиях в центре территориальной обороны, и он согласился с мыслью, что Мак становится серьёзной проблемой. Если бы дело было только в Маке, мы бы прогнали его при помощи оружия, или сделали чего похуже. Но сейчас, когда при нём целая банда последователей, уговорить его будет намного сложнее. Нам придётся быть хитрыми, выжидать, собирать вокруг себя других мальчишек, которые помогут нам в назначенный час.

— Самая большая проблема сейчас — это Уайли, — сказал Нортон. — Он увлётся младшей сестрой Анвина, и отказа он не примет. Он уже позволял себе парочку непристойных выражений, пока он не угрожает Анвину оружием, но, полагаю, это лишь вопрос времени. — Он замолчал и обеспокоенно посмотрел на меня. — Ей тринадцать лет, Ли.

— А как на это реагирует Мак?

— Считает всё это забавным.

— Слушай, тебе удобно носить оружие самому?

Нортон выглядел удивлённым.

— Мне? Ну, да, наверное.

— Хорошо, тогда найди способ носить «Браунинг», не на виду, и приглядывай за Анвином и его сестрой. Если дела пойдут скверно, тебе придётся вмешаться. Только, слушай — главное, не на виду у всех. Если сможешь что-то сделать — делай, если же будет риск — не делай ничего.

Я был потрясён собственными словами, но если моё предложение и шокировало Нортон, виду он не подал. Либо отчаяние, вызванное ситуацией, ещё не до конца угнездились в нём, либо он оказался более хладнокровен, чем я предполагал.

— Бог знает, что Мак с тобой сделает, если узнает, что ты угрожаешь одному из его офицеров, — продолжал я. — И нам нужно приглядывать за всей ситуацией. Мак — наша основная цель, и нам нельзя делать ничего, что могло бы выдать наши планы по его устранению.

— У нас есть планы?

— Эм, нет, пока нет. Но будут. Ждём и наблюдаем. Большие планы. Схемы, даже заговоры.

— Мне нравится добротный заговор.

— Ну, вот.

Одновременно с укреплением нашей дружбы с Нртоном при помощи заговора, мои отношения с Матроной становились всё ближе. Я сидел рядом с ней, пока она занималась утренними операциями, а она начала обучать меня основам первой помощи и медицины.

В штабе теробороны мы нашли не только оружие. Во время экспедиции за оставшимися патронами Бейтс приказал обыскать всю территорию, и мы нашли отлично оборудованный медицинский центр, содержимое которого было собрано и передано Матроне. Она была в восторге от того, что теперь у неё есть подходящие обезболивающие, антибиотики, перевязочный материал и всё прочее. Надолго всего этого не хватит, но на какое-то время можно расслабиться.

Поэтому днём я помогал ей каталогизировать имущество, а она рассказывала мне о свойствах каждого лекарства. На всякий случай, я записывал каждое лекарство, имевшее успокоительные или стимулирующие свойства.

Помимо этого мы обсуждали книги, фильмы и музыку. Она никогда не говорила о своей семье или жизни за пределами школы, но тогда я ни разу не видел, чтобы она покидала школу, даже по выходным. Возможно, за пределами школы, у неё не было никакой жизни.

Иногда, каким-то образом, нам удавалось вдоволь посмеяться.

* * *

Мистер Хаммонд был популярным учителем. Он ожидал, что при его появлении, класс будет вставать, на занятия он надевал длинную чёрную мантию, и иногда возникало ощущение, что были времена, когда он жаждал вытащить мальчишку за вихры, поставить посреди класса и как следует ему всыпать раз шесть, как бывало в те времена, когда он был моложе. Но он нравился нам, мы уважали его, поскольку всегда знали, чего от него ожидать. Правила на его уроках были просты и понятны, он никогда не терял терпения, и никого никогда не наказывал просто, потому что у него не задался день — если уж вы и добивались

от него наказания, он всегда делал так, чтобы вы знали, почему.

Его занятия были интересны, если не увлекательны, и его навязчивая страсть ко всему современному в искусстве означала, что любой, кто ищет просвещения в таких мирских вещах, как рисование или скульптура, мог ощутить его разочарование от необходимости преподавать то, что он считал отсталыми, и не относящимися к делу навыками. Кубизм и абстракции Генри Мура — вот, ради чего он жил. Честно говоря, я всё это считал бессмысленной претензионной чушью, но трудно не сочувствовать тому, кто так искренне увлечён своим делом.

Он учился здесь сам, и вернулся преподавать сразу же, как получил диплом, так что, не считая первых пяти лет, да трёх лет в колледже искусств, он провёл в Замке всю свою жизнь. Он был стариком, который уже давно должен был выйти на пенсию, но он настолько прочно вжился в это место, что никто и представить не мог, чтобы он ушёл. В семьдесят пять лет он по-прежнему преподавал искусство, и намеревался заниматься этим до самой смерти.

Хоть он и был самым старшим учителем, он никогда не оспаривал власть Бейтса, не того типа это был человек. Казалось, он был рождён для того, чтобы преподавать навыки выживания в постапокалиптическом мире, и я сожалел, что не мог посетить хотя бы один его урок. Нортон поведал мне, что уже набралась довольно крупная группа мальчишек, которые безмерно его обожали. Он играл для них роль дедушки и они упивались этим. В конце концов, Мак был не до конца доступен, а Бейтс, несмотря на его первоначальное взаимопонимание с младшеклассниками, становился всё более отчуждённым и изолированным.

В некотором смысле, можно сказать, что за очень короткое время Хаммонд твёрдо занял ту позицию, которую занимал многие десятилетия до Отбора — место сердца школы, её совесть и доброту.

Ну, и разумеется, в нашем дивном новом мире таким вещам места не было.

* * *

Первый зимний снег выпал в ночь перед грандиозной церемонией открытия, заставив всю школу и окружающую территорию блеснуть и сиять. Пришёл Нортон, чтобы одеть меня в форму ОКО, что было необычно, однако я ничего не сказал. Вместе с Матроной они пересадили меня в инвалидное кресло. Нога постоянно болела, глухая пульсация, переходящая в острую агонию при малейшем движении, однако при отсутствии полноценного медобслуживания кто-то из мальчишек соорудил горизонтальную подпорку при помощи подушек и палок, на которую можно было бы опереть ногу, так, что едва меня усадили, я мог кататься без постоянных криков. Это было плюсом.

Вместе с Нортоном в качестве моего водителя, мы выехали по снегу на лужайку, где собралась вся школа. Я не мог поверить своим глазам. Вместо латанной-перелатанной формы, мальчики, почти все пятьдесят человек, были одеты в полный комплект армейской униформы. На младшеклассниках она выглядела довольно комично, но штанины брюк были подвёрнуты, а куртки перетянуты поясами. Очевидную проблему представляли береты, поэтому младшеклассники либо вообще стояли с непокрытой головой, либо носили бейсболки, выкрашенные в зелёный цвет.

Они были не только одеты, как солдаты, они спокойно стояли в ровном красивом

маленьком каре. И — кровь в моих жилах начала леденеть — все держали в руках «SA80».

— Что это ещё за нахуй? — прошептал я Нортону.

— Я собирался тебя предупредить, но решил, что тебе следует всё увидеть самому. Я сам всё вижу и до сих пор поверить не могу.

— Значит, у него таки получилось, и все дети теперь в армии?

— Ага. С сегодняшнего дня для всех мальчиков начнутся обязательные занятия и обучение обращению с оружием, а также занятия по тактике, маскировке и прочей херне. Меня даже подписали вести занятия по рукопашному бою.

Напротив собравшегося войска стоял предмет размером с голову, накрытый простынёй. По обе стороны от него стояли Бейтс и Хаммонд, а по левую сторону сидела Матрона и остальные взрослые — тётя и трое бабушек-дедушек; с ними сидел Грин, его рука до сих пор лежала в перевязи. По правую сторону в два ряда выстроились офицеры, все с «303»-ми винтовками в руках.

Нортон подкатил меня к ряду кресел и остановил рядом с Грином. Затем он промаршировал к строю и занял своё место. Встав по стойке «вольно», он подмигнул мне и слегка дёрнул плечами, словно говоря: «я понимаю, всё это — фарс».

Едва Нортон занял своё место, Бейтс встал. Он выглядел даже хуже, чем когда я видел его в последний раз. Хоть он и был чисто выбрит, всё его лицо было в красных пятнах и порезах. Причина этого была ясна — руки его, сжимавшие за спиной офицерскую трость так крепко, что даже кулаки побелели, тряслись. Взгляд его расфокусирован; когда он говорил, он казалось, смотрел не на кого-то конкретно, а куда-то влево или вправо, либо в пространство позади людей.

Мак стоял по стойке «смирно» перед отрядом, лицом к Бейтсу. Он смотрел ему прямо в глаза, не двигаясь. Бейтс ни разу не встретился с ним взглядом.

— Вольно, парни. — Мальчишки, многие из которых не были до конца уверены, что это означает, нервно поёжились от холода. — Когда я был маленьким, мой дедушка рассказывал мне о Второй Мировой войне. Рассказывал о героях, безрассудных храбрецах, тайных операциях, хитрых генералах, злобных нацистах. Тогда всё казалось так просто. Добро против зла, добро победило, зло проиграло, все счастливы...

Он умолк и уставился в пространство. Секунды шли и становилось понятно, что это не просто драматическая пауза. Тишина вскоре стала неловкой, народ начал переглядываться и гримасничать. Всех охватило смущение, а затем и настоящий дискомфорт. Прошло, наверное, не менее минуты, прежде чем он продолжил, и все смогли расслабиться.

— Но, в таком мире, как этот? — Он заговорил жёстче, увереннее. Он начал повышать голос почти до крика. — Теперь же важно только выживание. Убей, или будь убитым. Это тяжело, отвратительно, жестоко и неправильно, но в таком мире нам жить и мы должны быть такими же жёсткими, чтобы выжить. Я знаю, мы все теряли близких. Но они не будут забыты. Мы будем строить идеальный дом здесь, на территории нашей любимой школы, и будем нести память о павших от чумы, и от безумия, что настало после неё.

Он снова взял паузу, но на этот раз, слава богу, то было сделано ради драматизма.

— Мой коллега, мистер Хаммонд, отдавший жизнь этой школе, создал памятник нашим погибшим. Мистер Хаммонд... — Он уступил место Хаммонду и сел сам.

— Эм, благодарю, Бейтс. — Он выдержал паузу, собираясь с мыслями, затем, к моему удивлению, оглядел толпу чистым суровым взглядом. В его глазах читалась целеустремлённость, а челюсть была сжата. Немоощный пенсионер, которого мы спасли на

дороге, сменился строгим дисциплинированным стариком.

— Однако боюсь, я не могу согласиться с вашим мнением. Видите ли, я помню войну. Я был всего лишь мальчишкой, но даже я помню, что в ней не было великолепия. Когда мои родители сгорели заживо в собственном доме во время операции «Блиц»^[10], они не были героями, они были жертвами поголовного истребления. Во время «блицкрига» в Англии погибли сотни тысяч, погибли в постелях, погибли за завтраком, погибли по пути на работу или в паб, погибли в объятиях любимых. Вот это было тяжело, отвратительно, жестоко и неправильно. Но, знаете, как мы с этим боролись, а? Возвышаясь над этим! Мы выбрали порядочность, доброту и общительность, мы заботились друг о друге. Мы отказались превращаться в тех, с кем сражались, и *поэтому* мы победили!

Эти слова будоражили. Дух «Блица»! Победа над невзгодами! Битва за Британию! Никогда на нашей земле и т. д. Я сидел и размышлял обо всех бомбах, сброшенных нами на Германию — что сказать, порой я бываю циничным засранцем — но больше меня интересовала реакция Бейтса и Мака на эту обличительную речь. Лицо Мака не выражал ничего, но взгляд Бейтса, наконец, сфокусировался, и он выглядел злым.

— Однако, вы, Бейтс, что вы предлагаете детям пред лицом всех этих ужасов? Больше смертей! Нельзя отвечать насилием на насилие; бороться чумой, страхом и отчаянием при помощи оружия! Если хотите создать армию, вооружаться следует знаниями, которые помогут восстановиться им самим, помочь восстановиться другим. Затем вы, возможно, сумеете сдержать прилив. Но, всё, что предлагаете нам вы — форму, оружия, марши — это лишь возможность умереть ни за что, вместо того, чтобы искать способы жить! Поэтому я создал вот это.

Он повернулся, сорвал простыню со скульптуры, и открылась фигура из гипса, сиявшая в отраженном снежном свете. Это был мальчик лет двенадцати, одетый в школьную форму. В одной руке он держал стопку книг, а в другой у него был ранец с ярко-красным крестом. Под фигурой стояла табличка с надписью: «Из тьмы через мудрость и сострадание», а ещё ниже список погибших.

Мы все изумлённо таращились на блестящую статую. Я и не думал, что Хаммонд способен изобразить нечто, столь хорошее. И, судя по выражениям лиц остальных, никто не думал.

— Всю мою жизнь, школа была для меня домом, — произнёс Хаммонд. — Она представляет всё, во что я верю и ценю — доброту, долг, образование и уважение. Превращение её в военный лагерь принижает всё, на чём она стоит, и я не позволю этому случиться.

Кто-то начал хлопать. Матрона. Она поднялась на ноги и зааплодировала. Её примеру последовали все взрослые вместе с Обеденной Леди.

Бейтс был багровым от ярости, он смотрел на этот пример несоблюдения дисциплины, он замер, шокированный открытым неповиновением тому, чего он пытался достичь.

Затем один, другой третий, все мальчики начали аплодировать. Вон оно, решил я. Это мог быть тот самый миг, когда мы отойдём от края, бросим игры в военных и немного восстановим царство разума и гуманизма; миг, когда мы выдернем ковёр из-под ног Бейтса и Мака и возьмём всё в свои руки. Всё зависело от того, как наши прославленные вожди ответят на этот мятеж.

Бейтс вскочил на ноги и бросился к Хаммонду, который остался стоять на месте.

— Ох, бля, — прошептал я. — Понеслась.

— Мне следовало бы пристрелить вас на месте за неподчинение, — прошипел он.

Аплодисменты стихли, когда все заметили, что ладонь Бейтса сжимает кобуру с пистолетом.

— Неподчинение? — переспросил Хаммонд. — Я вам не подчиняюсь. Мне никто не может приказывать, особенно сбитый с толку учитель истории, возомнивший себя фельдмаршалом Монтгомери.

Я готов был его обнять за эти слова. Это было всё, что я мог сделать, чтобы не радоваться. Мак всё ещё стоял на месте, по стойке «смирно», глядя перед собой. Офицеры, те, что не аплодировали, также стояли спокойно, но я видел, что они нервничали, не знали, что делать. Они смотрели на Мака в поисках решения, но тот молчал, позволяя действию развиваться своим чередом. Ситуация, и будущее школы, балансировала на лезвии ножа.

— Этим мальчикам нужна сильная рука, им нужна защита. — Бейтс старался не кричать, но всё равно в воцарившейся тишине его голос звучал очень громко.

— Да, нужна. От вас и этого психопата! — Он указал на Мака, на лице которого не дрогнул ни единый мускул. — Поглядите, чего вы достигли с тех пор, как взяли за командование? Двоих мальчиков повесили в Хилденборо, ещё двоих убили и ранили во время приступа глупого военного авантюризма. Ваш заместитель, насколько мне известно, за последние две недели убил четверых человек. А эта школа, которая должна была быть гаванью безопасности и познания, которая должна предоставлять убежище и помощь всем потерявшимся детям, бродящим вокруг среди всего этого хаоса, превратилась в чёртову крепость. Мы должны были высылать отряды за детьми, а не за оружием. Разве вы не понимаете?

Бейтс достал пистолет. Трудно было сказать, было ли это сделано сознательно или нет, но он стоял лицом к лицу с Хаммондом, крепко сжимая пистолет, дрожа от едва сдерживаемой ярости и безумия.

Я заметил, как Грин шагнул вперёд, словно, желая вмешаться, но Мак бросил на него предупреждающий взгляд. Грин присмирел и вернулся в строй.

— Мистер Хаммонд, боюсь вам больше не рады в этом учреждении. Приказываю вам уйти.

Хаммонд рассмеялся Бейтсу в лицо.

— Вы не можете приказать мне уйти. Это место является моим домом в гораздо большей степени, нежели вашим. Я был здесь ещё, когда ваш отец ходил в подгузниках, юноша. Это моя школа, не ваша, и чтобы избавиться от меня, вам придётся меня убить.

— Нет, я не стану, — произнёс Бейтс.

Он повернулся к Маку.

— Майор, вы и ваши люди немедленно выведите мистера Хаммонда отсюда, — сказал он.

— Есть, сэр! — рявкнул Мак и кивнул офицерам, которые вскинули винтовки и вышли вперёд.

В этот момент Матрона вышла вперёд, чтобы вмешаться, однако Мак перегородил ей дорогу и прошипел:

— Ну-ка, села, сука.

Та побледнела и села.

Видя приближающегося Мака, Хаммонд выпрямился и выпятил грудь. Пугаться он не собирался.

— Вы не можете отдать меня этому человеку, Бейтс, — выкрикнул он. — Мы оба знаем, через час я буду мёртв. А эти ребята не позволят этому случиться, правда, парни?

О, каким же ошибочным было это заявление. Потому что мальчишки не издали ни звука. Они были слишком напуганы вскинутыми винтовками офицеров, слишком прибиты ужасами, что объяли их жизни за последний год, слишком привыкшими бояться Мака. Они наслаждались кратким безумным мигом бунта, но едва они прекратили аплодировать, их собственный ужас заполнил тишину.

Нортон в отчаянии посмотрел на меня, ожидая указаний. Если бы я кивнул, он заговорил бы.

Надо ли было дать ему сигнал? До сих пор над этим думаю. Если бы я это сделал, Нортон шагнул бы вперёд, поднял мальчишек на бунт, всё сложилось бы иначе. Возможно, удалось бы предотвратить кровь и смерть. Но я не был уверен. Дело казалось слишком рискованным. Я покачал головой, Нортон стиснул зубы и промолчал. В этот миг неопределенности и трусости мы приговорили себя к тому, что случилось дальше.

Наблюдая за медленным угрожающим приближением Мака и молчаливым одобрением мальчишек, Хаммонд начал понимать всю тяжесть своего положения.

— Нельзя этого делать, Бейтс. Ради всего святого, поглядите на себя, поглядите, что вы творите! — Теперь в его голосе слышались нотки отчаяния и мольбы.

— У Мака приказ вас выгнать, — сказал Бейтс. — И именно так он и поступит, так ведь, Мак?

— Так точно, сэр!

Мак вышел из-за спины Бейтса, щеря зубы на Хаммонда. Бейтс шагнул вперёд с поднятым пистолетом, чтобы окружить Хаммонда и не дать ему сбежать. Хаммонд презрительно отпихнул пистолет. Бейтс снова его вскинул. Хаммонд снова его отпихнул. Бейтс вскинул оружие, чтобы ударить старика, но тот схватил Бейтса за руку.

Все смотрели кино. Все знают, что будет дальше. Двое мужчин сцепились за обладание оружием, прижались друг к другу, почти обнялись, боролись за пистолет. Затем выстрел — внезапный, неожиданный, эхом отдающийся от домов и деревьев, повторяющийся раз за разом, затихая, пока двое мужчин вдруг замерли, напуганные зрители ждали, кто же из них упадёт.

Хаммонд отступил от Бейтса, на его лице растерянность и страх. Затем он завалился набок, упал в снег, дёрнулся и умер.

Бейтс стоял на месте с дымящимся пистолетом в руке. Он таращился на тело Хаммонда и, казалось, прирос к месту.

Роулс выскочил из строя и побежал к школе, плача. Мак, не раздумывая, вытащил пистолет и выстрелил в воздух.

— Ещё один шаг, Роулс, и пойдёшь под суд за дезертирство! — выкрикнул он.

Роулс повернулся, его лицо блестело от слёз и соплей, нижняя губа дрожала.

— Вернись в строй, пацан, живо!

Роулс прошаркал обратно с широко открытыми глазами, и вернулся в сомкнутые ряды мальчишек, каждый из которых отражал его страх и неуверенность.

— Вы все на параде. Вы не можете уйти, пока вас не отпустят. Понятно?

Мальчишки стояли молча.

— Я спрашиваю, вам понятно? — прорычал Мак.

Послышалось нерешительное:

— Так точно, сэр.

— Очень надеюсь, блин, что понятно.

Мак повернулся к офицерам. Пейтел и Вольф-Барри сдерживали Матрону, которая рванулась к Хаммонду сразу же, как только его подстрелили.

— Зейн, Пьюг, отнесите тело Хаммонда в лазарет.

Так они и сделали.

Бейтс так и стоял на месте.

Мак обратился к отряду:

— Полковник прав. Здесь нет места для благотворительности, нет еды для халявщиков, нет постели для ебучих нытиков. Будем держаться вместе, будем стоять на своём, будем жить. Хаммонд считал иначе, и посмотрите, к чему это его, блядь, привело.

— Мистер Хаммонд на твоей совести, Маккилик! — выкрикнула Матрона, борясь с мальчишками, которые пытались её удержать.

Мак повернулся и медленно подошёл к ней. Пистолет он так и не убрал. Он подался вперёд, так, чтобы их лица оказались в паре сантиметров друг от друга.

— Слушай меня, слушай внимательно, сука, — прошептал он. — Теперь я тут главный. Мой дом, мои правила. Если тебе что-то не нравится, можешь валить нахер. Но пока ты здесь, ты делаешь именно то, что я говорю, иначе, богом клянусь, я тебя выпотрошу нахуй. Ты — моя, сука, не забывай, блядь, об этом.

Он искоса посмотрел на неё, затем поднял свободную руку и очень нежно погладил её по щеке.

В этот момент мне искренне захотелось кого-нибудь убить.

Матрона плюнула ему в лицо. Мальчишки шумно охнули все разом.

Мак улыбнулся.

— Уведите её, парни, — сказал он. — Найдите место понадежнее и закройте эту тёлочку. Уверен, мы найдём ей применение.

— Сэр? — подал голос Пьюг, усомнившись на мгновение.

— Да, капрал? — В голосе Мака безошибочно читалась угроза.

— Ничего, сэр.

— Хорошо, тогда, приступайте.

Мальчишки увели Матрону в сторону школы.

Бейтс так и не пошевелился.

Мак подошёл к статуе, сделанной Хаммондом и пихнул её ногой. Она покачнулась и упала в окровавленный снег. Ещё одна провальная попытка добиться порядочности и сострадания, нарисованная красным на белом.

Военный трибунал над мистером Бейтсом начался на следующее утро.

Присутствовало большинство офицеров, включая меня, на инвалидной коляске, мы сидели по правую руку от Мака. Отсутствовали лишь Грин и Уайли, они тренировались с мальчишками. Мак, с огромным синяком на левой щеке, на который он старался не обращать внимания, занял своё место. Мы были для мистера Бейтса судьями и жюри присяжных.

Бейтс сидел напротив нас со связанными руками. Он был сильно шокирован и с момента вчерашней стрельбы не произнёс ни слова.

Не думаю, что когда-нибудь чувствовал себя более беспомощно, чем тогда. Официально я считался одним из трёх самых могущественных людей в школе, но это было представление, придуманное Маком, и мы все знали, чего от нас ждут. Выйди я из строя, вступи в противостояние с Маком, и я, без сомнений, разделю с Бейтсом его судьбу, какой бы она ни была. Это была кульминация стремления Мака к власти, и нам пришлось её сертифицировать, несмотря ни на что. От этого зависели наши жизни.

— Полковник Майкл Бейтс, вы представлены перед судом по обвинению в убийстве.

Мак даже заговорил хриплым голосом, притворяясь судьёй Верховного суда. Строго говоря, не совсем «заговорил», скорее «снова заговорил».

Бейтс в ответ пробормотал нечто невнятное.

— Говорите, полковник, — произнёс Мак.

Бейтс взглянул на него. Глубина отчаяния в его глазах ощущалась буквально физически.

— Я сказал, простите, — пробормотал он.

Мак хмыкнул.

— Боюсь, прощения здесь будет недостаточно. Вас обвиняют в совершении особо тяжкого преступления, и вы должны ответить за него перед судом.

— Мне так жаль, — вновь прошептал он, его голова поникла, а плечи начали трястись. Он принялся хныкать.

Мак не пошевелился.

— Правильно ли я понимаю, полковник, вы отдаёте себя на милость суда?

Однако единственный звук, который издал Бейтс, был низкий хриплый стон.

— В таком случае, мы должны удалиться для обсуждения вердикта.

Едва Мак поднялся, Бейтс поднял взгляд и заговорил.

— Всё, чего я хотел — это помочь, — проямлил он.

— Что ж, я думал...

— Всё, чего я хотел, — перебил его Бейтс, — это приглядывать за ними. Оберегать их, защищать, заботиться о них, вот, чего я всегда хотел. Но это всегда так тяжело. Им никогда не понять, что я делал, им никогда не понять, что всё это делалось во имя добра. Никогда не понять. Ни за что не понять.

Он заговорил громче, всё более страстно начал делиться с нами своими решениями и поражениями.

— Знаете, каково это — пытаться помочь кому-то, кто не желает помощи? Знаете? Убеждать их, что вы знаете лучше? Это невозможно. Но это была моя работа, мой долг, я не мог просто так сдаться, правда, ведь? Я хотел, чтобы они увидели. Я должен был их сберечь.

«Вооружимся», — сказал я. «Школа будет в безопасности», — сказал я. «Убежище», — сказал я. Но они бы мне не поверили. Не стали бы делать по-моему. Они бросили мне вызов, всегда бросали мне вызов. Подрывать, отменять, извращать и игнорировать. Всё, чего я хотел, чего я всегда хотел — это стать героем, их героем.

Мак начал хихикать. Человек перед ним разваливается на куски, а этот больной ублюдок считает, что это смешно.

— И я, ведь больше никогда им не стану? — Бейтс вновь посмотрел на Мака, неожиданно ясными и сосредоточенными глазами. — Потому что ты меня убьёшь, да, Мак?

Мак встретился с ним взглядом, но ничего не сказал.

— Ну, да, разумеется, убьёшь. Ты подбираешься к этому с самого своего появления здесь. Просто, выжидаешь, ждёшь, пока я ошибусь. Что ж, молодец. Молодец. У тебя, ведь, легко всё получилось, да? Я ошибался на каждом шагу, и ты просто позволил мне погружаться в дерьмо всё глубже и глубже, пока не настал час сделать свой ход. А теперь у тебя свои лакеи, оружие, армия. Но, что ты намерен со всем этим делать? В чём цель твоей власти? У тебя есть какая-нибудь цель, или делаешь это всё, просто так, просто, потому, что можешь? Тебе плевать на всех этих пацанов, плевать на их благополучие и безопасность. Ты просто хочешь их контролировать. Ну, и вот. Снова моя вина. Моя вина.

Он набрал воздуха в грудь и сумел остановить слёзы, которые сопровождали эту его небольшую речь. Он поднял связанные руки, вытер рукавом глаза и нос, сел прямо и уставился перед собой, пытаясь собрать последние остатки достоинства.

— Прежде чем ты огласишь приговор, я бы хотел высказать последнюю просьбу. — Он перевёл взгляд на меня. — Не знаю, зачем ты связался с этой тварью, Киган, я наблюдал за тобой, и считаю, ты выше всего этого. — «Ну, бля, отлично. Взял и раскрыл меня, зачем?». — Я хочу, чтобы кое-что для меня сделал, если сможешь.

— Что же? — Я старался говорить спокойно и равнодушно. Нельзя позволить Маку понять, что я всё это ненавижу.

— Я хочу, чтобы ты нашёл моих сыновей и рассказал им о произошедшем.

— Что? — Я не сумел скрыть удивление в голосе. — Они живы?

— О, да, они живы. Ты, что, решил, что я их похоронил? Нет, у них у всех первая отрицательная. Но они не мои дети. Мы с Кэррол их усыновили. Это чистая случайность, что у них одна группа крови. Я лишь хотел... простите. Короче, найди их. Попроси за меня прощения. Они с матерью на ферме севернее Лидса. Ферма Раммор, она есть на карте.

— Так, зачем вы вернулись? Что случилось? — спросил Мак, неожиданно для самого себя заинтригованный его словами.

— Они ушли от меня. — Бейтс горько усмехнулся. — Я был самым счастливым человеком в мире, знаете ли. Единственный ребёнок, поэтому не мог потерять ни братьев, ни сестёр. Родители давно умерли. У жены и детей полный иммунитет. Вся моя семья, все, кого я люблю, пережили Отбор. Самый счастливый человек в мире. Но потом... они просто ушли. Нет смысла больше притворяться, сказала она. Не наш настоящий папа, сказали дети. Я лишь хотел уберечь их, стать для них героем, для своих мальчиков. Но они ненавидели меня. Всей этой любви... больше... нет.

Внезапно Бейтс преобразился, внезапно в его словах появился смысл. Мне стало его отчаянно, до боли жаль.

— Ого. — Мак рассмеялся. — А ты ещё больший неудачник, чем я думал!

— Да, — произнёс полностью сломленный Бейтс. — Наверное, так.

— Что ж, приговор очевиден — смерть. Но мне нужно немного времени обдумать, каким образом, так что тебя мы пока запрём, лады?

* * *

Пока Бейтс томился под замком, а Мак раздумывал, какая форма мучительной смерти более ему по нраву, день шёл своим чередом. Нортон отвёз меня обратно в лазарет, где я по-прежнему ночевал, несмотря на арест Матроны.

— Она в комнате наверху, — сказал Нортон. Он, по моей просьбе вынюхивал всё вокруг, выясняя, где её содержат. — Конкретно, в старой комнате Мака. Насколько мне известно, дверь не заперта, но её охраняет Вольф-Барри.

— У неё... есть... — Я не мог заставить себя выразить свои страхи словами.

— Я только этим утром узнал, где она, и насколько мне известно, с тех пор к ней никто не приходил. Но насчёт прошлой ночи я ничего не знаю, Ли.

Мне не хотелось думать, что Мак мог с ней сделать. Вспомнился таинственный синяк на его щеке.

Нортон передал мне два «Браунинга», что он прятал для меня, и я рассовал их по карманам.

— Так, нужно убрать Вольфа-Барри от двери, мне нужно к ней попасть.

— У меня есть одна идея, как это сделать, — сказал Нортон. — Можно даже назвать это планом. Но как ты справишься? Ты едва ходишь.

Я поставил здоровую ногу с кресла на пол и выпрямился. Я осторожно передвинул больную ногу и позволил ей принять лишь малую долю своего веса. Неплохо. Ещё чуть-чуть. Терпимо. Я попытался шагнуть и тут же кто-то будто воткнул мне в голень раскалённую кочергу. Я зарычал от боли и стиснул зубы. Но я мог. Должен был.

Нортон с сомнением посмотрел на меня.

— Как нефиг делать, — соврал я.

* * *

С наступлением зимы в школе стало жутко холодно, и весь день в большинстве каминов горел огонь. Нортон пробрался в общежитие в коридоре, где держали Матрону, и вытащил на пол полено из камина, где оно начало тлеть, лёжа на старой вощёной половице. Дверь в общежитие была открыта, и мы рассчитывали, что Вольф-Барри учует огонь и поднимет тревогу раньше, чем займётся по-настоящему. Последнее, чего нам хотелось, это спалить всю школу.

Нортон направил дым к двери, затем выбил заднюю дверь общежития и спустился по пожарной лестнице. Очень скоро Вольф-Барри встрепенулся и убежал, крича. Я сумел доковылять по пожарной лестнице и, едва он скрылся из вида, толкнул дверь и добрался до комнаты Матроны. Я старался не обращать внимания на кровь, сочившуюся из раненой ноги, а перед взором появились пятна.

Я толкнул дверь — не заперто, слава богу — и вошёл в комнату. Лишь мой неторопливый шаг спас меня от удара напольной доской по голове.

— Эй, эй, это я — Ли, — поспешно прошептал я.

Матрона стояла прямо за дверью, держа в руках импровизированное оружие. Всё её лицо представляло собой один сплошной синяк. Под носом, который изогнулся в месте перелома, у неё виднелась струйка крови. Одежда её также была изодрана. Она тяжело дышала, обнажив окровавленные зубы.

— Чего припёрся, Ли? Твоя очередь пришла?

«Не время думать о том, что это значит. Соберись. Сконцентрируйся. Надо работать».

— Матрона, нужно вытащить вас отсюда.

— И с чего мне тебе доверять? Говорят, ты у него теперь верный заместитель!

Она боролась со слезами, и говорила со смесью гнева и боли в голосе.

Времени на объяснения не было. Скоро коридор наполнится людьми. Я достал из кармана пистолет и протянул ей.

— Берите.

Она посмотрела на оружие, задумавшись.

— Берите!

Она бросила доску, схватила пистолет и взглянула на меня. Я не смог понять, что выражало её изувеченное лицо.

— Идёмте!

Я взял её за руку и повернулся, осторожно приоткрывая дверь. Но мы слишком сильно задержались. Снаружи уже собралась целая толпа мальчишек, которые принялись спорить возле яркого огнетушителя, которым, по идее, они должны пользоваться. Ближе всех стоял Нортон, залитый тускло-оранжевым светом, одновременно, стараясь держать ситуацию под контролем, и приглядывать за нашим побегом. Он не только отвлек от нас внимание, он старался держаться как можно ближе к опасности, чтобы никто не пострадал от его действий. Моё уважение к нему сильно выросло.

Я встал перед Матроной и направился к лестнице. Мы пробрались за дверь и та закрылась.

Лишь тогда, остановившись, я осознал, что весь этот путь я пробежал. Адреналин — прекрасное болеутоляющее, но я знал, что мне придётся за это платить. Я слышал шаги на лестнице внизу; кто-то пытался обойти пожар. Мы с Матроной пробежали один лестничный пролёт и выскочили в дверь этажом ниже, как раз вовремя, чтобы остаться незамеченными.

Нога подогнулась и Матрона помогла пройти по коридору до лазарета, который находился прямо под горящим общежитием. Сверху сквозь потолок сочился дым.

— Времени мало — сказал я. — Скоро кто-нибудь придёт, увести меня в безопасное место. Вас тут не найдут, к тому же, пока ещё никто не в курсе, что я могу ходить. Помогите лечь в кровать.

Матрона помогла, и её руки тут же испачкались в крови. Она охнула.

— Ли, я должна посмотреть, ты можешь стать калекой.

— Нет времени. Берите оружие и идите. Бегите. Найти местечко и заройтесь. В школе для вас небезопасно, и я не смогу разобраться с Маком, если вы будете у него в заложниках. Так что, идите, пожалуйста.

Она взвесила «Браунинг». Затем она достала обойму, проверила заряжена ли та, вставила её обратно, опустила ствол, дослала патрон и сняла с предохранителя. Она точно знала, что делает. Откуда, блин, воспитательница школы-интерната знает, как обращаться с оружием?

— Никуда я не пойду. — Она тяжело дышала, и, несмотря на синяки, на её лице читалось выражение гнева и уверенности.

— И что вы будете делать? — требовательно спросил я. — Перестреляете всех? У вас нет ни шанса. Их семеро, не считая Мака, и после всего, что они натворили, думаете, они станут колебаться перед тем, как вас пристрелить? Вы нужны школе — вы нужны мне — чтобы быть в безопасности, так что, когда мы, наконец, избавимся от этого пидора, вы должны быть здесь, чтобы помочь нам собрать осколки.

Её глаза горели ненавистью, но я заметил, что она начала сомневаться. Я усилил натиск.

— Если сейчас пойдёте к нему, через час будете мертвы. Или хуже — вас снова закроют. Пожалуйста, бегите.

Она колебалась, держа меня за руку. Будь я на её месте, не знаю, смог бы я побороть желание отомстить, но мне, каким-то образом, удалось до неё достучаться. Я взглянул в её изуродованное лицо и увидел, как из распухших глаз текли слёзы разочарования.

Мне хотелось столько ей сказать, но времени не было.

— Пожалуйста, Джейн, бегите. Спасайтесь.

Она наклонилась и осторожно поцеловала меня в губы.

— Ты тоже, — сказала она и побежала к двери.

Я решил, она побежит напрямиком к свободе, но я недооценил её целеустремлённость. На самом деле, она спряталась в пустой классной комнате до утра, а затем выбралась, чтобы осуществить свой план.

Мальчики спали в пяти общежитиях, по десять человек в каждом, и в каждом общежитии с ними ночевал один офицер, дабы предотвратить возможные попытки побега. Однако четыре девочки, нашедшие убежище в школе, ночевали в собственном общежитии в компании одной тёти и одной бабушки. Их не охраняли и находились они в другой части Замка.

Под покровом ночи Матрона проникла к ним, разбудила всех, собрала их вещи и под вооруженной охраной вывела их из школы в ночь. Хоть она и не отказалась от мести, тем не менее, она убедилась, чтобы ни одной девочке или женщине не пришлось терпеть то, что вытерпела она.

Когда я узнал о ночной вылазке Матроны, то не смог сдержать улыбку. Она очень смелая. Мне не хотелось думать, куда они с девочками отправились, и как будут жить. Я лишь знал, что они в безопасности, и в моём плане свержения Мака одним фактором стало меньше.

Впрочем, медицинские навыки Матроны были нужны мне, как никогда; моя нога была искалечена. Швы разошлись, из раны сочилась кровь, а боль была такой, что невозможно описать словами. Я начал беспокоиться о вещах вроде гангрены и ампутации. Я сделал всё, что мог, чтобы разобраться с антисептиками, свежими швами и перевязкой.

Вы когда-нибудь зашивали себя сами? Не советую. Закончив, я лёг в надежде на лучшее. Если повезёт, какое-то время я побуду в покое, и рана заживёт.

* * *

Важным вопросом было, что станет с Бейтсом. Ответ мы получили следующим утром, и

он оказался намного хуже, чем мы могли представить.

Позади главного здания школы находились две спортивные площадки и площадка для крикета, огороженные деревьями. В школе регби преобладал над футболом, и по обе стороны поля стояла пара огромных регбийных ворот. Мак отрядил нескольких мальчишек сломать одни ворота, разобрать и пересобрать в форме креста, который лежал на земле в ожидании установки в одну из пустых лунок.

Он намеревался распять Бейтса.

— Нельзя этого позволить, — спешно произнёс Нортон, когда правда была явлена наружу.

Мы сидели в лазарете и через окно смотрели на эту жуткую конструкцию и всё, что она представляла.

— Если мы ему позволим, тогда... не знаю, что. Ничего хорошего.

— И как ты намерен его остановить? — поинтересовался я. — У него целая толпа постоянно вооруженных и полностью верных пацанов. Поначалу они поверили ему по глупости, но потом, после того, что они сделали с Матроной, они виновны не меньше, чем он, и им об этом известно. Они в его власти, и я не думаю, что они будут колебаться, если Мак прикажет нас пристрелить. Не сейчас.

Нортон кивнул.

— Я тут поспрашивал, осторожно, как мог, но никто не видел, что случилось той ночью. Я не могу выяснить, кто из пацанов ходил в ту комнату.

Находясь в одиночестве в лазарете, с мыслями, сосредоточенными на боли, у меня было полно времени разобраться, что случилось с Матроной. «Твоя очередь пришла?» — спросила тогда она. Поначалу подтекст этого вопроса вызвал во мне ужас, но затем, пока тянулась длинная ночь, отвращение сменилось раскалённой вспышкой гнева, яростью, которую я и не думал, что способен ощущать. Это меня изменило. Всё стало гораздо проще.

— Значит, предположим, что все, — сказал я. — Каждый из этих козлов ответственен за то, что случилось с Матроной, и каждый из них за это заплатит. Когда они заходили в ту комнату, они пересекли черту. Он их инициировал.

Я был благодарен за то, что оказался прикован к постели, но эта радость вызвала у меня чувство вины. Если бы мне пришлось участвовать, меня либо убили бы при попытке это предотвратить, либо заставили участвовать под прицелом. Я это понимал, но мне всё равно казалось, что я должен был защитить её, что я должен был что-нибудь сделать, что угодно.

— Теперь они, как он, — продолжал я. — Он их такими сделал, и недооценивать их нельзя. Они верны, глупы и, как мы выяснили, способны на очень многое. Мы должны быть очень осторожны. Играть на долгой дистанции.

— Бейтс так долго не продержится.

— Не продержится, — согласился я. — Скорее всего, не сможет.

Нортон вопросительно посмотрел на меня.

— Значит, ничего делать не будем? Просто позволим им?

Я взглянул на крест и обдумал варианты.

— Нет, Не будем. Но я вижу только одну возможность, при которой нас не распнут вместе с ним. Мне это не нравится, и тебе тоже не понравится.

Когда я рассказал Нортону, что мне от него требовалось, с его лица сошла вся кровь.

— Придёшь на вечеринку? — спросил Мак, подкатывая кресло к кровати. — Обещаю, браток, будет шикарно!

— Не пропущу ни за что на свете, сэр. — Я изобразил самую злобную улыбку, и впервые я делал это не по принуждению и не притворяясь. Я ощущал себя охотником, чувствовал беспощадность, концентрацию, спокойствие.

— Молодчина, Ли. — Он шутливо пихнул меня в руку, а затем помог перебраться в кресло. Я даже не пытался скрыть дискомфорт и боль; если основной план не сработает и придётся прибегнуть к плану Б, нужно, чтобы Мак был уверен, что с ногой у меня всё очень плохо.

— Всё болит?

— Ага. Немного. Жаль, Матроны нет, не хочу, чтобы гангрена началась.

— Сучка уже далеко сбежала, но мы её найдём. Ради тебя, Ли, обязательно найдём.

Он выкатил меня за дверь, провёз по коридору к лестнице, где ждал Пейтел, чтобы спустить меня вниз.

— Вообще, Ли, знаешь, прошлой ночью ты пропустил всё веселье.

Сохранять спокойствие в подобных ситуациях становилось всё проще; гнев позволил держать себя под контролем.

— Правда? И что там было?

Мы подъехали к лестнице, и Пейтел ухватился за передние колеса.

— Как ты сказал тогда, Пейтел? Той ночью. Проверка качества, да?

На мгновение Пейтел почувствовал себя неуютно, но возможно это было вызвано тяжестью кресла.

— Так точно, сэр. Высшее качество.

— В общем, преподали сучке урок. Объяснили, кто тут главный. Жаль, тебя там не было, Ли. Полагаю, она всегда тебе нравилась, да? Позор, что тебе так и не удалось присунуть, да?

Я представлял, как беру нож, медленно вонзаю в его бьющееся сердце, и улыбаюсь, глядя в его умирающие глаза.

— Значит, — с энтузиазмом произнёс я, — оно стоило бы того, чтобы получить гангрену!

Мак и Пейтел рассмеялись. Все мы трое — соучастники одного преступления.

Мы спустились с лестницы и меня выкатили на задний двор.

— Кстати, ночью сбежали девчонки. Не переживай, мы их найдём. А ещё мы теперь ходим в патруль по ночам и у нас есть сторожевые будки. Больше никто отсюда не выскочит. Не правда ли, толстуха? — Последняя фраза была адресована Обеденной Леди, которая стояла в стороне, скрестив руки на груди, и глядя на него с вызовом, но, при этом, не скрывая собственную неуверенность и страх. Она ночевала одна, над кухней, прямо напротив окон общежития мальчиков. Должно быть, Матрона сочла слишком рискованным будить её.

— Утром она пыталась сбежать, — сказал Мак. — Но она слишком большая, чтобы двигаться тихо. Вообще, что мы будем есть, если её не станет? Вы слишком ценны для меня, миссис Обеденная Леди. Вас следует держать поближе к дому.

Он наклонился и прошептал мне:

— Плюс, пусть Матроны и нет, у нас есть и другие развлечения.

У ближайшей ко мне бровки стоял Нортон. Когда я проезжал мимо, он взглянул на меня и почти незаметно кивнул. Я облегчённо выдохнул. Задание выполнено.

Мак остановил меня и встал напротив войска. Над ним нависал крест.

— Для меня нет никакого удовольствия в том, что я намерен сделать, — произнёс он.

«Ой, не пизди», — подумал я.

— Однако в стремлении к справедливости и безопасности, сильный лидер должен быть безжалостен. Любой, кто вредит моим людям, будет страдать от последствий, и эти люди должны знать, что в своём стремлении я буду непоколебим. Здесь нет места милосердию и прощению. Единственное, что здесь свято — это справедливость. Если вы убьёте того, кто находится под моей защитой, вы убьёте часть меня. И, да поможет мне бог, вы будете наказаны за свои грехи.

Это уже что-то новенькая, вся эта ахиня про священное правосудие. Надеюсь, он не заработал себе комплекс мессии. Словно по команде, Бейтс достал Библию и принялся читать вслух, в то время как Зейн и Грин вывели Бейтса.

— «Путь праведника лежит среди беззакония эгоистов и тирании злых людей, — говорил, Мак цитируя Сэмуила Л. Джексона. — Блажен тот, кто во имя милосердия и доброй воли ведёт слабых через долину тьмы, ибо он воистину спаситель своего брата и искатель потерянных детей. И я обрушусь с великой местью и яростным гневом на тех, кто пытается отравить и уничтожить моих братьев. И, когда я обрушу на вас свою месть, вы узнаете, что имя моё — Господь».

Мак и в самом деле заморочился. Ситуация становилась нелепой. Как бы то ни было, надо было отдать должное выбору цитаты; по крайней мере, она была к месту.

Мальчики подвели Бейтса к кресту, а тот совсем даже не сопротивлялся. Даже увидев всю конструкцию, на которую его водрузят, он не выказал ни удивления, ни тревоги. Не думаю, что в Бейтсе осталось хоть что-нибудь, что можно было бы убить.

Мак подошёл к нему, силой поставил на колени, а затем повалил на спину. В полной тишине он привязал его запястья и ноги к импровизированному запястью. Затем он достал молоток и гвозди. Он выглядел разочарованным, когда Бейтс не издал ни звука, пока гвозди впивались в его плоть.

Он шагнул назад и взял веревку, что была привязана к кресту. Зейн и Пьюг взялись за остальные веревки, и втроём они поставили крест. Было непросто. Тяжёлая конструкция качалась и болталась, пока они пытались воткнуть столб в яму. Они отошли назад и осмотрели свою работу.

Человек на кресте — это мощная картина, возможно, знаковая. Она полна ассоциаций и смыслов, мифических отражений жертвенности и мученичества. Я взглянул на Бейтса, чья голова со стеклянными глазами пьяно повисла на плечах. Не было тут никакой жертвенности. Не был он никаким мучеником. Это просто был слабый человек, который пытался стать сильным, и не сумел. Никакой великой трагедии, всего лишь павший герой.

Мак, казалось, был неудовлетворён представлением. Успокоительное, которое я достал в лазарете, действовало. Нортон позаботился о том, чтобы именно его назначили отнести приговорённому последний обед. Прежде чем предложить ему шприц, он передал моё обещание найти семью Бейтса и рассказать о его смерти. Бейтс, разумеется, согласился принять наше спасительное предложение и сам ввёл препарат. Если я правильно рассчитал

дозу, через пару часов он впадёт в кому и умрёт, и никто ни о чём не догадается. Мак может решить, что распятие прошло быстрее, чем он рассчитывал, возможно, предположит сердечный приступ и шок, пока Бейтс уплывёт из жизни по волнам наркотического блаженства.

Это было единственное милосердие, которое мы могли ему предложить.

Мальчики разошлись в полной тишине.

Мак ещё раз взглянул на Бейтса, затем подошёл ко мне и повёз меня в Замок, оставив своего бывшего наставника на милость того, что, как он считал, было медленной мучительной смертью.

Я с удовлетворением подумал, что мне, наконец, удалось перехитрить Мака. Не такая уж и победа, но хоть кое-что, хоть какая-то крупица сострадания.

Теперь, как заместителю, как его приятелю, мне нужно было подыскать тему для разговора с Маком. Выбрать верный курс было сложно, но я решил проявить наглость, вести себя дружелюбно и саркастично, и надеяться, что он не обидится. Я сглотнул и решился.

— Ты слишком часто смотрел «Криминальное чтиво» — сурово произнес я.

Он хмыкнул и ответил:

— Я ему это средневековье в жопу засунул.

В этот момент Бейтс начал кричать.

— Наконец-то, — удовлетворённо произнёс Мак.

* * *

Это ужасно — слушать крик умирающего человека. Он врежется в тебя, расчленяет все иллюзии относительно бессмертия, лишает комфорта, заставляет принять собственное существование, и самым суровым образом напоминает, что каждый новый день мы проживаем лишь благодаря прихоти судьбы и случайности. Это унижительно и ужасно, и раз услышав этот крик, вы его уже никогда не забудете.

Я лежал в лазарете и около часа слушал крики Бейтса, пока не решил, что с меня хватит. Либо я перепутал дозу и он пришёл в себя, либо он переживает самый жуткий трип, какой только можно вообразить. Без разницы. Я либо не помог, либо сделал только хуже. Жить с этим я не был готов. Пора переходить к плану Б.

Я сполз с кровати и проковылял через медицинский кабинет. Сейчас нога уже не так болела, хотя ковылять было практически невыносимо. Но, что такое моя боль в сравнении с той, что испытывает кричащий снаружи человек, стоящий перед лицом неминуемой смерти? Я открыл шкаф и принялся рыться среди бутыльков, пока не нашёл нужный. Я нашёл шприц, наполнил его и воткнул прямо в рану. Какое-то время кричали двое, но вскоре сладкий морфий сделал своё дело, ноге стало тепло, она перестала двигаться и стала вдвое толще. Но она, наконец-то, начала держать мой вес. Я не имел ни малейшего представления, как долго лекарство будет глушить мои чувства, но я понимал, что нужно торопиться. Я проковылял к двери и проверил коридор. Пусто. Хвала небесам за такие маленькие радости. Моя винтовка стояла у стены в углу, нетронутая с тех самых пор, как я принёс её в лазарет, когда меня ранили, кажется, целую жизнь тому назад.

Я взял её и пошёл к пожарной лестнице. И снова, никого. Я шагнул на лестницу и пошёл наверх. Начала кружиться голова. Я крепко держался за перила, пока добирался до запертой

двери, которая вела на крышу. Двумя сильными ударами приклада я выбил замок и оказался снаружи, под низкими серыми облаками.

Я подошёл к краю крыши, которая пружинила подо мной, словно одеяло. Небо над головой начало вращаться, я ощутил как тело и лицо охватил жар, как у персонажа мультика, который съел слишком много острого перца чили. Я подошёл к краю и посмотрел вниз, покачнулся и отпрянул. Осторожнее.

Я лёг, занял позицию и прицелился из винтовки в грудь человека внизу, который так и продолжал кричать, кричать и кричать.

Я попытался сосредоточиться, но крыша проваливалась, словно пыталась поглотить меня, съесть, подобно зыбучему песку. Голова кружилась, в глазах всё плыло, руки дрожали.

Я крепче сжал винтовку и закрыл глаза. Я успокоил дыхание и снова открыл глаза. По периферии моего зрения промелькнуло безумие, но я заметил, что, пусть и на мгновение, в моих глазах появилась ясность.

Возможно, это было безрассудство, вызванное наркотиками, или я зашёл так далеко, что перестал беспокоиться о последствиях своих действий; что бы это ни было, я не колебался ни секунды. В одно мгновение я сделал то, чего старался избегать все эти долгие месяцы, с тех самых пор, как Отбор сделал каждого мужчину, женщину и ребёнка блюстителем своей собственной морали; единственное, чего я больше всего боялся, так это того, куда приведёт меня мой собственный выбор, и на что я действительно способен.

Я нажал спусковой крючок и оборвал человеческую жизнь.

Наконец-то я стал убийцей.

Урок второй

КАК БЫТЬ ПРЕДАТЕЛЕМ

До Отбора, когда школа Святого Марка была одной из множества школ для мальчиков, а я был обычным четвероклассником, который пытался сдать экзамены, я как-то раз перешёл дорогу Маку.

Была пятница, обед, и я поехал на велике в город купить пачку чипсов и журнал. Пропускать обед не запрещалось, но время было ограничено, и если задержаться, существовал риск пропустить начало дневных занятий.

В тот день я столкнулся с девочкой из старших классов, которую встречал на одном из официальных общественных мероприятий, что в то время проводили наши школы. Рядом с девочками я чувствовал себя неловко. Я учился в однополой школе с тех самых пор, как едва начал ходить, а сестёр у меня не было. Не то, чтобы я не знал, о чём говорить с девочками; я вообще не знал, как говорить с ними.

И, вот, пока я рылся на полке с прессой, ко мне подошла девочка, сказала «привет», и мы поболтали несколько минут. Её звали Мишель, и она мне понравилась. Не помню точно, что я говорил; всё было слегка размыто. Я лишь старался не плевать, не ругаться и не рыгать. Всё, вроде, прошло нормально, она улыбнулась и попрощалась. Она была милой, и я беспечно мечтал всю дорогу, пока не въехал прямо в Мака, который стоял у школьных ворот и стерёг опоздавших и прогульщиков.

— Ну, и как, блядь, это назвать? — спросил Мак.

— Прости, я... эмм... — Нет, выхода нет, попался с поличным.

Он схватил мой журнал.

— Эй, что это тут у нас? SEX?

— Эм, нет, тут написано SFX. А похоже, потому что картинка закрывает часть буквы F.

— Это ты так говоришь. А я вижу девушку в бикини на обложке журнала, на котором написано SEX.

— Это принцесса Лея.

Он свернул журнал и со всей силы ударил им меня по голове.

— Да будь это хоть принцесса Диана, я его конфискую.

Протестовать смысла не было.

— Значит, ты у нас гик, да? Маленький поклонник научной фантастики? Дрочишь на картинки с далеками^[11], да?

На ум пришло немало резких ответов, но я не был настолько глуп, чтобы произносить их вслух. Я просто стоял на месте, понутив голову.

Наказание для меня он придумал стандартное. Я должен был стоять в коридоре и прижимать журнал к стене собственным носом. Можно решить, что это довольно просто. Однако он заставил меня отставить ноги на метр от стены, а руки держать за спиной. Я стоял, наклонившись вперёд под углом в 45 градусов, и весь вес моего тела приходился на нос. Через минуту боль стала невыносимой. Он заставил меня так простоять полчаса. Больше я с ним не пересекался, и он забыл, кто я такой.

Я ещё учился в младших классах, когда выяснил, как лучше всего разбираться со школьными задирами: бить их, как можно сильнее, и возможно, у них пойдёт носом кровь. Со мной всегда срабатывало. Но, когда задиры были разрешены официально, когда они были старостами (или учителями, если подумать), тогда, чем активнее вы протестовали, боролись

с ними, давали сдачи, или отвечали на их риторические вопросы, тем хуже становились ваши дела. В их руках была власть, и любой ваш аргумент, довод или оправдание могли быть попросту проигнорированы.

Так что, я выучился душить свою гордость, проглатывать ответные реплики, сжимать кулаки, но не размахивать ими. Не высовывайся, не привлекай к себе внимания, держись ниже радара. Таков секрет тихой жизни; таков секрет выживания.

К тому времени как начался Отбор, этот инстинкт глубоко укоренился во мне. Возможно, именно поэтому я не стал противостоять Маку в самом начале, поэтому я сказал Нортону не вмешиваться, когда Хаммонду требовалась наша помощь, поэтому я решил свалить Мака путём предательства и уловок. Жизнь, прожитая в постижении способов выживания при узаконенных издевательствах, научила меня быть хитрым, но правил открытого конфликта я уже не понимал.

Мак до сих пор обладал властью, пусть теперь она исходила из ствола винтовки, и банды прислужников, чем от яркой ленточки на пиджаке, а я так и застрял в роли подчинённой жертвы, кипя от обиды, но храня молчание, борясь с несправедливостью тайком, при помощи заговоров и планов.

Но я до сих пор помнил удовлетворение от разбитого носа задиры, и мне хотелось почувствовать, как нос Мака трещит под ударом моего кулака.

* * *

Во рту всё пересохло, глаза закрыты, а боль в ноге была чем-то далёким. Я слышал, как по комнате кто-то ходил, но где-то с минуту я не мог ни говорить, ни шевелиться. Вскоре у меня получилось захрипеть, и услышал звон, словно стакан разбился об пол. Я кого-то встревожил.

Затем послышался звук воды, наливаемой в стакан из кувшина, мой затылок обхватила рука, а стакан поднесли к губам. Я с благодарностью выпил всю жидкость.

— Спасибо, — прохрипел я.

— Пожалуйста.

Обеденная Леди.

— Что... где...

— Не пытайся говорить, просто полежи минутку.

Я услышал, как она что-то протёрла в воде, а затем вытерла прохладной тряпкой мне глаза, и я смог их открыть, щурясь от яркого света, льющегося сквозь окна. Я всё ещё в лазарете.

— Сколько?

— Ты провёл без сознания неделю. Честно говоря, мы не были уверены, что ты выживешь. С ногой у тебя всё было совсем плохо. Но прошлой ночью лихорадка пошла на спад, а инфекция, похоже, сама себя сожрала. Ты очень-очень везучий мальчик.

Я покосился на неё. Голова была, как будто, набита камнями.

Дверь в лазарет открылась и в дверном проёме появилась голова Грина.

— Он очнулся? — спросила голова.

— Только что.

— Отлично. Схожу за Маком.

Он закрыл дверь и я услышал его шаги по коридору.

Обеденная Леди заговорщицки наклонилась ближе.

— Сейчас слушай, пока он не пришёл. У меня для тебя сообщение от Матроны.

Она заметила моё волнение и шикнула.

— Той ночью я осталась добровольно. А ты решил, она меня бросила? Кто-то должен присматривать за вами, мальчишками, и я решила, почему бы не я. Мы наладили связь и оставляем друг другу записки. Где — не скажу; она тебе доверяет, но я не вполне уверена. Так или иначе, она говорила мне, какие лекарства тебе давать, так что дышишь ты, благодаря ей. Она хочет, чтобы ты знал, что с ней и девочками всё хорошо. Они тут неподалёку, но место, где они прячутся, уже обыскивалось одним из охотничьих отрядов Мака, но их они не нашли. Вряд ли они снова станут там искать, так что можно сказать, теперь они в безопасности.

Я выдохнул с облегчением, хотя похоже было скорее, на последний вздох умирающего, потому что она предложила мне ещё воды. Я пил с жадностью.

— Мак? Бейтс?

Она задумалась и с подозрением посмотрела на меня.

— Мистер Бейтс мёртв и похоронен, упокой господь его душу. Мак, в основном, занимался тем, что рыскал по округе в поисках девочек, да муштровал мальчиков. Возле реки он построил полосу препятствий, и они там занимаются ежедневно в течение часа. Видел бы ты, как он с ними обращается. Возмутительно. Говорит, что готовит их к войне. Этот бешеный дурак всех нас погубит, попомни мои слова. Впрочем, он и тобой серьёзно интересовался. Высоко тебя ценит. Хочет, чтобы ты был в боевой форме. Говорит, не хочет начинать войну без тебя. Так что, поправляйся. Чем дольше будешь тут лежать, лениться и жалеть себя, тем лучше будет всем нам.

Мы услышали приближение Мака и Грина, и замолчали.

— Так, вот он наш, хер хромой, бодрячком, — произнёс Мак, входя.

Он отпустил миссис Аткинс одним взглядом, та вышла, и он занял освободившееся место.

— Привет, — слабо проговорил я.

— И тебе привет. — Он понюхал и оглядел мою ногу. — Как самочувствие?

— Пульсирует.

Он кивнул.

— Что ж, я говорил, ты везучий малый, и всё у тебя будет хорошо. Давай, отлёживайся, ты мне нужен в форме, но недолго, ты мне понадобишься.

— Зачем? Что-то готовится? — Я был едва в сознании, дезориентирован, квакал, как лягушка, а мой мозг подвергался бомбардировке информацией, с которой я едва мог совладать. Но мне нужно было знать что происходит.

— Среди нас предатель. Какой-то пидор застрелил Бейтси. Избавил его от страданий и испортил всё веселье. Я хотел, чтобы ты с этим разобрался, но ты был едва в сознании и тусовался здесь, в лазарете, когда я пришёл посмотреть, как ты. Так что не переживай, мы знаем, это не ты. Но мы не знаем, кто это и меня это... нервирует. Либо кто-то из офицеров мутит у меня за спиной, либо кто-то из младших припрятал ствол, о котором мы ничего не знаем. Мне оба варианта не нравятся. Короче, толстуха принесет тебе пожевать, и мы тобой займёмся. Как будешь готов, посвящу тебя в свои планы.

Я был счастлив; я едва мог держать глаза открытыми.

— Отдыхай, браток, — сказал Мак, но я уже практически спал.

* * *

В процесс выздоровления у меня было полно времени оценить ситуацию.

Школа превратилась в укрепленный лагерь. По периметру круглосуточно ходили патрули, а у главных ворот и входа в здание школу располагались посты охраны. Было введено правило, по которому в каждом патруле и на каждом посту присутствовал офицер, дабы держать мальчишек в узде.

День начинался в 8 утра с парада и смотра, затем завтрак, а следом муштра и упражнения всё утро. День был отдан спорту и сбором хлама. Пока хватало топлива, Мак каждый вечер устраивал киносеансы, но оно уже давно кончилось, так что нам пришлось привыкать жить без электричества. Из технических игрушек у нас остались только магнитофоны и фонари, работающие от батареек; нам удалось собрать достаточное количество батареек, чтобы хватило надолго, так что мы могли хотя бы слушать музыку. Когда Мак не устраивал ночные занятия, вечернее время было свободным. Мальчишки играли в настольные игры; Грин создал театральный кружок и объявил о прослушивании на пьесу «Наш городок»; третьеклассник по имени Лилл собрал музыкальный ансамбль.

Хиткоут и Уильямс расширили ферму, и теперь у нас имелось несколько голов скота. Огород Петта также чувствовал себя неплохо. Все находились при деле, двигались и имели цель.

Однако в воздухе постоянно висело нескрываемое напряжение. Офицеры, связанные общим преступлением, стали сплоченным отрядом, единой верной бандой, обладавшей абсолютной властью и не боявшейся её применять. Нам повезло, что только один из них, Уайли, оказался конченным ублюдком. Остальные командовали, издевались и управляли, но положение не становилось настолько серьезным, как я предполагал. Мак, похоже, немного сдерживался, и я не мог понять, почему. Я предполагал, что он будет постоянно сжимать всех в тисках, но, чаще всего он просто кричал и раздавал случайные оплеухи. Его излюбленным наказанием являлось заставлять провинившихся бегать кругами перед завтраком.

Мне кажется, он и сам был слегка шокирован собственным поведением в отношении Бейтса. С истощением запасов топлива, микроавтобусы стали бесполезны, поэтому наша зона поисков была ограничена несколькими милями во всех направлениях. При каждом удобном случае мы собирали лошадей, а Хейкокс проводил для офицеров занятия по верховой езде. Я уже мог ездить верхом, но лишь на поздних этапах своего выздоровления я мог выносить боль, вызванную постоянной скачкой вверх-вниз на шагающем четвероногом животном.

Похоже, все усилия Мака были направлены на обеспечение безопасности и тренировки мальчишек. Но для чего он их тренировал? Я прямо спросил его об этом, но этот загадочный ублюдок выдал лишь «Увидишь». Я считался его заместителем, но он мне пока не доверял.

И пока он занимался своими планами, я занимался своими.

После того, как я застрелил Бейтса, отношение Нортон ко мне изменилось. Пусть он и вёл себя со мной весело и таинственно, я чувствовал в нём настороженность. Он не до конца понимал, чего от меня ожидать. Думаю, мои действия удивили его не меньше, чем меня

самого. Я его не винил. Я и к самому себе относился настороженно.

Иногда мой отец просыпался по ночам с криками. Я знаю, во время его командировки в Боснию, случилось нечто страшное, но он никогда не рассказывал, что именно это было. Теперь настала моя очередь просыпаться от крика и в поту. В моих кошмарах Бейтс вопил с креста мне прямо в лицо, а Мак стоял рядом и аплодировал, пока я отрезал от своего бывшего учителя небольшие куски, которые превращались в маленькие рты и присоединялись к общему хору.

Прежде у меня никогда не было кошмаров. Все ужасы и смерти, которым я был свидетелем во время Отбора, всё насилие, которое причинялось в отношении меня, как физическое, так и психологическое, не вызвало у меня ни единой бессонной ночи. Однако насилие, которое я причинял в отношении других, мучило меня. Я всегда считал, что это с моим отцом произошло нечто ужасное; теперь я понял, что это он творил нечто ужасное с кем-то другим. Я осознал, что совсем не знал своего отца, ни того, на что он способен.

Впрочем, теперь я начал осознавать, на что способен сам. И это меня пугало.

Тем не менее, я оставался сконцентрирован на своих целях — завоевать доверие Мака, найти возможность предать его, найти Матрону и девочек, сделать из школы убежище, которым она и была всегда. Я был готов сделать всё, чтобы достичь этих целей, но я не мог сделать этого в одиночку.

* * *

— У тебя есть ствол, так почему ты просто не пристрелишь этого гада? — спросил однажды Нортон во время ежеутренней поездки по полям.

— В смысле, просто подойти и хладнокровно его расстрелять?

— Ну, да. Я именно об этом. Почему нет? Серьёзно, почему нет?

— Это не очень этично, не так ли?

Он разразился смехом.

— Этично? Ты, прикалываешься, блядь? Речь о человеке, убившем нашего учителя истории, человеке, который стал заместителем психопата, человеке, который по любым законам будет осуждён за убийство ребят из Территориальной армии? Этично? Не смеши меня. Разве более этично планировать его уничтожение, лёжа на больничной койке? По крайней мере, если ты подойдешь к нему и пристрелишь, это будет открыто и честно. Хоть какая-то этика.

— Я не хладнокровный убийца, — только и мог ответить я.

— Прости, братан, но ты именно такой.

Мы шли мимо полосы препятствий. Она состояла из сетей, канатов, деревянных конструкций и чуть-чуть колючей проволоки. По ней надо было лазать, ползать, прыгать, качаться и всё такое прочее. Там занималась группа младшеклассников под надзором Уайли, который издевался над бедолагой Роулсом, швырял в него комья земли, стрелял прямо над ухом мальчика, симулируя обстрел, орал без конца. Бедный мальчик выглядел чудовищной напуганным.

— Если я застрелю Мака, нельзя предугадать, что будут делать остальные офицеры, — сказал я. — Мне они подчиняться точно не будут. Я всего лишь пятиклассник, не забывай. Может я и заместитель, но пока не отдал ни одного приказа, а будет это только из-за того,

что они подчиняются Маку. Мне нужно узнать их, завоевать их доверие и уважение, прежде чем начать действовать. Разделять и властвовать, вот, чем мы должны здесь заниматься. Я лишь пытаюсь разобраться со всем с минимальным количеством смертей.

Он не стал продолжать спор, но я чувствовал, что мы с ним ступили на зыбкую почву. Мы оставались друзьями и союзниками, но нельзя было отталкивать его от себя ещё дальше. Мак терпел мою дружбу с Нортоном, а мне требовалось, чтобы он был моими глазами и ушами среди прочих мальчиков.

К Замку он отвёз меня в молчании, но, несмотря на все оговорки, на следующий день мы встретились, чтобы сверить наши планы.

— Самая наша большая проблема — это Уайли, — рассказывал Нортон. — Похоже, он пытается перепрыгнуть Мака. Остальные, в основном, довольствуются раздачей кругов, случайными оплеухами и работами по хозяйству. Но Уайли нравится унижать людей. Недавно он заставил Теккерея десять раз пройти полосу препятствий нагишом. Под конец пацан был весь в синяках и порезах. А Вона он заставил ночевать в коровнике лишь потому, что тот не доел завтрак.

— Ладно, значит, считаешь, если Мака не станет, его место скорее всего займёт Уайли?

— Без сомнений. Остальные вроде неплохи, за исключением Грина, который оказался на противоположном конце спектра. Он — мальчик для битья, самый убогий. Ему начали придумывать клички.

— Какие, например?

— Гомосек. Заднеприводной. Ну, ты понимаешь. Нестояк — одно из самых популярных. Он многозначительно посмотрел на меня, пока до меня не дошло.

— Ох, блин, — прошептал я. — Не думаешь ли ты...

Он кивнул.

— Подтвердить это предположение не удалось.

— Поэтому он уязвим. Они осознают, что он не столь же виновен, как и они, и ненавидят его за это. Плюс, ты же знаешь, он слегка женоподобен. Видел бы ты, как он ставит «Наш городок». Мне кажется, он сам хочет сыграть Эмили. На эту роль он взял Петтса. Говорит, что раз во времена Шекспира считалось нормальным, если мальчики переодеваются в девочек, то и нам нормально.

Я обдумал эту информацию.

— Ладно, наступать будем с двух фронтов, — сказал я. — Я попытаюсь убедить Мака увидеть в Уайли угрозу, и буду подкармливать обиду Грина на других, пока он не перейдёт на нашу сторону.

— И пока ты будешь всем этим заниматься, что делать мне?

— Тебе нужно разговорить остальных, но осторожно. Нужно выяснить, у кого из мальчиков дела идут хуже всего и попытаться перетянуть их на нашу сторону. Нам понадобятся собственные офицеры, которые смогут выступить, когда появится возможность.

Нортон ухмыльнулся.

— Наконец-то, у нас появилась схема.

— И план.

Мы пожали руки.

— Чудесно, — произнёс Нортон. — Думаю, мы только что повысили вероятность нашего распятия на четыреста процентов.

Спустя три недели отдыха, я, наконец, снял швы и смог ходить с тростью. У меня всегда была выраженная хромота, но я начал делать упражнения, помогающие вернуть ноге силу.

В день, когда я смог начать ходить, Мак попросил посетить его апартаменты. Он переехал в старую квартиру директора. Когда я постучал в дверь и ждал, пока он меня впустит, то заметил, что он оснастил двери замками. Как и подобает лидеру — осторожность сменяет спокойствие, а вскоре на место осторожности приходит паранойя. Я надеялся, что сумею немного ускорить этот процесс.

Мак открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь.

— Присаживайся, — произнёс он.

Я оглядел гостиную, в которой боролся с Ионой, и с облегчением заметил, что Мак заменил мебель; мне не очень понравилось бы сидеть на диване, на котором лежал полуразложившийся директор. Я с благодарностью плюхнулся на плюшевые подушки. Не помню уже, когда последний раз сидел на диване; я чувствовал себя максимально комфортно.

Я ожидал, что мне предложат чашку чая или нечто подобное, но вместо этого Мак открыл мини-бар и достал два больших бокала для виски. Он протянул мне один бокал, сел напротив и задумчиво меня осмотрел.

— Не думаю, что очень уж тебе нравлюсь, Ли, — вскоре произнёс он.

«Ох».

«Блядь».

Изобразить невинность? Он не поведётся.

Попробовать отшутиться? Догадается.

Ладно. Действуй прямолинейно. Будь серьёзен, но не лезь на рожон.

Я посмотрел ему в глаза.

— С чего ты так решил?

Он пожал плечами.

— Чутьё и наблюдение.

Он отпил из бокала. Я тоже. Складывалось ощущение, что я играю в покер.

Я не знаю, как играть в покер.

— Видишь ли, я считаю, Бейтс был прав, — продолжал он. — Я думаю, что ты думаешь, что ты выше всего этого. Я иногда замечаю, как ты смотришь на меня, и вижу, как ты меняешь выражение лица, пытаешься скрыть своё презрение до того, как я его замечу.

— Не будь дураком. — Я рассмеялся, по-дружески.

Он не улыбнулся.

— Я много, кто, слышь? Но я не дурак.

В его голосе слышалась угроза, однако не было похоже, что он злился. Если только я не сказал что-то, по-настоящему глупое. Я поднял руки и изобразил невинность.

Мак подался вперёд.

— Суть в том, что ты не такой, как я. Я — пиздюк. Конченный ублюдок, и мне плевать, знает ли об этом кто-то ещё. Я убийца и насильник, и это только начало. Я сначала стреляю, а потом задаю вопросы. Я забиваю нахуй любого, кто встанет передо мной и моими желаниями, и мне плевать, кто это будет. И мне нравится всем управлять. Нравится

руководить людьми, отдавать приказы, устанавливать правила, изображать крутого мужика. Но дело в том, Ли, что это единственное — в чём я хорош. У меня к этому талант, понимаешь ли. Попроси меня что-нибудь посчитать, или дай занятие по английскому, нарисовать картину или сыграть на пианино, и я полный нахуй дебил. Но, поставь меня в ситуацию, когда требуется сила, немного жестокости, и я в деле. И главное, что сделал Отбор, самая великая, прекрасная вещь, которую сделал Отбор — это вручил людям, вроде меня, ключи от всего этого блядского мира. Ни один коп не закроет меня за причинение вреда здоровью, ни один магистрат не вручит мне свидетельство об общественно опасном поведении, ни один судья не отправит меня в дурку. Сейчас закон один, и он не за теми, у кого самая большая пушка, а за теми, кто достаточно гнусен, чтобы первым ею воспользоваться. И этот человек — я. И, полагаю, ты такой же.

Я мог лишь выдавить из себя:

— А?

— Ой, не позорься и не изображай невинность. Это ты застрелил Бейтси.

Я попытался сделать каменное лицо и ничего не показывать. Только смысла не было.

— Ага, — произнёс он, изучая меня. — Так и думал.

Плохо дела пошли.

— Сейчас ты думаешь, я буду из-за этого злиться. И я немного злился. Но потом я поразмыслил. Вероятно, ты так поступил, потому что решил избавить его от страданий, так?

Я не издал ни звука.

— Так? — В его голосе вновь появились нотки опасности.

Я кивнул, продолжая смотреть ему в глаза.

— Милосердно. Даже, по-геройски. Однако это не отменяет того факта, что ты его убил. Хладнокровно застрелил. Как бы ты сам себе там ни думал, теперь ты убийца. Как и я. А я себе нравлюсь, и мне нравятся люди, похожие на меня.

Я снова кивнул.

— Остальные — просто последователи, громилы, ссыкуны, которые чувствуют себя крутыми только, когда рядом есть такие крутые парни, как я. Но, полагаю, в тебе есть стержень. Полагаю, спина у тебя крепкая. Ты действовал у меня за спиной, умышленно сделал то, что собирался сделать я. Для этого нужны яйца, особенно с твоими ногами. Мне нравятся яйца. Но мне не нравятся те, кто меня поддѣбывают. Так что у меня остаётся только два варианта.

Мы пристально смотрели друг на друга.

— Дай угадаю, — вскоре произнёс я. — Убить меня или повесить.

Он склонил голову в согласии, откинулся на спинку кресла и отпил виски. Затем он вытянул правую руку, поставил бокал на стол и взял «Браунинг», который всё время разговора лежал, излучая молчаливую угрозу. Он положил пистолет на бедро, осторожно держа палец на спусковом крючке.

— И что мне, по-твоему, делать, Ли?

Я ничего не ответил.

Мак поднял пистолет, положил его обратно на стол и вновь взял бокал.

— Видишь ли, ты рискнул и принял сложное решение, потому что считал, что поступаешь правильно. Если я смогу убедить тебя, что помогать мне — это правильно, то мы станем отличной командой. Но мне придётся тебя убеждать, а не заставлять силой. Если я тебя заставлю, ты просто скажешь то, что мне хочется услышать, и я не смогу понять, можно

ли тебе доверять или нет. Итак, позволь мне устроить презентацию. В конце концов, я должен был заниматься рекламой. Если не понравится, можешь выйти — прости, укувылять — за ворота. Я не буду тебя останавливать.

Мак откинулся в кресле, снова отпил виски, и приготовился задать мне жару.

— Когда я вернулся в первый раз, Бейтси отвёл меня к себе в кабинет и прочёл лекцию. По истории, что было в его стиле. Он сказал мне, что если взглянуть на историю примитивных цивилизаций, одни и те же шаблоны повторяются раз за разом, снова и снова. Фермы объединяются в деревни. Затем эти деревни обнаруживают рядом другие деревни, и с радостью объединяются друг с другом, образуя племена. Только в этих деревнях нет демократии. Никто не выбирает вождя. Командует там самый крутой засранец в округе, вот в чём дело. Если тебе не нравится твой вождь племени, ты бросаешь ему вызов, вы деретесь, и победитель становится новым вождём. Простая система. Все понимают правила. И всё работает. Охуительно работает. Так было по всему миру. Демократия — это роскошь. Её можно себе позволить, если твоё общество пиздец, как загружено, обеспечено, организовано, стабильно, обладает развитой инфраструктурой. Но, пока твоё общество всем этим не обладает, трайбализм — это лучший способ управления, потому что даёт людям наилучшие шансы выживания. И значение имеет только это — выживание. Вождь выбирается по заслугам, по силе. Людям нравится сила. Они её понимают. Так размышлял Бейтси, и мне пришлось с ним согласиться, поскольку Отбор поставил нас в ситуацию, когда мы должны вернуться к племенам. У нас нет электричества, водопроводной воды, газа. Блядь, у нас даже сельское хозяйство такое, что и говорить не о чем. Малые, сильные общины — вот путь восстановления человечества. А сильным общинам нужны сильные вожди. И это — я. Видишь ли, беда с Бейтси была в том, что он убедил меня в своей правоте. И едва это произошло, я осознал, что должен встать на его место. Я понимал, что он недостаточно крут, чтобы вести за собой. Племя, возглавляемое им, никогда не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить выживание остальных. Поэтому я его заменил. Я распял этого бедолагу, потому что решил, что так будет наиболее драматично. Тем самым я послал чёткое сообщение: «Я — вождь. Я силён и безжалостен. Будешь до меня доёбываться, я тебя убью». Вот так, по словам Бейтси, и должен ставить себя сильный вождь сильного племени. Он знал, что это правда, знал, что подобное представление необходимо, но ему для этого не хватило духу. Это сделал я, и буду делать. Лишь потому, что я это делаю, я именно тот, кто должен управлять племенем. У племени под моим руководством наилучшие шансы выжить, когда к нам придут другие племена, чтобы нас захватить. Я — лучшая возможность выжить для этих мальчишек. Я в этом убеждён. А ты?

Возможно, я был убеждён.

Боже мой, этот сумасшедший мудака говорил здравые вещи.

Мне ни на секунду не пришло в голову, что у него может быть что-то настолько развитое, как например, идеология. Я был убеждён, что он — буйнопомешанный психопат. Но всё, что он сейчас сказал, было чудовищно разумно. Брутальный, злобный и опасный, но логичный.

— Нет, — произнёс я. — Не совсем.

Мак откинулся в кресле и сделал глоток. Он дёрнул головой, чтобы я продолжал. Я набрал воздуха в грудь и развил мысль:

— Возможно, Бейтс был прав насчёт племени. Не знаю, сам я никогда не разобрался в истории. Однако звучит правдоподобно. И, если он прав, ну, да, сильный вождь — это,

вероятно, необходимое зло, на какое-то время. Не знаю, каким лидером был бы Бейтс. Откровенно говоря, он был нахрен бесполезен. Когда начинались какие-то сложности, он замирал, а это было опасно для всех нас. Он был обузой. Я не думаю, что распятие этого бедолаги было решением. Ну да ладно, что сделано, то сделано, и ты теперь вождь. Не будем обращать внимания, что ты сделал, чтобы занять эту должность, вопрос в том, что ты намерен делать, получив её?

Я замолчал; нужно правильно подобрать слова.

— Я вот, что хочу знать, — произнёс я. — Ты намерен держать тот же уровень жестокости, дабы продолжать занимать эту должность?

— Ну, да, если надо будет, — признал Мак. — Но я не думаю, что стану. Мне придётся поступать мерзко только, когда кто-нибудь решит бросить мне вызов. Но я не думаю, что так будет. Можно немного расслабиться. Всё сделано.

— Ага, я заметил. Должен признать, когда ты взялся за руководство, я думал, что будет очень плохо, но этого не произошло.

Странное это дело — говорить с ним настолько открыто. Во мне до сих пор теплилась уверенность, что этот разговор закончится стрельбой, но он не оставил мне выбора, кроме как вести себя честно, и я так себя и повёл. И всё же, не было нужды быть честным до конца.

— Послушай, Ли, сейчас я главный, — сказал он. — Я намерен сделать наших пацанов жесткими, и офицеры мне в этом помогут. Но мне необходимо соблюдать баланс, сделать так, что я не разозлю их настолько, что они выйдут из-под контроля. Я заполучил их повиновение, но мне нужна их верность и уважение. И я понимаю, это будет сложно. Не самая сильная моя сторона. Если ты будешь на моей стороне, полагаю, я смогу их одолеть. Я наблюдаю за тобой; ты справишься с молодняком и прочими делами. Они меня раздражают, а я их пугаю до охуения. Что есть хорошо, не пойми меня неправильно, я хочу, чтобы они меня боялись. Мне нужна добавка доброты. Кнут и пряник, уловил? Вот, чего мне от тебя нужно.

— Теперь понимаю. — Я рассмеялся. — Ли Киган — заботливое лицо распятия. Значит, хочешь, чтобы я стал твоей совестью? Сдерживал тебя?

— Ага, можно и так сказать. Дай знать, если я зайду слишком далеко. Приглядывай за пацанами. Держи меня в курсе, как они себя чувствуют. Следи за офицерами, выясняй, кто из них может создать проблемы.

— Уайли, — тут же бросил я.

— Серьёзно? Мне он нравится. Он жестокий, — весело произнёс он.

Я наградил Мака наилучшим своим взглядом из разряда «да, ну?».

— Ну, да ладно, — сказал он. — Что ж, я к этому и веду. Ты подмечаешь подобные вещи. Мы станем неплохой командой. Плюс, я могу рассчитывать на тебя в бою. А это важно. Ибо, полагаю, нам предстоит много боев.

— Значит, я твой заместитель. Я отдаю приказы офицерам, и моя задача — поддерживать тебя, и давать тебе знать, если ты, по моему мнению, зайдёшь слишком далеко. И поступаю я так, потому что сильный безжалостный вождь — это наилучшая возможность выжить в племенном мире. Я прав?

— Ага.

Я сделал вид, что обдумываю собственные слова, затем подался вперёд и протянул руку.

— Ладно, я в деле.

Но, когда он пожимал мою руку, я думал лишь о том, что он сделал с Матроной и

Бейтсом, и насколько сильно он будет страдать, когда я с ним разделаюсь.

Охранник с отвращением осмотрел нас.

— Чего надо?

Петтс показал бумажный пакет.

— Несём овощи, сыр и молоко на рынок, — сказал он.

Охранник сунул нос в пакет.

— Чеширский есть?

— Эм, нет, простите. Всё только домашнее. Он типа, как филадельфийский.

Охранник принялся.

— Гадость какая. Жена такой ела. Позорище, — задумчиво произнёс он. — Я любил чеширский.

Мы стояли и выжидали, пока охранник погрузился в вязкие рыхлые размышления. Уильямс прочистил горло.

— Чего? А, да, что ж, проходите тогда. Билл вас осмотрит. — Он кивнул своему коллеге, тот вышел вперёд и обыскал нас на предмет оружия. Закончив, он отодвинул деревянное ограждение с колючей проволокой, и дёрнул головой, чтобы мы проходили.

— В семь комендантский час, — произнёс Билл. — Если намерены тут остаться, тогда заранее поищите себе какую-нибудь дыру. Номера есть в пабе, если есть чем платить.

Петтс, Уильямс и я прошли мимо блокпоста и оказались в Хилденборо.

Мак был убеждён, что этот крошечный городок в трёх милях дальше по дороге от школы, являлся нашей первоочередной проблемой. Именно к сражению с этими парнями он нас готовил.

Пользуясь терминологией Мака, их сильным племенным вождём был Джордж Бейкер местный магистрат. Тот самый человек, который повесил МакКаллоха и Флеминга, обладавший нулевой терпимостью, который, как и Мак, верил в публичную демонстрацию своей власти.

Петтс и Уильямс раз в неделю посещали рынок с целью продать овощи, мясо и сыр, что они производили. Впрочем, Петтсу не удалось никого убедить съесть собранных им улиток.

На рынках хорошо распространялись слухи, а в Хилденборо находился единственный паб на сотни миль, так что это место отлично подходило для сбора разведанных. По плану остальные должны были торговать, как обычно — по какой-то причине Уильямсу так и не удалось найти инвентарь для пивоварения — в то время пока я смешался с толпой и принялся слушать.

Город был хорошо укреплен. С трёх сторон он был окружен полями, а с четвертой практически сливался с Тонбриджем, что делало это направление наиболее сложным для обороны во время штурма. В качестве решения этой проблемы они срыли целый квартал домов, дабы создать открытое пространство, а затем возвели офигительных размеров забор, который украсили пулемётными вышками. Не хватало только нескольких прожекторов и немецких овчарок, как было в Берлине в пятидесятых.

Поэтому, стороны, обращённые к открытой местности, где охрана располагалась на очевидных маршрутах, вроде троп и дорог, были менее защищены, и с этого направления было легче пройти, особенно с наступлением темноты. Понимая это, Бейкер установил строгий комендантский час. Петтс выяснил, что охранники ходят парами, с факелами, и

носили яркие манишки, дабы предотвратить дружественный огонь.

До Отбора в этой части Кента раздавался звук стрельбы из дробовиков по птицам, так что жители Хилденборо не имели недостатка в оружии и патронах. Однако наше вооружение было более впечатляющим, так что, если бы дело дошло до стрельбы, у нас было преимущество. Если говорить о цифрах, Уильямс подсчитал, что у них имелось около сорока человек, которые вели себя, как охранники, и около двухсот жителей в целом.

Мак хотел, чтобы я выяснил какие-нибудь детали о самом Бейкере, и выяснить, может ли он попытаться расширить свою территорию.

Петтс, Уильямс и я, одетые в гражданское, дабы не привлекать внимания, шли по городу на рынок, который раскинулся напротив крупного величественного дома, в котором Бейкер устроил штаб. Необычно было видеть улицы, очищенные от мусора и сгоревших машин. По мере нашего приближения к большому дому, нам стали попадаться здания с признаками заселения; сады были хорошо пострижены. Одним из примечательных явлений новой реальности являлось то, что все выжившие, вне зависимости от того, чем они занимались до Отбора, они жили в самых лучших домах, в самых благоприятных районах. Похоже в Хилденборо жители гордились своим недавно приобретённым имуществом.

Уильямс поведал мне, что до Отбора этот большой дом являлся чем-то медицинского центра. На его территории имелись впечатляющие общежития и большой бассейн. Рынок, каким бы он ни был, располагался на переднем дворе. Там были расставлены раскладные столы, вокруг которых роились люди, пытаясь выменять всякое барахло, батарейки, бесполезную технику, одежду и всё такое прочее. Там же горели мангалы, где жарились бургеры и сосиски, которые можно отведать, если найдётся, что предложить повару. Даже какой-то народный ансамбль исполнял какую-то музыку, а также паб под навесом и несколькими бочками местного пойла.

Больше было похоже на деревенский праздник, чем на постапокалиптические руины. Невысокая пожилая леди сидела и вязала за кучей банок с ежевичным вареньем, а викарий стоял с деловым видом за столом, заваленным старыми книгами. У входа в пивную палатку стояла доска для объявлений, где от руки было написано, что перетягивание каната начнётся ровно в два, после забега с ковшами, яйцами и ложками, но до Главного Представления, чем бы это ни было.

Конец света, может и наступил в результате чумы и ужаса, однако в Средней Англии всё было очень мило, спасибо, что спрашиваете, не желаете ли сдобную булочку?

И что может лучше Средней Англии, лучше «Отвращения к Танбридж-Уэлсу» держать людей в тонусе? В стороне стояла хорошо заметная, но, к счастью, в данный момент неиспользуемая, виселица. Я вздрогнул, когда представил, что чувствовали МакКаллох и Флеминг в последние мгновения своей жизни, когда стояли на эшафоте, ожидая нажатия рычага.

Я оставил этих двоих заниматься своими делами, а сам направился напрямик к пивной лавке. Пиво мне не очень нравится, я больше по виски с колой, но у меня имелась полная сумка лука-порей на обмен, вот я и решил, что смогу выменять несколько пинт и немного поболтать с кем-нибудь из местных. Проникать и опьянять — таков был план.

В итоге, всё это не потребовалось, поскольку в палатке находился сам Бейкер, в руке кувшин с пивом, и выступал перед благодарной аудиторией. Я выменял пучок лука на чашку светлого, сел на раскладной пластиковый садовый стул и сам прислушался к нему.

Это был высокий округлый человек, за пятьдесят, одетый в твидовый костюм

«Сельскохозяйственного альянса»^[12]. У него были кустистые брови, румяные щёки и ярко-голубые глаза. При разговоре его подбородок трясся.

— Вам следует понять, Джон, — говорил он, — что расширение — наша единственная возможность.

Ого, десять секунд и дело сделано. Благодарю, теперь можно идти домой. Я и не думал, что быть шпионом так просто! По крайней мере, не придётся больше пить эту бормотуху; одного глотка оказалось более чем достаточно.

— Однако это не всегда означает конфронтацию, — продолжал Бейкер.

«Серьёзно?»

— Я вижу Хилденборо центром союза. Неким объединением торговых партнёров. Племена, поселения, возможно, даже города-государства, как знать. Но у нас здесь безопасная защищённая позиция. У нас достаточно еды, благодаря нашей фермерской программе, мы отлично вооружены, а преступность практически на уровне нуля.

«Занятно».

— «Практически». — Один из его собутыльников рассмеялся. — Она станет нулевой, как только ты повесишь того ублюдка. — Народ обменялся понимающими усмешками. Как будто кто-то пошутил про гольф, или вроде того. Теперь понятно, что это будет за главное представление.

— Верно, верно, — произнёс Бейкер. — В любом случае, у нас тут стабильность, и, полагаю, мы сможем её распространить. Помочь другим общинам организовать и решить проблемы.

Он сделал добрый глоток эля.

— Очевидно, будет непросто, — продолжил он. — Посмею сказать, по пути придётся снести несколько голов, разобраться с несколькими бандитами и подонками, выстроить их вдоль стенки и избавиться от них. Но, на самом деле, у нас нет выбора, не так ли? Должно быть верховенство закона, иначе мы вернёмся к недобрым былым временам грабителей и насильников, и, прости господи, ниггерам с претензиями.

Так, погодите-ка, я с самого начала был прав — это очередной повернутый на законе и порядке расист со страстью к казням. Не то, чтобы я против того, чтобы Мака вздёрнули и оставили висеть. Но мне совсем не хотелось стать гражданином страны, основанной фанатом жёлтой прессы. Лучше я попытаю шансы с Маком.

Небольшой тревожный колокольчик в затылке вопрошал: «ну и кто же теперь выбирает сильного вождя? Кто доверяет самому крутому ублюдку себя защищать? Кто тут начал думать, что Мак, может быть и прав?».

Я проигнорировал его.

Я уже собирался встать и уйти, как Бейкер произнёс нечто такое, что усадило меня обратно. Один из присутствующих спросил что-то о местных общинах.

— Ближайшая община — это школа дальше по дороге, — ответил Бейкер. — Правильная школа, для умных; плата за обучение, школьная форма, учителя в мантиях, армейские кадеты, ученики из хороших семей. Там целая толпа мальчишек, которые играют в солдатиков.

— Значит, вы хотите с ними связаться? Присоединить к своему союзу? — спросил кто-то другой.

— Сложно сказать. Пока мы за ними только наблюдаем... — «Бля!» — ...и недавно там произошёл ряд весьма неприятных событий. Где-то недель шесть назад они буквально

распяли собственного учителя.

Хор удивлённых возгласов.

— Нет, серьёзно. И они очень хорошо вооружены. Они устроили набег на штаб Территориальной армии, так что у них имеются пулемёты и гранаты. Нам они совсем не угрожают, но у меня есть подозрение, что именно они стоят за исчезновением моей племянницы. Несколько месяцев назад она отправилась преследовать кучку мародеров, двое из которых были детьми, так что...

Когда он прервал речь, закашлявшись от избытка чувств, у меня появилось знакомое ощущение утопления. Вот перед нами самый крупный игрок в округе, и Мак пристрелил его племянницу. Если это вылезет на свет, противостояние будет неизбежно.

— Так или иначе, — продолжал он, — я обдумал наш первый шаг, и решил, что нужно показать им, кто тут главный. В конце концов, это же всего лишь мальчишки, они тут же вытянутся в струнку, если им продемонстрировать достаточно крепкую руку. В стрельбе нет необходимости. Полагаю, демонстрация власти поставит их на место.

Всё стало звучать крайне знакомо. Замысел Мака в демонстрации сильной власти подразумевал распятие. Я представил, что демонстрация Бейкера будет включать в себя какого-нибудь бедолагу, висящего в петле. Старательно делая вид, что я — это не я, я залпом допил остатки, едва не подавился, и встал, чтобы уйти. Но едва я направился к выходу, передо мной возник Бейкер и произнёс:

— Куда это вы направились, мой дорогой Ли?

* * *

— Прошу прощения, Ли — вас ведь Ли зовут, так?

Я кивнул.

— Прошу меня простить, Ли, за то, что ввёл вас в заблуждение. Я прекрасно осведомлён о том, что ваш прославленный главнокомандующий казнил мою племянницу.

Бейкер сидел за массивным столом в месте, которое я счёл его кабинетом. Сквозь большое окно за его спиной я видел, что базарный день шёл хорошо. Высокая женщина только что вышла в лидеры в забеге с яйцами и ложками.

Я был привязан к стулу, сидя через стол от Бейкера, и гадая, как меня угораздило здесь очутиться.

— Мой источник сообщил мне эту ценную информацию несколько недель назад, — произнёс он.

— Ваш источник?

— Стивен Уильямс. Полагаю, он помогает управляться с вашей небольшой фермой. Сейчас он там, торгует овощами. Милый юноша. Он высоко ценил мистера Бейтса, и тяжело воспринял его смерть. Как-то он пришёл к нам в базарный день и попросил убежища, однако нам удалось убедить его вернуться в школу и зарисовать нам несколько карт, описать ваши рубежи, изложил нам характеристики некоторых ключевых игроков, в таком вот ключе. Он оказался крайне полезен.

Некоторое время я обдумывал эти слова. Уильямс нас предал. Я не знал, как к этому относиться. С одной стороны, я не мог его винить; а с другой, он отдал нас в руки кучке фашистов в твидовых костюмах, решивших, будто в Отборе виновны иммигранты.

— Он и о тебе нам рассказал, Ли. Доверенный заместитель, раненый в бою, соучастник, минимум, трёх убийств, о которых нам известно.

Не было никакого смысла объяснять, что я и сам собирался предать Мака. Я намеревался остаться в образе; играя роль, которую я сам для себя придумал, могло помочь мне найти выход из этой ситуации.

Будет иронично, если меня повесят за преступления Мака раньше, чем я смогу повесить Мака сам.

— Вы убили двух мальчишек, которые просто искали еду. Не смейте говорить со мной об убийствах, — бросил я.

Бейкер встал с кресла, обошёл стол и вlepил мне сильную пощёчину тыльной стороной ладони. Большое кольцо с печаткой оставило на щеке порез, и я ощутил, как по ней потекла кровь.

— Не дерзи мне, мальчик, — прорычал он, весь его налёт цивилизованности тут же сдуло. — Я убил мародёров. Просто и ясно. Нам необходим закон и порядок, особенно сейчас. Для закона не может быть исключений, ни по полу, ни по возрасту. Правонарушение должно быть наказано. Правосудие должно быть видимо, и должно проходить быстро и безжалостно.

Я поднял голову и уставился на него.

— А как насчёт права на справедливый суд? Как насчёт смягчающих обстоятельств?

— Справедливый суд? Вроде того, что вы устроили своему учителю, прежде чем убить его? Не будь наивным.

Твою мать, почему все психи, с которыми мне приходится разговаривать, излагают настолько чертовски здравые мысли? В любом случае, мы убили его племянницу. Не было вообще ничего, что я мог бы сказать, чтобы изменить этот факт. Отбрехаться тоже не получится.

— Ладно, я ваш заложник, у вас есть план по захвату школы, а меня вы, скорее всего, убьёте. Почему бы вам не выложить все карты, тогда я смогу сбежать и испортить ваш зловещий план. Что скажете?

Произнося эти слова, я внутренне сжался; я смотрел слишком много плохих фильмов. Возможно, дело в том, что подобный сценарий я видел чересчур много раз, что не смог избавиться от мысли, будто участвую в викторине. Герой всегда приходит к разговору с тем, кто намеревается его убить, и в последнюю минуту всегда появляется путь к спасению. Таковы правила.

— Дорогой мой, — ответил Бейкер, цивилизованность вновь вернулась к нему. — У меня нет времени объяснять свои планы. Прости.

Бейкер работал по сценарию из другого фильма.

— Почему? У вас назначена встреча?

— У меня нет. Но у тебя назначена.

* * *

Всего несколько месяцев назад, мне было достаточно тяжело вызвать внутри себя настоящее беспокойство, когда я сталкивался с неминуемой смертью. Оправившийся от бойни, вызванной Отбором, замкнувшийся в себе после похорон матери, я был практически

не заинтересован в собственном выживании. Теперь, после того, как меня избили и подстрелили, я начал остро осознавать, как легко умереть, и был полон решимости этого не делать, пока не состарюсь, не ослабею в окружении толстых внуков.

Но, пока я шагал к виселице, я не видел иных вариантов, кроме как того, что жить мне осталось всего несколько минут. Нервы едва держались. К тому времени, как мне накинули на шею петлю, я уже был готов обосраться и мне хотелось кричать.

Я стоял на деревянном эшафоте, глядя на собравшихся вокруг жителей Хилденборо, жаждающих увидеть «Главное Представление» — мою смерть. У одних вид был восторженный, у других скучающий. Они жевали хот-доги или попивали пиво так, словно это был обычный день. Уильямс избегал смотреть на меня.

Я пытался понять, как простой поход на рынок и небольшой сбор слухов настолько быстро привели к моей неизбежной смерти. План был не такой. Я не должен был здесь умирать, не сейчас. Как же Мак? Как же Матрона? Это должен был быть обычный день, никакого риска, ничего примечательного.

Похоже, смерть застала меня врасплох.

Так оно обычно и бывает, разумеется.

Бейкер стоял рядом и обращался к толпе, пока я изо всех сил боролся с дрожью в коленях. Верёвка чесалась и кололась о мою шею.

— Граждане Хилденборо и distinguished гости, сегодняшний день знаменует новое начало для нашего города.

Раздался всплеск восторженных аплодисментов и радостных криков.

— С тех пор, как на нас обрушился Отбор, я стремился сделать этот город безопасным — безопасным для матерей и детей; для семей и стариков. В этом городе я поставил задачу возродить те ценности и идеалы, которые сделали нашу страну великой. И я убежден, что мне это удалось, с вашей помощью. Хилденборо — это гавань, убежище в этом жестоком и развращённом мире. Но больше этому не бывать. С сегодняшнего дня мы начнём нести послание всей стране. С сегодняшнего дня мы начнём возрождать цивилизацию. Из этого города, с этого самого места, где я сейчас стою, мы начнём распространять мир и безопасность по всей земле, и мы, я, стану его спасителем. И этот процесс начнётся с анклава насилия и болезни, что устроился прямо у нашего порога. Да, друзья, в деревушке неподалёку отсюда находится школа святого Марка. Я знаю, дети некоторых из вас учились в этой школе, и вы помните её, как передовой центр, воспитывающий такие ценности, как долг, уважение, послушание и независимость. На мне лежит тяжёлая ноша уведомить вас о том, что эти ценности оказались извращены. Под руководством ужасного и жестокого человека, выжившие дети вооружились, разогнали учителей и провозгласили себя анархистским государством. Их пренебрежение законом угрожает нам всем. Если мы продолжим этому потворствовать, пройдёт немного времени, когда нас захлестнут бандиты и хулиганы, грабители и насильники; одичалые дети, обладающие единственным инстинктом громить и уничтожать дома и жилища своих родителей и близких. Я здесь для того, чтобы сказать вам: я этого не позволю!

Снова крики и аплодисменты. Но я заметил, что в этом не было единодушия. Группа из примерно пятнадцати человек стояла поодаль, и похоже, наблюдала не столько за Бейкером, сколько за толпой. Истерия, которую Бейкер вызвал своим ораторским талантом, их не затронула.

Когда крики стихли, Бейкер указал на меня.

— У этого юноши было светлое будущее. Он не из знатной семьи, его родители не владели землёй, не обладали богатством. Но его отец служил в Вооруженных Силах Её Величества, и они смогли оплатить образование своего сына в одной из лучших школ в стране. Они дали ему возможность стать лучше, подняться над своим скромным происхождением и преуспеть. И как же он поступил с этой возможностью? Он надел форму, носить которую не имел права, взял в руки оружие, и принял участие в бойне, которая слишком ужасна, чтобы описывать её вам.

Я хотел указать ему, что ему нужен Мак. Но в этом не было смысла. Бейкер должен был демонизировать меня перед убийством, только тогда ему удастся донести свою мысль.

— Можно сказать, он просто вернулся к началу. Что он недостоин и ему нет места в школе, вроде школы святого Марка. Подобное суждение я оставляю на ваше усмотрение. Впрочем, я могу свершить правосудие во имя всех мужчин и женщин, которых он зверски убил. Одной из них была, друзья мои, моя собственная дорогая племянница Люси.

Толпа охнула.

— Казнь жестокого зверя даст сигнал к началу моей кампании по очистке нашей страны, *нашей* страны! Пока мы здесь стоим, наш отряд берёт под свой контроль школу, в которой приютились эти криминальные элементы. К вечеру мы расширим наши земли слиянием с этим институтом образования и цивилизации, который, как я лично убеждён, будет восстановлен в своём прежнем статусе в самом сердце страны, управляемой уважением!

Бурные аплодисменты. А группа мужчин позади толпы сбросила длинные плащи и замерла в ожидании... чего?

Бейкер повернулся ко мне.

— Ли Киган, я объявляю тебя виновным в убийстве, и посему я приговариваю тебя к смерти через повешение.

И он опустил рычаг.

У Джона была старая потёртая книга в твёрдом переплёте под названием «Искусство палача». Он от неё просто тащился. Она представляла собой мемуары палача, а также руководство по правильному повешению. Среди прочих фактов автор подчёркивал главное — чёрный брезентовый мешок, связанные руки и ноги, плавное движение люка, а самой важной деталью он называл длину верёвки.

Если вешать человека на слишком длинной веревке, долгое падение обезглавит приговорённого, а этого никому не надо. И наоборот, если веревка слишком короткая, тогда шея приговорённого не сломается, и он будет болтаться, пока не задохнётся. Подобный результат был признан негуманным.

В книге имелась графика, содержащая зависимость веса осуждённого и правильной длины веревки, необходимой для чистого клинического перелома шеи и лёгкой, практически безболезненной смерти.

Слава богу, среди людей Бейкера ни у кого не нашлось экземпляра.

* * *

Не думаю, что будет как-то стыдно признаться в том, что, когда я провалился вниз, и потерял контроль над своим телом, я обоссрался. Когда я вытянулся на всю длину веревки, она затянулась у меня на шее и впилась в трахею.

Я услышал резкий хруст и понял, что умер.

При отсутствии кислорода мозг умирает довольно долго. Помню, Бейтс рассказывал, что во время Французской Революции, отрубленные на гильотине головы, могли ещё около четырёх минут моргать и скалиться. Интересно, о чём они думали, насколько осознавали свою ситуацию? Кричали ли они безмолвно, или их последние минуты без тел прошли в странной безмятежности?

Пока я висел, я понимал, что шея моя перетянута, и начинается медленная неминуемая смерть мозга, перед глазами всё плыло, а лёгкие вопили о воздухе, которого я не мог им дать. Я не ощущал никакой безмятежности. Мне хотелось пинаться, драться, кусаться и кричать, лишь бы вырваться из петли. Однако руки мои были связаны, а ноги беспомощно дрыгались в воздухе. Я видел лишь небо, вращающееся над моей головой.

Понятия не имею, сколько я там провисел, кажется, целую жизнь. Вскоре, когда перед глазами всё померкло, а шум в ушах достиг уровня рёва реактивного истребителя, я ощутил, как меня подхватили за ноги и подняли наверх. Давление на горло на мгновение ослабло и я сумел вдохнуть капельку воздуха, а затем хватка ослабла, и меня, наконец, освободили.

После этого я вновь обрёл вес, но на этот раз я будто стоял на чьих-то плечах. Меня потащили наверх, пока я не упал на деревянный помост, словно выловленная рыба. Я ощутил, как кто-то ослабил петлю и смог вдохнуть полной грудью. Пока я приходил в себя, пока уши всё ещё были заложены, а в глазах всё темно, меня поставили на ноги и я облокотился на чьи-то плечи. Я повис на них, не имея возможности контролировать своё движение.

Мои органы чувств начали восстанавливаться, пока меня стаскивали с эшафота, несли

по траве, вокруг главного здания и прочь с рынка. Я слышал крики и выстрелы. После недолгого забега, мы остановились, и мои спасители начали спорить.

— Куда? — Петтс.

— Эмм... — Уильямс.

— Живее! Далеко мы с ним таким не уйдём.

— Ладно, внутрь.

— Ты ебанулся?

— Внутрь!

Они затащили меня внутрь главного здания через боковую дверь, а затем подняли на третий этаж. Когда мы, наконец, остановились, то оказались в небольшой чердачной комнате, возможно, бывшем жилище для слуг. Из небольшого окошка на пол падал квадрат света. В углу стояла кровать, и мои одноклассники бросили меня на неё. Уильямс закрыл дверь, подпёр её сервантом, и осел на пол.

— Кто это такие? — спросил Петтс.

— Откуда я-то, блядь, знаю? — выкрикнул Уильямс на грани истерики.

Я лежал на кровати, а по моим венам носился адреналин. Я трясся, словно лист, но зато я мог дышать!

— Моя... моя шея. Я слышал, как она сломалась, — выдохнул я. — Почему я до сих пор жив?

— Если бы твоя шея сломалась, ты бы умер. В порядке твоя шея, — произнёс Петтс. — В смысле, у тебя офигенный синяк, ожоги от веревки, ты обосрался, но ничего не сломал.

— Но я же слышал! Слышал хруст! — возразил я.

— Это была не шея, а выстрел, — сказал Уильямс. — Стрелять начали сразу же, как тебя вздёрнули.

Я приподнялся на кровати, и ощутил в штанах что-то скользкое.

— Кто начал стрелять?

— Погляди. — Петтс указал на окно.

Я повернулся на кровати и уставился на рыночную площадь. Там царил натуральный хаос. Первое, что я заметил — это Бейкер, лежащий у рычага, без половины головы, куски которой валялись по всему эшафоту.

Хоть об одном ублюдке можно больше не беспокоиться.

Двор всё ещё был полон людей, но их окружали те, что стояли позади толпы. Некоторые из них были вооружены; все размахивали чем-то вроде самодельных мачете. Кое-где валялись тела, несколько селян и двое атакующих.

В отдалении слышались редкие выстрелы.

— Бейкера застрелили, едва он дёрнул рычаг, и началась паника, — объяснял Петтс. — Началась давка, но они к ней были готовы и согноли толпу обратно ко входу в здание. У некоторых было оружие, начался бой, и во всей этой суматохе мы сумели тебя вытащить. Но, похоже, эти новенькие, кем бы они ни были, держат всё под контролем. Кстати, Ли, от тебя воняет.

— Ага, прости.

В этот момент появилась незнакомая фигура, которая направлялась к зданию. Это был высокий и стройный человек, одетый в безупречный костюм-тройку в полоску, галстук и шляпу-котелок. Он нёс в руках зонтик, а лицо его было раскрашено коричневой краской. По бокам от него шли двое похожих на культуристов мужчин, голые и раскрашенные такой же

коричневой краской. Оба несли пулемёты.

Очевидно, город атаковала неизвестная сила. Я предположил, что, вероятнее всего, пара человек перелезла ночью через колючую проволоку, и заготовила схроны с оружием, скорее всего, в каком-нибудь заброшенном доме. Затем, по одному прибыли основные силы, как будто бы на базарный день, разобрали оружие и принялись ждать назначенного часа — моей казни. Стрельба в отдалении говорила о том, что ещё одна сила атаковала посты охраны, едва стали слышны выстрелы внутри города. Всё выглядело, как хорошо организованное и эффективное нападение. И, вот, в добротном костюме, явился их главарь.

Как бы мне не хотелось увидеть, что происходит, я осознавал, что жители Хилденборо намеревались напасть на школу. Нельзя было тут болтаться, нужно было возвращаться и предупредить своих. Я повернулся к Уильямсу.

— Когда они нападут?

Уильямс уставился на меня широко открытыми глазами.

— Чего?

— Слышь, я знаю, что ты сдал нас Бейкеру, так что нехуй тратить моё время. Ты знаешь, когда они собираются напасть?

Уильямс посмотрел на меня, словно кролик на мчащийся автомобиль.

— Послушай, Уильямс. Короче, мне плевать на то, что ты сделал. Мне нужно только...

— Я не знаю, — пробормотал он. — Он мне не говорил.

— Погодь, — встрял Петтс. — Хочешь сказать...

— Нет времени, Петтс, не сейчас. Нужно вернуться в школу и предупредить. Оставайтесь здесь. Я вернусь.

Я поднялся на ноги. Мои ноги были как желе, но я заставил себя подойти к двери. Я прислушался, но ничего снаружи не услышал, поэтому я отодвинул сервант и распахнул дверь. Никого. Я вышел в коридор и осмотрел комнаты, пока в одной не нашёл шкаф с одеждой. Я снял с себя нижнюю часть одежды и, как смог, обтерся полотенцем. Я надел чистую пару брюк и вышел из комнаты, где обнаружил Петтса, выбивающего духа из Уильямса.

Я растащил их.

— Хорош, Петтс. Потом!

Он тяжело дышал, а кулаки его были влажными; нос Уильямса был сломан, а с губы текла кровь. Он был напуган.

— Господи, он собирался меня распять. Распять собирался, — только и мог он проговорить.

— Да уж, блядь, надеюсь! — произнёс Петтс.

Я посмотрел на него и сказал отойти. Он неохотно уселся на кровать. Я опустился на колени и посмотрел Уильямсу в глаза.

— Никто никого не распнёт, Уильямс. Даю тебе слово.

Он какое-то время смотрел на меня, затем кивнул.

— В данный момент я хочу, чтобы ты собрался и помог нам выбраться отсюда, избежав встречи с парнями с мачете. Ты нам поможешь?

Он снова кивнул.

— Я знаю дорогу, — сказал он.

— Умница. Так, мы собираемся выбраться из города как можно быстрее, и как можно тише, ясно?

Петтс и Уильямс кивнули. Я вздохнул. Меня только что вешали, блин. Почему, ну почему же, я до сих пор не взял бразды правления в свои руки? У меня ещё даже говно на трусах не высохло. Мне была нужна только горячая ванна и горячительный напиток. И, возможно, массаж.

Я вывел их на площадку и позволил Уильямсу показывать дорогу. Мы спустились на второй этаж, и вдруг услышали приближающиеся голоса, доносившиеся снизу. Они обыскивали дом. Я затащил мальчишек в ближайшую комнату.

Убежище мы нашли в ванной.

— Твою мать, — выругался я. — Ну, почему это не оружейка?

Тут мало что подходило в качестве оружия. Петтс приоткрыл дверь и высунулся наружу, в то время как я отвинтил душевой шланг и передал его Уильямсу — сможет хотя бы кого-нибудь придушить. Не то, чтобы я намеревался кого-нибудь убивать, мне лишь хотелось как можно скорее добраться до школы. Насколько мне было известно, эти люди могли оказаться хорошими парнями, и мне не хотелось их убивать, вольно или не вольно, по крайней мере, пока я не пойму, с кем имею дело.

Я поднял тяжёлую фарфоровую плитку, которая закрывала бачок унитаза, и держал его, готовясь воспользоваться, как дубиной. Ещё одним потенциальным оружием была бутылка с отбеливателем. Я сунул её в ладонь Петтса.

— Только по необходимости — прошептал я. — И постарайтесь никого не убить, лады?

Они кивнули.

Голоса стали ближе и на вершине лестницы появились двое молодых людей. Оба были одеты в джинсы и футболки. Их оружие было измазано кровью, но руки и лица были чистыми; это было сделано для того, чтобы при случае, они могли смешаться с рыночной толпой, не привлекая подозрений.

Они двинулись по коридору в нашу сторону. Я приготовился и крепче сжал крышку бачка; если удастся попасть как следует, одного я вырублю сразу.

За две двери до нас они заметили, что в комнате кто-то прятался и бросились туда. Завязалась борьба. Я уже собрался воспользоваться суматохой и проскользнуть мимо них, как они вытащили в коридор старика примерно восьмидесяти лет, бросили его на пол, и сильно пнули по рёбрам. Тот лежал, охал, держась за грудь.

Один из них виновато оглядел коридор, затем бросил приятелю:

— Давай его грохнем.

Его товарищ выглядел неуверенно.

— Что? Здесь? — спросил он.

— Конечно, здесь, дубина. Где ещё?

— Дэвиду это не понравится.

— Дэвиду знать не обязательно. — Он указал на свои руки и лицо. — Я как будто голый. А ты? Мы не в безопасности, братан. А надо быть в безопасности.

— Ага, наверн'.

— Так, давай пустим кровь скотинке, и тогда сможем расслабиться, а?

Старик, который и был субъектом этой банальной, но жуткой беседы, беспомощно хныкал. Первый человек подхватил его под руки и поднял, а второй подошёл к нему с мачете наперевес. Только в этот момент я чётко осознал, о чём они говорили.

Коричневая краска — это никакая не краска. Это кровь.

Человеческая кровь.

«Так. Ясно. Это не хорошие парни».

У меня появилось знакомое сосущее чувство, едва я осознал, что мне придётся вмешаться. Я повернулся к остальным и прошептал:

— Давайте за мной.

Затем я открыл дверь, заорал изо всех сил, и бросился на того, кто замахивался мачете.

Обычно я стараюсь избегать драк с людьми, особенно с совершенно безумными, заляпанными кровью, и с охуительными ножами, однако именно это я и собирался сделать, вооруженный лишь деталью унитаза.

На моей стороне была внезапность, а времени на то, чтобы отреагировать у моей цели было совсем немного. Я замахнулся крышкой бачка, вложив в удар весь импульс своего небольшого разбега, и со всех сил вlepил ему в подбородок. Послышался громкий хруст, его ноги оторвались от пола, а голова шлёпнулась о стену коридора.

Его приятель злобно закричал, отбросил старика в сторону, поднял мачете и с угрожающим видом пошёл на меня. В этот момент позади него появился Уильямс, накинул душевой шланг ему на шею и поднял вверх. Они завалились на спину, сплетясь конечностями. К нему подбежал Петтс и плеснул в лицо отбеливатель.

Уильямс отполз в сторону, а мужчина обхватил руками лицо и заорал так, что его крик смог бы поднять мёртвых. Не успел я вырубить его своей верной крышкой от бачка, старик поднялся на ноги и уложил своего неудавшегося убийцу минимум на неделю.

На мгновение повисла тишина, пока мы вчетвером стояли и тяжело дышали, оглядывая двух мужчин, лежавших без сознания.

— Спасибо парни, — весело произнёс старик. — Но у меня всё было под контролем.

Мы уставились на него.

— Обучился кое-каким навыкам рукопашного боя в армии, — продолжал он. — Я просто ждал, пока он подойдёт по ближе, чтобы пнуть его прямо по шарам, перебросить через себя и дать дёру.

— Вы же плакали! — сказал я.

— Играл роль, понимаете ли.

Времени на всё это не было.

— Так, — сказал я. — Ладно. Хорошо. Нам пора бежать, если вы не против. Так что вы нас не видели, ладно?

Он постучал себя по носу и прищурился.

— Погорячились вы тут, парни. Я позабочусь об этих двоих. — Он наклонился и поднял мачете. — Не пользовался такими штуками с Бирмы, — с наслаждением произнёс он.

Мы побежали.

До первого этажа мы добрались, никого не встретив. Мы слышали, как во дворе кто-то выступал с речью, но мне не хотелось тут оставаться, поэтому Уильямс провёл нас через кухни к черному ходу.

— Выйдем тут и окажемся позади здания, — сказал он нам. — Там есть сад, скрытый от дороги высокой изгородью. Затем через дорогу, по полю и в лес. Там мы должны быть в безопасности.

Я открыл дверь. Охраны нет. Мы побежали изо всех сил, Уильямс впереди, до тех пор, пока не оказались в укрытом саду, и побежали вдоль двора. По-прежнему никого вокруг. Все находились по другую сторону изгороди, слушали, как кто-то ругался. Мы находились посреди сада, когда услышали поистине душераздирающий крик. Без толку; я должен был

посмотреть, что происходит. Я подбежал к изгороди и выглянул из-за неё.

Лучше бы я этого не делал.

Люди с мачете окружили захваченных горожан, но всё внимание было сосредоточено на эшафоте. Петля лежала на досках, веревка обвисла. В объятиях двух здоровых обнажённых охранников билась женщина средних лет, но она была связана по рукам и ногам, и шансов вырваться у неё не было. Один из голых мужчин просунул её ноги в петлю, а другой потянул веревку. Она повисла в воздухе кверху ногами.

Человек в полосатом костюме, который также стоял на эшафоте — вероятно, это и есть главарь группировки Дэвид — вышел вперед и начал раздеваться, методично складывая одежду в сторону. Последней он снял шляпу-котелок, которую положил поверх стопки одежды. Он стоял на месте, всё его тело было измазано подсохшей кровью. Он расставил руки в стороны и обратился к толпе.

— В фонтане жизни воскресну я, — произнёс он.

Люди с мачете в унисон ответили:

— Спаси нас.

Судя по призыву и ответу, складывалось впечатление, будто католическая месса пошла как-то не так.

— Кровью агнца омою я себя.

— Спаси нас.

— Из источника чумы придёт наше спасение.

— Спаси нас.

— Жизнь за жизнь. Кровь за кровь.

— Спаси нас.

Он повернулся, нежно обхватил голову женщины и поцеловал её в губы.

— Благодарю тебя за подарок, — произнёс он.

Затем её подняли на максимальную длину веревки. Дэвид стоял прямо под ней. Один из его приспешников выступил вперед, легко и безо всяческих эмоций достал мачете, и перерезал женщине горло.

Её свежая кровь полилась на Дэвида, толпа завопила, а его приспешники хором завывали:

— Спаси! Спаси! Спаси!

Внезапно Мак перестал казаться мне таким уж плохим парнем.

Я с отвращением отвернулся, увидел Петтса с белым от шока лицом, блюющего Уильямса и очень крупного мужика с мачете в руках.

Я без раздумий выбросил вперед кулак, но он качнулся назад и моя рука ударила воздух. Он подался вперед и ударил, целясь мачете мне в плечо. Я дернулся влево и металлическое лезвие мачете пролетело в миллиметре от моего уха. Я споткнулся, больная нога тут же предала меня. Я упал на землю и попытался перекатиться.

Я не большой специалист по рукопашному бою. С оружием я справляюсь, без проблем. Могу даже пользоваться крышками от унитаза. Но в непосредственной драке, особенно, когда я безоружен, а против меня мужик с заточенной железкой, специально предназначенной резать людей на куски, я не очень силён.

Моя неуклюжая попытка кувырнуться, похоже, спасла мне жизнь. Человек замахнулся мачете со скоростью света, вспоров воздух в том месте, где мог бы находиться я, если бы рука не соскользнула и я не покатился вперед.

Петтс классическим регбийным приёмом врезался ему в бок. Человек качнулся в

сторону, но не упал, и ударил Петтса рукояткой мачете прямо по шее, и тот упал, как мешок с картошкой.

К тому моменту я уже поднялся на ноги, и мы принялись осторожно кружить друг вокруг друга. Краем глаза я заметил Уильямса, который бежал к деревьям в отдалении. Трусливый ублюдок. Наверное, распну его, если ещё встречу.

Я подумывал сдаться, а потом сбежать. Но после всего увиденного, я больше ни секунды сверх необходимого не хотел оставаться в компании этих психопатов. Нет смысла примерять на себя вероятность истечь кровью. Но тут я был безнадежно в меньшинстве. Этот парень был быстрее, старше, сильнее и при оружии. Я хромал, выдохся и у меня чертовски болела шея.

Он бросился вперед, размахивая мачете по сторонам, пытаюсь вспороть мне брюхо. Я втянул живот и изогнулся, словно лук. Нож промазал. Он шагнул ко мне, сделал резкое движение вверх и в сторону, целясь мне в шею. Я сделал шаг вперед, пригнулся под ударом и вскинул обе руки, чтобы ухватить его под локоть. Я развернулся и ударился спиной ему в живот, пытаюсь использовать его же вес против него, вывести его из равновесия. Но, вашу ж мать, он очень крепко стоял на ногах, а это движение я прежде не отрабатывать; я лишь подражал тому, что видел по телевизору, а он очевидно знал, что делал. Он расставил руки, обхватил меня, сдавил, поднял в воздух и швырнул в сторону.

Я вскочил на ноги и побежал. Разумеется, я говорю «побежал», хотя на самом деле, поковылял, поэтому шансов добраться до опушки леса у меня не было; никогда и было бы. Вместо этого я побежал обратно в дом, добравшись до него на мгновение раньше своего преследователя. Я остановился в дверном проёме на кухню, и посмотрел по сторонам в поисках какого-нибудь оружия, способного меня защитить.

Когда мужчина вбежал в дверь, у его лица состоялась деловая встреча со сковородкой, и его ноги оторвались от пола. Он грохнулся на жёсткий кафельный пол и шумно выдохнул. Однако он по-прежнему держал в руке мачете. Я прицелился пнуть его по яйцам, но перекатился. И всё же, я задел его бедро и он охнул. Наконец, удача улыбнулась мне — я повредил ему ногу.

Он высунул голову над столом и я вновь ударил его сковородкой. Он отбил её мачете, та вылетела из моей ладони и с грохотом упала на пол. Его нос кровоточил, а одна сторона его лица была багрово-красной от встречи сковороды со скулой.

Он зарычал на меня, утёр кровь с носа ладонью, слизал её, а затем размазал кровь по всему лицу, смешивая старую кровь с новой.

— Теперь безопаснее, — хмыкнул он, и, хромя, пошёл ко мне.

«Господи, неужели этот парень настоящий?».

Я отступил, продолжая осматриваться в поисках какого-нибудь оружия. Слева висела стойка с ножами, я схватил тот, что поменьше и принялся угрожающе им размахивать. В голове раздался смеющийся голос: «Это, по-твоему, нож? Это не нож. Вот у него — вот, это нож!».

Я продолжал отступать, поскользнулся на упавшей сковороде и взлетел в воздух, словно персонаж из дурной комедии. Как будто бы мне было мало ран, я каким-то образом приземлился на собственный нож и порезал бок. Я закричал от боли, вытащил нож из бока, и по бедру потекла горячая кровь. Я поднял взгляд и увидел его, нависающего надо мной и ухмыляющегося.

— Хорошая скотинка. Кровоточит. Убережёт от проблем.

— Ой, отъебись, — устало произнёс я.

Затем я сел, наклонился вперёд и воткнул нож ему в бедро по самую рукоятку. Настала его очередь вопить. Я отскочил назад, стараясь избежать ответного удара мачете. Я снова поднялся на ноги и заковылял подальше от него.

Он продолжил гнаться за мной, даже не удосужившись вытащить нож. Я принялся хватать всё подряд и бросать в него, даже не разглядывая, что попадает мне в руки. Дуршлаг, чайник, бутылка масла, коробка с чайными пакетами; ничто не смогло его замедлить. Всё бесполезно.

Я повернулся и поспешил к двери.

Заперто. Я судорожно посмотрел по сторонам. Это была не та дверь, через которую входили Уильямс, Петтс и я, это другая сторона комнаты. Это была... ох, бля, это была дверь в морозильник.

Я в ловушке.

По обе стороны от меня тянулись длинные рабочие столы. Позади меня запертая дверь, а передо мной какой-то доморощенный Джейсон Вурхиз, измазанный кровью и ухмыляющийся.

— Пора истечь кровью, мальчик.

Бежать некуда, взять что-нибудь для защиты или нападения, тоже нечего. Только я, он и здоровенный нож.

«Похуй».

Я склонил голову и бросился на этого гада. Я врезался ему в живот и на этот раз, имея две поврежденные ноги, он потерял равновесие и упал на спину. Мы рухнули на пол, покатались по кафелю и — аллилуйя! — я увидел, как его мачете закатилось под столы. Мы боролись, каждый пытался завладеть преимуществом, но мы оба были измазаны в крови и наши руки постоянно скользили друг по другу. Я пытался дотянуться до его горла, но он был гораздо сильнее. Он опустил мои руки, каким-то образом развернул меня, крепко вцепился в мою одежду и прижал меня лицом к полу. Он обхватил рукой мою шею, прижал внутреннюю сторону локтя к моей шее, которая уже была в синяках и порезах, и сдавил.

Второй раз за этот час меня пытались задушить, и я не видел никаких путей к спасению. Я брыкался, пинался, пытался повернуть голову, царапался, охал и ругался, но он был крепок, словно камень, навалившись на меня. Я не мог сдвинуться ни на дюйм.

Снова в глазах потемнело, в ушах поднялся рёв.

И вдруг мои дёргающиеся руки наткнулись на что-то твёрдое. Нож — он всё ещё торчал из его бедра! Я ухватил его, повернул и вытащил. Он зарычал и сжал меня крепче. Я не мог поднять руку, чтобы попасть во что-нибудь жизненно важное, поэтому снова ударил его в бедро.

А потом ещё раз.

И ещё раз.

И ещё.

Я продолжал колоть его ножом изо всех сил, но по мере того, как тело отказывало мне, удары становились всё слабее и слабее.

Вскоре нож выпал из окровавленной ладони и я отключился.

В себя я пришёл где-то через пару минут. Мёртвое тело моего преследователя всё ещё лежало на мне, но хватка на шее ослабла. Я полежал секунду, приходя в себя. Он не дышал. Я зарычал, скидывая его с себя, поскользнулся и поехал по окровавленному полу, пока, наконец, не сумел подняться на ноги. Остановившись только для того, чтобы подобрать мачете, я уковылял прочь, обратно в сад.

Горло болело настолько сильно, что дышать я мог только короткими вдохами. Бок в том месте, куда попал мой собственный нож, горел. Я был весь в синяках, голова кружилась, и я весь, абсолютно весь, с головы до пят, был покрыт кровью — как своей собственной, так и человека, которого я убил.

«Нет, не думай об этом. Не думай об убийстве, об интимности этого дела, о проникновении, брызгах и гладкости мёртвой кожи. Не думай о его дыхании на своей шее, его ладонях на своем горле, о колене на своей спине. Не думай о том, насколько ужасно и тошнотворно это отличалось от клинически чистого выстрела. Не думай об этом. Оставь на потом. Кошмары будут позже. Надо действовать».

Я выбрался под солнце и прислушался. Песнопения прекратились, но я всё ещё слышал гул большой толпы людей. Мой путь к свободе оставался прежним, поэтому я направился туда, где до сих пор должен был лежать без сознания Петтс. Однако на месте его не оказалось. Пришёл ли он в себя и убежал, или его нашли и взяли в плен? Я выглянул из-за изгороди и увидел людей с мачете, конвоировавших горожан в крытые тентом военные грузовики, что стояли около парадного крыльца. Людей собирались увезти, вероятно, на главную базу.

Один человек стащил труп женщины с эшафота и швырнул его в кузов к живому скоту.

«Господи, они и трупы забирают. Неужели они тоже каннибалы?».

Внезапно я заметил Петтса, который держался за голову, полностью дезориентированный, и которого запикивали в кузов. Надежды на спасение не было. Ему придётся рискнуть.

Делать здесь было больше нечего. Я должен был возвращаться в школу и предупредить о неминуемом нападении со стороны остатков ополчения Хилденборо, если только оно уже не состоялось.

Я как можно быстрее пересёк открытое пространство, а затем снова укрылся на дороге за живыми изгородями и оврагами. Даже простейшее преодоление оврага можно было считать достижением, учитывая, что я его таки преодолел. Следом я пересёк поле и оказался под прикрытием леса.

Мимо женщины, измазанной кровью, с оружием в руках, преградившей мне путь и смотревшей на меня с удивлением.

— Теперь спасён.

Она отметила мой окровавленный внешний вид и кивнула.

— Теперь спасена, — ответила она.

И отпустила меня.

Я не имел ни малейшего представления, что ждало меня в школе, но это трёхмильное путешествие показалось самым длинным в моей жизни. Хотелось бежать, но я не мог. Получался лишь неуклюжий полу-бег.

Я задумался, насколько хороша разведка у Дэвида. Решил ли он атаковать Хилденборо днём, поскольку знал, что часть городских сил будет занята в другом месте? И если так, значит ли это, что ему известно о школе? Станем ли мы следующей целью? Всё это, разумеется, с учётом того, что школа ещё не захвачена.

Я решил, что подходить лучше вдоль реки, чтобы зайти в школу с тыла, через лес. Так я смогу разобраться в происходящем, не показываясь.

Река Медуэй являлась частью «линии Айронсайд», главной внутренней линии обороны в случае возможного вторжения немцев во время Второй Мировой войны. В результате вдоль реки поставили доты, пять из которых обозначали тыловую границу территории школы. По плану обороны Мака только в двух из них постоянно находились люди, и никогда по два дня подряд.

Я подошёл к первому, он оказался пуст, равно как и второй. Однако третий, как оказалось, поучаствовал в боях, пускай и много десятилетий спустя после постройки. Там, распластавшись на земле, лежали четверо с дробовиками в руках — жертвы пулемёта «FN MAG», установленного в доте. Когда я вошёл в дот, то обнаружил одного из наших — третьеклассника по имени Гурриер, с которым я не помню, чтобы хотя бы разговаривал — ему выстрелили из дробовика прямо в лицо. Пулемёта нигде не было, поэтому я предположил, что отряд из Хилденборо забрали его с собой, чтобы использовать для подавления дальнейшего сопротивления. Это немного уравнило бы шансы.

Я поднял один дробовик, избавил убитого от патронов, зарядил оружие и продолжил путь.

Четвёртый дот оказался пуст, а пятый был засыпан дробинками, также там стоял брошенный FN MAG в окружении гор пустых гильз. Трупов нигде не нашлось. Кто бы ни занимал этот дот, он сбежал.

Я осторожно двинулся через лес к краю игровых площадок и полосы препятствий, где и нашёл укрытие. Я прополз через сети и под колючей проволокой и занял позицию у деревянного препятствия.

Не было видно ни единой души, не слышно ни криков, ни выстрелов; в школе царили тишина и покой. Укрыться в поле негде, но идти было надо. Я подбежал к краю игровой площадки, и двинулся в сторону школы, стараясь держаться поближе к живой изгороди. Я добрался до хозпостроек, стены которых испещрены свежими отметинами, похожими на отверстия от пулёмётных пуль. Один микроавтобус сгорел. Рядом с ним на треноге стоял пулёмёт, что утащили из дота. Тут случилась чудовищная перестрелка, но надо двигаться дальше. На гравийной дорожке позади здания лежали ещё двое бойцов из Хилденборо. Все окна первого этажа были разбиты, из одного, высунувшись наполовину, торчал покойник. Я подошёл и приподнял его голову. Это оказался младшеклассник по имени Белчер. Я знал его; милый пацан, плакал по ночам, потому что скучал по мамке.

Внезапно я услышал выстрелы. Это не была случайная перестрелка, а серия выверенных одиночных выстрелов, всего штук десять. У меня появилось жуткое подозрение, что я знаю,

что это значит.

Я осторожно шагал по коридорам Замка, обходя тела и гильзы, разбитые деревянные косяки и залитые кровью полы, пока не добрался до парадной двери. Я выглянул наружу и осмотрел дорожку и лужайку.

Из сторожевого поста шёл дым, я увидел на мешках с песком тело мальчика. Зейн.

Об одном офицере можно не беспокоиться.

Одним насильником меньше, с которым придётся иметь дело.

Бой у парадной выглядел менее ожесточённым, чем тот, что шёл сзади, и окончившийся, очевидно, перестрелкой в здании. Я решил, что к парадной они выслали отряд поменьше, чтобы отвлечь, в то время как основные силы напали со стороны реки. Так, наверное, поступил бы и я сам. Мало чего хорошего это им дало. Потому что напротив школы в компании выживших учеников стоял Мак с дымящимся «Браунингом» в руке. По левую от него сторону лежали в ряд одиннадцать человек со связанными за спиной руками, головы у всех прострелены. Ещё шестеро стояли на коленях по правую сторону.

Пока я наблюдал, Мак извлёк из «Браунинга» обойму. Пустая. Он кивнул Уайли, тот вскинул винтовку и казнил следующего. Затем по одной жизни отняли Вольф-Барри, Пьюг, Спейт и Пейтел. Грин протестовал, но Уайли силой сунул ему в руки оружие. Мак пролаял приказ и угрожающе встал позади него. Не имея выбора, Грин закрыл глаза и нажал спусковой крючок. Мак похлопал его по спине.

Ещё одно упражнение по тимбилдингу.

Ещё одно преступление, которое их объединит.

Я толкнул входную дверь и вышел наружу. Охи мальчишек привлекли внимание офицеров, они повернулись с оружием наизготовку, и замерли в изумлении. Мак подбежал ко мне, его лицо исказилось от удивления. Он осмотрел меня сверху донизу и произнёс:

— Что, блин, с тобой случилось?

Я рассказал.

— Судя по твоим словам, я только что казнил целую толпу потенциальных союзников, которые могли бы нам помочь разобраться с более злобной толпой тяжеловооружённых шизанутых пидарасов, которые любят обливаться человеческой кровью и, скорее всего, каннибалы?

— Похоже, так, ага.

— Блядь.

Мак приказал офицерам развесить трупы на фонарях вдоль дороги в надежде, что они на какое-то время оградят нас от дальнейших нападений.

* * *

После подробного рассказа о своих приключениях Маку, я отправился в лазарет залечивать собственные раны, где лечился антибиотиками, посыпал антисептиками и втирал арнику в раны и синяки. Рана на боку жутко болела, но мне повезло, что ни один из жизненно важных органов задет не был, и я не думал, что нож проколол кишечник. Я зашил её и понадеялся на лучшее; на некоторое время напряжённые физические упражнения станут невозможны. К тому времени, как я закончил, мне приготовили горячую ванну — одна из привилегий моего положения. Погружение превратилось для меня в сладостную агонию, но

я лежал, парясь около часа, позволяя спасть напряжению, и раздумывая над своим следующим шагом.

Мы готовились к потенциальной войне с Хилденборо, но после недолгого, но кровавого боестолкновения, они исчезли из вида, а их место занял более грозный враг. Эта новая сила была высоко организована, вооружена пулемётами и мачете, ведома религиозным фанатизмом и совершала упреждающие нападения на близлежащие районы. Мы не имели представления, какая у них стратегия, если таковая вообще имелась, где они базировались, ни когда планировали следующее нападение, если вообще планировали. Мы были уязвимы и ничего не знали; больше всего сейчас нам требовалась хорошая разведка.

Помывшись, я рассказал офицерам о событиях в Хилденборо. Я с облегчением отметил, что, вопреки моим ожиданиям, они не выказывали никакого негодования; я уже запятнал себя кровью, и, похоже, заслужил их уважение, даже не пытаясь этого сделать. Мак чётко донёс мысль, что вся информация о новой угрозе должна оставаться только среди офицеров; он не хотел пугать мальчиков.

— Дадим им денёк или типа того оплакать погибших и отпраздновать победу, — сказал он. — Мы пережили нападение взрослых — всего двадцати восьми человек — и потеряли только пять человек. Этим мы слегка поднимем мораль, потому что, если всё, что рассказал нам Ли — правда, всё это — только разминка. Я не отдам врагу никого из своих, поэтому нужно пойти и спасти Петтса. Это означает принять серьёзный бой.

По окончании совещания офицеры отправились исполнять грязную работу по развешиванию покойников из Хилденборо и похоронам своих. Мы с Маком развернули военную карту местности и отметили наиболее вероятные места расположения перевалочных баз группы, которую Уайли красочно окрестил Кровавыми Охотниками. Основное своё внимание мы обратили на места, которые удобно оборонять, в основном богатые дома и старинные особняки. Таких мест оказалось немало, но мы расставили приоритеты и набросали план поисков.

Пока Мак готовился к нападению, что в нашем случае считалось лучшей защитой, я отправил сообщение Матроне через миссис Аткинс, предупреждая её о новой угрозе и советуя быть настороже.

* * *

— Я за всю жизнь никогда так не пугался, блин, — сказал Нортон. — Кругом пули летят, окна лопаются, автобус горит. Я просто закрыл глаза и стрелял вслепую. Толку с меня было никакого. Если врукопашную, я знаю, что делать, но это было ненормально. Пиздец, как ненормально. Чего я понять не могу — почему они сначала решили напасть на нас? В смысле, что мы сделали?

— Они наблюдали за нами, — ответил я. — Видели распятие Бейтса, решили, что мы — угроза. Полагаю, ты понимаешь, резон у них был.

— Всё равно, можно же было просто постучать в дверь и сказать: «Привет, мы ваши соседи, мы испекли вам пирог»? Я к тому, что ну никакого же смысла прибегать к нам с оружием и палить, вообще никакого смысла.

— Посмотри, чего им это стоило.

— Посмотри, чего это стоило Гурриеру, Белчеру, Гриффиту и Зейну.

Крыть мне было нечем.

— Я не хочу так умирать, — вскоре произнёс он.

— Если выбор стоит между быть застреленным и истечь кровью и быть съеденным, я всегда выберу пулю, спасибо. Я там был, я видел, мне хватило.

— Да-да, хорош хвастаться, — с сарказмом произнёс Нортон. — Как я понимаю, с тех пор как ты вернулся в школу, в тебя стреляли, резали ножами, душили, вешали и драли бешеной собакой, три из этих события случились в течение последних суток.

— Ещё я обосрался.

— Ладно. Ты победил. Ты одновременно более суров и более жалок, чем любой из нас.

— И не забывай об этом.

— Итак, о великий неубиваемый вонючка, не желаете ли знать, как у меня дела?

Я уверенно кивнул.

— В наших рядах всё запутанно. Некоторые мальчишки в восторге от боя, они на взводе, хотят ещё. Они поняли, что руководство Мака спасло наши жопы, и теперь готовы сражаться за него.

— Злобучее руководство Мака, в первую очередь, спровоцировало это сраное нападение.

— Но они об этом не знают.

— О ком конкретно мы говорим?

— О большей части четверо- и пятиклассников. Они меньше всех подвергались издевательствам со стороны офицеров, поэтому недовольство среди них менее развито. Но я немного поболтал с Хейкоксом, с Конягой, рассказал ему, что сделали с Матроной, так что он с нами. Он пускает слухи, так, осторожненько.

— А младшие?

— С ними интереснее. Роулс — мелкий подлый засранец, когда не спит зубами к стенке, и почти все на его стороне. Они обожали Матрону и Бейтса, и пиздец как ненавидят Мака. Плюс, офицеры постоянно к ним цепляются, и это их жутко бесит.

— Значит, получается, почти все старшие за Мака, а против них — младшие, и они за нас, — угрюмо произнёс я. — Особой борьбы не получится, правда?

— У нас есть план получше?

Я покачал головой.

— Нам просто нужно осторожно выжидать свой момент, не так ли? — произнёс я.

* * *

Утром, после завтрака — на удивление, добротного кеджери^[13] из речной рыбы — все собрались в актовом зале. Не особо вдаваясь в детали, Мак рассказал мальчишкам о приближающейся новой угрозе, и о том, что мы намерены разыскать их штаб. Была собрана группа из пяти поисковых команд, в каждой был офицер и двое мальчиков, и каждой была выделена своя цель для разведки. Остальные должны были сконцентрироваться на исправлении повреждений вчерашнего нападения и укрепления оборонительных рубежей.

Меня, по причине ранения, освободили от всех работ. Вместо этого я всё время проводил с тремя ранеными в бою мальчиками. Самого молодого, Дженкинса, ранили в левую руку, которая была повреждена настолько, что ею вряд когда-нибудь можно

пользоваться. Ему было всего одиннадцать, но он уже достиг шестого класса в обучении фортепьяно; ему было трудно смириться с тем, что седьмого ему уже не достичь. У Вона была серьёзная рана головы, полученная в результате удара о стол, когда он искал укрытие. У него небольшое сотрясение мозга, но всё с ним будет в порядке. Фесчаку осколок стекла попал в глаз, и вполне вероятно, что восприятие глубины для него ушло в прошлое. Весь день мы провели в пыльной библиотеке в поисках полезных книг, и делись историями о нашей жизни до Отбора.

Я выводил разговор на обсуждение Мака, и с ужасом осознал, что, невзирая на раны, невзирая на то, чего им стоили его действия, невзирая на то, как он обошёлся с Бейтсом и Матроной, этот козёл начинал им нравиться.

— Если бы не он, нас вчера захватили бы и повесили, — сказал Фесчак.

Он рассказал, как Мак занял его место после ранения, под огнём отвёл мальчишек и устроил засаду на атакующих в самом Замке.

— Офицеры, конечно, достают, но, по крайней мере, мы здесь в безопасности, — сказал Дженкинс.

Его лучший друг Гриффит погиб в бою, но его, казалось, это совсем не беспокоило. Это шок, или он просто привык терять людей?

— Матрона мне, всё равно, никогда не нравилась, — произнёс Вон.

Вот жеж, хер.

* * *

Следующим утром я сменил пыльные книги на листья и жуков, когда полз в разведку через густой подлесок. В боку кололо при каждом движении, однако швы и болеутоляющие немного помогали. Добравшись до края леса, я достал бинокль и осмотрел широкий стриженный газон перед штабом Кровавых Охотников.

— Что-то меня не прикалывает штурмовать эту штуку, — проговорил лежавший рядом Мак.

Как и меня.

Айтхем Мот представлял собой крепкий особняк XIV века из дерева и камня, расположившийся посреди широкого и глубокого рва. Этот дом бы специально спроектирован выдерживать осаду и штурм. Главный вход находился на каменном мосту, который проходил под башней, окруженной по бокам двумя каменными строениями. Остальные три стороны дома представляли собой фахверковый верхний этаж, расположенный на массивном каменном основании. Позади располагался ещё один каменный мост, поменьше. На обоих мостах стояли пулемёты, укрытые мешками с песком. С одной стороны раньше стоял ещё один мост, деревянный, но его, очевидно, разобрали новые обитатели особняка; Национальному Фонду^[14] придётся с этим смириться.

Кто-то из учителей водил младшеклассников в Айтхем, и подготовил для занятий фотокопии плана первого этажа. Чуть ранее мы перевернули весь Замок вверх ногами, и нашли в складском шкафу целую кипу этих бумаг. Здание представляло собой лабиринт, и не относилось к числу тех, где захочется принимать ближний бой.

— Это самоубийство, — произнёс я. — Нам туда никак не пробраться, чтобы не быть

нашигованными пулями.

— Что это? Киган Девять Жизней избегает драки?

Такое прозвище он мне придумал, Девять Жизней. Забавный паренёк.

— Да, — ответил я. — Всегда. Я всегда избегаю драки, когда можно решить вопрос гуманно. Мне не нравятся драки. От них больно.

— Там Петтс. Он — один из наших. Мы своих не бросаем.

Ужас, он начал говорить штампами.

— Мак, дружище, мы — школьники, а не Королевская Морская Пехота. Скорее всего, он уже мёртв. Я понимаю, это прозвучит грубо, но велика вероятность, что вытаскивая его, мы поляжем там все. Разве одна смерть, какой бы прискорбной она ни была, лучше двадцати?

Мак одарил меня полным отвращения взглядом.

— Ты бы реально его там бросил?

— Учитывая все шансы, да.

— Значит, ты не тот, кем я тебя считал.

Погоди-ка, хотелось мне сказать, с каких это пор убийца и насильник обзавёлся высокими моральными ценностями?

— Послушай, — произнёс я. — В основном я с тобой согласен. Но, ёб твою мать, ты посмотри туда. Какая польза будет от того, что всех нас перережут?

Он проигнорировал меня и уполз. Очевидно, я не было достоин даже его презрения.

Чем больше я думал о штурме этого места, тем меньше мне эта мысль нравилась. Я понимал, что Мак прав насчёт спасения Петтса, это было единственное благородное решение с его стороны, но оно могло всех нас убить. Фундамент, который Нортон пытался построить для нашего заговора пока был недостаточно крепок, поэтому мы не могли расширить нашу власть до штурма. А Мак оседлал волну послепобедной верности, так что и тут наш прогресс выглядел жалко. Мальчики видели, что стратегия Мака помогла им одержать победу в бою, а сам он рвался в бой, находясь в первом ряду. Он зарекомендовал себя, как умного и храброго человека. Что, будем честны, мы и хотим видеть в своих лидерах.

Не в первый раз меня посетила мысль, что Мак, в конце концов — наш лучший выбор в качестве вождя. И не в первый раз я вспомнил лицо Матроны и крики Бейтса, и моя решимость окрепла.

Время имело значение. Необходимо было разработать быстрый и эффективный план штурма, а для этого требовалось больше информации. Нам были известны подходы к дому и его внутренняя планировка, но нам требовалось больше узнать о распорядке и поведении людей, что в нём жили. В конце концов, нападение всеми силами в разгар дневной стрелковой подготовки, в то самое время, когда каждый вооружён до зубов — не самая лучшая идея. Нам требовалось всё разузнать, а лучший способ всё разузнать — это спросить. Вместо того, чтобы вежливо постучать в дверь и предложить безумным каннибалам заполнить анкету, мы решили дожидаться, пока кто-нибудь отойдёт и захватить его в плен. Долго ждать нам не пришлось.

В районе полудня из особняка вышла группа молодых людей из трёх человек, вооружённые мачете и ружьями, и отправились в направлении близлежащей деревни. Спейт возглавил засаду, где двое из трёх были убиты, и вернулся в школу с выжившим, привязанным к лошади.

— Ты за это кровью умоешься, скотоёб!

Мужчине было слегка за двадцать. Его светлые волосы были зализаны назад кровью, его лицо, туловище и руки также были измазаны ею. От него воняло, как в мясницкой лавке, он тяжело дышал. Мак привязал его к стулу в старой классной комнате и сел напротив, играясь с охотничьим ножом и не говоря ни слова.

— Дэвид придёт за мной и вы заплатите. Все заплатите. — Последние слова были адресованы мне и Спейту.

— Дай, угадаю, — произнёс Мак, пародируя Графа из «Улицы Сезам». — Мы заплатим... кровью! Уахахахаха!

Спейт хмыкнул. Я закатил глаза.

— Вы поможете нам спастись. Мы — избранные. Вы — ничто.

— Вся эта тема со «спасением», позволь предположить, — сказал Мак. — Вы обливаетесь человеческой кровью, чтобы защитить себя, от... чумы?

— Избранным следует умываться кровью скота, следует поесть его плоть, и тогда они будут избавлены от чумы.

— Но вы ведь уже пережили чуму, аллэ! У вас у всех же первая отрицательная, да? У Дэвида первая отрицательная, у твоих братьев первая отрицательная, у ваших жертв первая отрицательная. У вас у всех иммунитет, иначе вы бы все сдохли, ясно? Так, в чём, блядь, смысл?

— Чума была ниспослана Господом, чтобы очистить Землю. Это был Восторг, понимаете? Господь забрал достойных, а нас бросили здесь. Мы прокляты и мы доказать, что достойны предстать перед Ним накануне Второго Пришествия. Мы проживаем семь лет Невзгод. Мы должны пройти испытание, иначе будем вечно гореть в аду. Дэвид — пророк Второго Пришествия, и ему вести избранных на Небеса. Он помазывает нас кровью недостойных, дабы, когда чума вернётся, чтобы забрать тех, кто избежал взора Господня, мы должны быть защищены от мутации. Мы должны жить вечно, понимаете? Когда Дэвид забирает кровь скота и благословляет её, она становится кровью Христовой, и мы очищаемся. Аллилуйя!

Мы уставились на него. Ни у кого из нас не нашлось, что ответить.

— Эм, ясно, — произнёс Мак, практически потерявший дар речи. — Ладно. Послушай братан, я не хочу вступать с тобой в философский диспут и прочее. Я просто хочу знать распорядок в вашем небольшом поместье, ага? Когда вы едите, когда гасите свет, смену караулов, всякое такое. А, да, и место, где вы содержите скот из Хилденборо. Основы, понимаешь? Как думаешь, сможешь нам помочь?

Пленник сделал вид, что задумался, а затем произнёс:

— Сдрисни.

Мак повернулся ко мне и Спейту, сияя.

— Наконец-то, наконец-то, блядь, я смогу кого-нибудь запытать!

Он повернулся обратно и взмахнул ножом.

— Короч', вонючка ты мелкая, я сейчас буду отрезать от тебя куски и скармливать их свиньям!

— Мак, на пару слов, — произнёс я.

Я до сих пор находился в его чёрном списке, но он меня не понизил в звании, поэтому я решил, что пока что мне можно доверять.

— В чём дело, Девять Жизней? Я занят.

Он приблизился к пленнику.

— Мак, на минутку, — настаивал я. — За дверью.

Он повернулся и посмотрел на меня. Радости на его лице заметно не было.

— Уж лучше бы в этом был толк.

В коридоре я изложил Маку свой замысел, тот задумался ненадолго, затем кивнул. Спейт поспешил принести необходимые орудия пыток.

— Значит, я не смогу его порезать? — разочарованно спросил Мак.

— Сможешь, но не сейчас, ага? Позволь мне всё сделать, мы добудем нужную информацию, тогда сможешь делать с ним всё, что пожелаешь. Договорились?

— Ладно. В принципе, должно сработать.

— Доверься мне.

Вернулся Спейт и протянул мне инструменты. Я вернулся в комнату с Маком и Спейтом позади и подошёл к пленнику. Я разложил пыточные инструменты на прикроватной тумбочке, взял стул, подался вперёд и принялся заговорщицки шептать пленнику на ухо.

Я рассказал ему, что намеревался сделать.

Он молил о пощаде, но я отказал ему.

Я протянул руку в таз, достал мокрую тряпку, выжал её и принялся смывать кровь с его лица.

Пленник кричал.

Теперь не так уж спасён.

К тому времени, когда я достал шампунь, он рассказал нам всё, что мы хотели знать.

* * *

Позже вечером все собрались в актовом зале, в полном снаряжении, с раскрашенными камуфляжем лицами. Оружие уже всем выдали. Тридцать восемь оставшихся мальчиков, оставшиеся офицеры, я и Мак собрались вместе спланировать штурм, и я был убеждён, что переживут её не все.

Мак изложил нам свой план и я наблюдал, как он чётко доносил до мальчиков всю опасность предстоящей ночи. Роулс выглядел напуганным, лицо Нортонна было пепельно-бледным. Оборона — это одно, однако преднамеренный бой с хорошо вооружённой силой, окопавшейся в практически неприступной крепости — это уже другое. Мак накрутил их по максимуму, и никто не отказался от участия. И будем честны, при большой доле удачи, этот план мог сработать.

Когда солнце село, мы вышли через парадную дверь и начали трёхмильный марш до Айтхем Мот с целью спасти своего одноклассника и нейтрализовать угрозу, которая могла нас уничтожить.

Школа святого Марка для мальчиков собиралась воевать.

Главный актовый зал Замка был весь покрыт именами. На стене, которая каждое утро смотрела на собравшихся учеников, висело шесть больших деревянных досок, все вручную украшены синим и золотым. В первых трёх списках, в хронологическом порядке перечислялись Первые Ученики школы 150 лет назад. В следующих двух списках перечислены ученики и учителя школы святого Марка, погибшие в Великой войне^[15], а в последнем списке — погибшие во Второй Мировой.

Однако это были не единственные имена на стене. На деревянных панелях, какими были обшиты стены, сильно протёртых и древних, были врезаны имена поколений мальчишек. От современных граффити, примитивных царапин компасом, до старинных, изящных надписей, с засечками и завитушками, на что, по-видимому, уходили часы терпеливого труда перочинным ножом, которые оставляли ученики школы святого Марка.

Эти имена рассказывали истории, и одно имя всегда восхищало меня. Джеймс Б. Грант нацарапал своё имя на деревянной панели под самым дальним окном. То было превосходное произведение искусства, одна из самых изящных подписей на стене. Нанесение её, должно быть, заняло у него годы. Надпись гласила: «Джеймс Б. Грант. 1913».

Его имя также значилось в середине списка Первых Учеников 1912–1913 учебного года; должно быть он нанёс эту надпись в последнюю неделю обучения, не боясь наказания.

И, наконец, это имя значилось на доске со списком погибших в Великой войне. Он погиб в 1918 году.

Целая история жизни в трёх именах.

Имелись фотоснимки учеников школы святого Марка, отправленных на войну, на них все мальчики одеты в военную форму. Поблекшие размытые фотографии висели в коридоре, который вёл в кабинет директора, под каждой висел список имён, где излагалось, кем были эти мальчики. На одной фотографии с изображением всех учеников 1912 года, напротив каждого имени в списке стояло упоминание, что его носитель погиб на войне. Каждый. Даже с учётом бойни, что творилась в те годы, это поистине полная зачистка.

На этой фотографии Джеймс Б. Грант сидит в переднем ряду в самом центре. На нём были галифе и фуражка, а на коленях лежала щегольская трость. Он выглядит уверенным в себе, но не серьёзным; в его глазах видится искринка, и лёгкий намёк на улыбку на губах. Он выглядит, как человек, который не воспринимает самого себя всерьёз, и это мне в нём нравится. Он был офицером в школе, и, без сомнений, служил офицером на фронте.

Когда я был гораздо моложе, я рассказал об этом мальчике, чьё имя было выткано на полотне нашей школы, отцу. Помню, как спросил его, пойду ли я на войну, и он ответил «нет». Он пообещал мне, что за всю мою жизнь никогда не приключится новая война с участием призывников. Единственные, кто отправятся служить, сказал он, будут люди, которые выберут этот путь сами, как он сам. Он переубедил меня.

Когда настало время выбрать особый проект на промежуточный экзамен по истории, я в качестве темы взял Гранта, и исследовал его боевой путь. Моё открытие напугало меня, и укрепило уверенность в том, что я никогда не стану солдатом, подобно Гранту или своему отцу.

Теперь я шагал на войну, подобно множеству мальчишек до меня, мысли мои занимали размышления о трагической судьбе Джеймса Б. Гранта.

Потому что Грант не погиб в бою.
Его казнили.

* * *

Солнце едва приподнялось над горизонтом, когда я забежал в укрытие и выглянул из-за живой изгороди. Пара часовых на западном мосту меня не заметила. Я махнул остальным, и один за другим, Мак, Нортон, Вольф-Барри, Спейт и Пейтел поспешили ко мне. Если бы нам удалось преодолеть пять метров открытого пространства впереди, мы бы оказались вне поля зрения часовых, и были в безопасности. Одной из главных ошибок Кровавых Охотников была уверенность в том, что ров защитит их — патрулей по периметру не было вообще, только два поста часовых на восточном и западном мостах.

Одетый лишь в шорты, но целиком измазанный мазью для обуви, с полиэтиленовым пакетом с одеждой и оружием в руках, Мак прополз через лужайку до тех пор, пока здание не укрыло его. Затем он добежал до каменной стены, полукругом окружавшей ров с северной стороны. Мы без проблем проследовали за ним. На этой стороне дома на мосту стояла деревянная арка, но Кровавые Охотники их разбили. Они считали, что эта сторона дома безопасна с точки зрения нападения.

Мак перебрался через каменную стену, и пополз по голым камням. Он тихо заполз в ров, но мы слышали его тихий вздох от холода. Он сидел в воде, пока не привык, затем повернулся и медленно поплыл по рву, который вёл к небольшим ступенькам, которые вели к маленькой двери у кромки воды. Он выбрался из воды и встал возле двери. Он раскрыл пакет, что нёс с собой, и достал сухую рубашку и брюки. Также он достал оружие и мачете.

Мы наблюдали, как он взобрался по трём узким ступенькам и заглянул в освинцованное окно, туда, что когда-то было бильярдной. Свет не горел, поэтому мы не знали, был там кто-нибудь или нет. При помощи мачете Мак приоткрыл дверь, пока та не открылась с таким скрипом, что я подумал, что его обязательно услышат. Мы сидели на месте, замёрзшие и прислушивались к звукам тревоги. Ничего. Мак раскрыл дверь и шагнул внутрь, затем выглянул и махнул нам. Мы пошли.

Несколько минут спустя вся наша шестёрка собралась внутри, вооруженные винтовками и ножами, которые, надеялись мы, пускать в дело нам не придётся. До сей поры мы не слышали ни единого звука. Пейтел, Вольф-Барри и Спейт поспешили прочь. Мак, Нортон и я ждали, но никто не поднял тревогу. Две минуты спустя старинные башенные часы позади меня жажужжали и прозвенели шесть часов. Впереди слышались шаги.

Кровавые Охотники просыпались. Вовремя.

Стадия первая пройдена.

* * *

— Первым пойду я, затем Девять Жизней, Вольф-Барри, Спейт, Пейтел и Нортон потому что мне сказали, что он хорош в кулачном бою, так, Нортон?

— Так точно, сэр.

— Каменные мосты на восточной и западной сторонах под охраной, но остался ещё

один путь, который они упустили. На северной стороне, вне зоны видимости обоих постов охраны, там есть дверь в бильярдную, которая выходит на ступеньки ко рву. Девять Жизней полагает, что пока богатеи курили трубки и играли в снукер, их дамы выходили в ту дверь, садились на маленькие лодочки и катались по рву. Очаровательно, не так ли? Там мы и зайдём. Далее, само главное здание — квадратное со всех сторон и выходит на центральный двор. Кровавые Охотники просыпаются строго в шесть, значит, на месте нам нужно оказаться раньше, потому что на дворе станет очень шумно. Внутри мы разделимся. Пейтел и Спейт направятся из бильярдной к западному мосту. На посту там двое, но они не ожидают нападения изнутри. Бить придётся ножами, быстро и тихо. Как думаете, справитесь? Вольф-Барри, возьмишь на себя восточный мост. Схема та же, но там только один человек. Как разберетесь с часовыми, уберите тела за мешки с песком и займите их места. В полутьме высока вероятность, вас не заметят. Затем подайте сигнал Уайли и Пьюгу, и те установят заряды.

* * *

Наша троица прошла через большую дубовую дверь в прихожую с каменным полом. В дальнем конце этой комнаты была ещё одна дверь, которая выходила в небольшой проход. Нам было необходимо пройти через этот проход и войти прямо в дверь напротив нас, которая ведёт в помещение, когда-то предназначавшееся для посещения школьными группами. К сожалению, проход был виден со двора. Хотя мы и находились в тени, мы будем видны всем во дворе, когда будем перемещаться из комнаты в комнату. Нортон выглянул в окно и прожестикнул, что снаружи никого нет, поэтому Мак раскрыл скрипучую дверь и выпрыгнул наружу. Нортон последовал за ним, я шел последним. Едва я шагнул в проход, я услышал звук с правой стороны, и замер, вжавшись в стену, пытаюсь укрыться в тени.

По двору шла группа мужчин и женщин. Все были одеты в обычные джинсы и футболки. Они сонно переговаривались, тёрли глаза, направляясь на утреннюю службу в часовню. Если бы не следы сухой крови в волосах и на лицах, их можно было бы принять за студентов. Они вошли в здание в дальнем конце двора, и я поспешил за своими товарищами. Мы прошли через старую кладовку, и остановились у дальней двери. Позади неё была комната, а за ней находился склеп, где держали пленников. Мы ожидали, что у входа будет стоять, минимум, один охранник.

Мак и Нортон достали ножи, встали по обе стороны от двери, и на молчаливый счёт «три», открыли дверь и шагнули внутрь. Я расслышал звук недолгой борьбы, приглушённый стон, и всё стихло. В двери появилось ухмыляющееся лицо Мака.

Я проследовал за ними, мимо трупа молодой девушки, скосил немигающий взгляд на неё, и увидел, что у неё перерезано горло. Мак вытирал нож о её рубашку.

Следующая дверь должна привести нас в склеп. Если повезёт, внутри охранников не будет, только пленные. Моё сердце колотилось с бешеной скоростью, когда я повернул ручку и толкнул дверь. Склеп представлял собой помещение с низким потолком и кирпичным полом. В таком пространстве в тесноте сгрудились сорок человек, большинство спали, прижавшись друг к другу для сохранения тепла.

Стадия вторая пройдена.

— Я, Киган и Нортон отправимся в склеп. Туда ведут две двери, но заперта только одна, так что охрана будет у той, что не заперта. К счастью, это та самая дверь от точки нашего входа, так, что мы без проблем разберемся с охраной. К тому моменту большая часть Кровавых Охотников соберется в большой часовне на утреннюю службу, которая начинается в 6:15 и завершается примерно через полчаса. Нам будет нужно разбудить пленных и взять под контроль оба моста к середине часа. Они всё ещё будут петь псалмы и готовиться к утреннему жертвоприношению, которое состоится ровно в половине часа. Итак, жертву избирают предыдущим вечером, и она проводит ночь в спальне главаря культистов, Дэвида. И, да, пока вы не спросили, и мальчики и девочки удостаиваются его личного внимания. Их накачивают наркотиками и ведут в часовню на утреннее представление. Их благословляют на церемонии, и вся кодла из часовни отправляется на вершину главной башни западного моста. Это — самая важная часть ритуала, по всей видимости, они там будут много орать; ну, там, «аллилуйя», «славься» и прочую ахинею. Суть в том, что они будут создавать много шума, и за исключением часовых, у которых есть оправдание, все будут находиться внутри.

Мы закрыли за собой дверь и осмотрели помещение в поисках Петтса. Несколько пленных, из тех, что не спали, сели и посмотрели на нас. Я прижал палец к губам и они кивнули, сразу насторожившись, едва поняв, что происходит. Я узнал большинство из тех, что были на рынке в Хилденборо.

— Очень тихо разбудите тех, кто рядом, — прошептал я, и всё помещение ожило под нестройное шуршание.

Я на цыпочках перебрался через полусонные тела к дальней двери, и прижался к ней ухом, но ничего не услышал из-за неё. Я проверил часы. 6:20. Полно времени.

Часовня находилась на северной стороне дома и этажом выше, так что вряд ли кто-нибудь нас услышит, но рисковать смысла нет. Все втроём мы начали ходить среди пленных, шёпотом призывали к тишине, пока все не очнулись. Мы нашли Петтса, живого и здорового, сидевшего в углу в обнимку с девочкой. Захваченный в плен кровавыми культистами, не имея никаких перспектив, кроме жестокой смерти, он сумел подняться. Я был впечатлён. Не думаю, что за всю мою жизнь меня хоть кто-то ещё был рад так видеть. Он обнял меня, я поморщился, поскольку он сдавил мне рану.

— Уильямс тоже здесь, — сказал он мне.

«Бля». Я обернулся, чтобы разыскать его, но оказалось слишком поздно. Мак прижал его дальней стене комнаты и приставил нож к горлу. Я пытался добраться до него сквозь тесную толпу Уильямс тарасил глаза от ужаса, видимо, решил, что мы проделали весь этот путь, чтобы отомстить.

— Ты нас продал, — прошипел Мак.

Уильямс не мог произнести ни слова, и лишь дрожал от страха.

— Оставь его, Мак, — резко произнёс я, пробивая себе дорогу вперёд. — На это нет времени.

— Ты прав, — сказал он. — Нету.

Не успел я до них добраться, как Мак провёл лезвием ножа по горлу Уильямса. Мальчишка сполз по стене с влажным булькающим хрипом, прижимая ладони к кровоточащей ране, пытаясь затолкать кровь обратно. Мак прошипел ему в лицо:

— Вот так мы поступаем с предателями.

Не успел я отреагировать, как женщина позади меня, полусонная, неуверенная в том, что происходит, увидела кровь и начала вопить:

— Они пришли за нами! Они пришли за нами! О, боже, о, боже, я не хочу умирать!

Стоявший рядом мужчина вlepил ей сильную пощечину.

— Заткнись, корова тупая, нас спасают. — Это оказался охранник из Хилденборо, мистер Чеширский Сыр. Он в отчаянии посмотрел на меня: — Нас, ведь, спасают, правда?

— Ага — отозвался Мак. — Просто, завершили незаконченное дело. Беспокоиться не о чем.

Под ногами Мака раздался тихий печальный всхлип, когда Уильямс издал последний вздох.

Нортон поймал мой взгляд и выдержал его. Я заметил, как он крепко сжал зубы и выпучил глаза. Костяшки его пальцев побелели, когда он с силой сжал рукоять ножа.

«Сейчас?»

О, как же мне хотелось пристрелить Мака прямо там, на месте. Но вокруг слишком много народа; план проходил слишком хорошо. Если я его завалю, это пустит всё под откос, и нас всех убьют.

Я кратко, практически незаметно покачал головой.

Рано.

Чеширский Сыр поднялся с места, избрав себя представителем пленников.

— Вы ведь из школы, да? — обратился он ко мне. — Тебя я помню.

— Я на это надеялся, — ответил я. — Моя казнь, в итоге, не удалась.

— Полагаю, мне следовало бы порадоваться тому, что ты выжил.

— Полагаю, так.

— Ну, и каков план?

Мак снял водонепроницаемый рюкзак, раскрыл его и принялся раздавать оружие.

Когда десять самых крепких пленных были отобраны и вооружены, Нортон занялся запертой дверью. С этого момента всё пошло не так.

* * *

— Как вооружим пленников, нужно будет пройти через запертую дверь, через ещё одну комнату, и тогда останется только пройти по восточному мосту. Затем, как выберемся, взорвём мосты, закроем этих пидоров в своём маленьком, ограждённом рвом, особняке, и сожжём всё дотла. Разберемся с этими кровососами раз и навсегда. Как нефиг делать.

* * *

План А — взломать замок — не сработал.

— Не могу вскрыть. Замок совсем древний.

План В — выбить дверь — не сработал.

— Бесполезно, слишком крепкая, мы её даже втроём не выбьем.

— План С — прострелить замок — не сработал.

— Ёбать, услышали, наверное. Пора выдвигаться.

План D — подорвать гранатой, и бежать, сломя голову, пока Кровавые Охотники не успели мобилизоваться — был отменён, поскольку в столь крошечном склепе взрыв оглушит тех, кого не убьёт.

К тому моменту мы потратили пять минут, и время утекало.

— Ладно, блядь! Побежим через западный мост, — произнёс Мак. — Восточный мост недоступен. Значит, возвращаться нужно тем же путём, что и пришли, через кладовую и двор. Нас будет видно из часовни и из башни, поэтому они смогут нас увидеть или услышать, но если все будут бежать, как охуевшие, мы пересечём двор раньше, чем они начнут стрелять. Как только перейдёте мост, тут же бегите к лесу. Там сидят наши, они прикроют огнём. Всем ясно?

Все закивали и нервно зашептались.

— Ладно, Петтс, ты ведёшь, — произнёс Мак, открывая дверь, через которую мы прошли.

Петтс вместе с Нортоном вышли первыми, мы с Маком, максимально быстро принялись выводить всех пленников. Не успели все пленники покинуть склеп, как во дворе послышалась стрельба.

«Блядь, а они времени даром не теряют».

Мы не позволили пленникам задерживаться, мы всех вытолкали их, склеп опустел, и мы последовали за ними.

Примерно половина пленников перебралась через двор, под башней и через мост. Мы видели их за воротами, бегущими к лесу. Пейтел и Спейт стояли под башней у входа на мост, стреляя по окнам часовни, что располагалась прямо над нами. Кровавые Охотники стреляли в ответ.

Мы стояли в кладовой в окружении двадцати перепуганных человек и смотрели на двадцать метров открытого пространства. На камнях лежали двое убитых.

Одним из них был Петтс.

— Они разбегутся по всему дому, — выкрикнул я. — Нужно идти немедленно, иначе окажемся под перекрёстным огнём. Так, что, бежим!

Я принялся изо всех сил толкать пленников, те высыпали во двор и побежали, пригнув головы. Мак и Нортон помогали мне подталкивать людей, равно как и Чеширский Кот, и вскоре все они оказались снаружи. Застрелили ещё двоих, остальные выбрались.

Мы выбежали по пятам за последним человеком, но едва мы шагнули на улицу, мужчина перед нами затрясся и задёргался под градом пуль из бильярдной на первом этаже. Кровавые Охотники отрезали нас. До моста нам живыми не добраться.

Мы в ловушке.

* * *

— Если дела пойдут наперекосяк и мы там застрянем, я хочу, чтобы на штурм пошла

ебучая кавалерия всё разнесла. Вы разделитесь на два отряда и будете ждать под прикрытием мостов. Если мы позовём на помощь, вы перейдёте мосты, стреляя во всё, что движется. Ясно?

* * *

— Нас заперли! Выдвигайтесь! — крикнул Мак Спейту и Пейтелу. Но они развернулись и побежали через мост к лесу.

— Э! — крикнул Мак, но они продолжали бежать.

У нас не осталось выбора, кроме как развернуться и побежать тем же путём, которым мы пришли. Во время бега до нас донёсся звук взрыва. Мост подорвали.

— Паскуды! Сюда, — крикнул Мак, и мы побежали обратно через кладовку к двери в склеп. Мак вытащил из кармана гранату, снял кольцо и катнул её к дальней двери. Он закрыл дверь перед нами, дождался «ба-баха» взрыва, затем побежал в склеп и через разбитую дубовую дверь на дальней стороне. Едва мы выбежали из склепа, как вокруг нас толстые дубовые панели начали бить пули. За то время, пока мы добежим до лестницы, нас порвёт на куски, так, что вместо того, чтобы повернуть направо, мимо лестницы в комнату, в которой находилась дверь на восточный мост, мы спешно поднялись вверх по лестничному пролёту, что находился прямо перед нами.

Это оказалось самым худшим, что мы творили. Восточный мост теперь стал нашим единственным спасением, плюс враги, в основном, собрались наверху — и мы направлялись прямо к ним. До второго этажа мы добрались не будучи разорванными на куски, но, когда мы собрались на площадке, с левой стороны раздался крик. Я присел за балюстрадой, Чешир и Нортон укрылись за дверным проёмом слева от лестницы, а Мак спрятался за ступеньками, которые вели на третий этаж. Практически одновременно мы открыли огонь по толпе мужчин и женщин, что бежали в нашу сторону. Двое упали сразу же, но трое укрылись и принялись стрелять в ответ.

Когда сражаешься снаружи, можно укрыться за стенами, машинами, деревьями и всем тем, что способно остановить пулю. Однако плетёные и обмазанные стены с небольшим добавлением известковой штукатурки, дверные проёмы и балюстрады с деревянными распорками с большими дырками между ними, хорошего укрытия не обеспечивали.

Шум оглушал. Повсюду летали пули, щепы и куски штукатурки, били мне по голове и по лицу. Дым и пыль, поднявшиеся в коридоре, вместе с туманом, делали точную стрельбу невозможной. Все стреляли вслепую.

Затем я услышал крик позади, обернулся и увидел, как Чешир и Нортон борются с двумя мужчинами. Я схватил мачете и встал на ноги, не обращая внимания на свистящие вокруг пули. Один нападавший вцепился Чеширу в горло и душил. Я разбил голову человека, ощутив хруст от удара лезвия о череп. Он упал на спину. Нортон брыкался и катался, и вдруг его противник внезапно упал на пол. Нортон выстрелил ему в лицо и тут же подскочил на ноги, когда пуля угодила ему в плечо. Он бросился прямо в руки Чешира.

— Мак, надо наверх! — крикнул я.

Справа и слева доносились торопливые шаги, поэтому мы побежали по маленькой лестнице на третий этаж. Чешир помогал Нортону. Мы оказались в той части дома, что была закрыта для публики, отделенная Национальным фондом в качестве жилых апартаментов,

поэтому карты, чтобы знать, куда идти, у нас не было. Мы бежали вслепую, по крайней мере, мы находились выше преследователей. Если повезёт, тут никого не окажется.

На площадке были четыре двери, мы открыли первую и забежали внутрь. Мы оказались в гостиной; плюшевые диваны, ковёр с глубоким ворсом, старый телевизор в углу. Вдоль дальней стены имелись многостворчатые окна, Чешир уронил Нортон на пол и подбежал, чтобы открыть одно. Мы с Маком придвинули диван к одной двери и перекрыли буфетом другую. Мы слышали стук шагов на лестнице и звук удара пуль в дверь.

— Двери из крепкого дуба, — сказал я. — Пуленепробиваемые, если только у них не найдётся тяжёлого пулемёта. Взрывать они тоже не станут, потому что пол весь деревянный, и они не станут рисковать всё тут обрушить.

— Прекрасно, — произнёс Мак. — Они не смогут войти, а мы не сможем выйти.

— Э! — Чешир высунулся в окно и крикнул через ров. — Нам тут помощь нужна.

Мы с Маком подбежали к нему. Снаружи мы увидели группу мальчишек и пленников, толпившихся невдалеке. По всей видимости, они спорили друг с другом, но мы не слышали, о чём. Из окна под нами раздалась очередь, и они пригнулись. Очевидно, это прочистило им головы, поскольку несколько секунд спустя восточный мост чуть левее нас взорвался облаком камня и извёстки.

— Пиздец нам всем, — произнёс Нортон, присоединившийся к нам у окна, его плечо представляло собой кровавое месиво, а лицо было белым, как простынь.

Он прав, нам пиздец. И во всём виноват Мак.

Я встал и посмотрел на человека, который привёл нас сюда. Я подумал о Матроне и Бейтсе; вспомнил скрючившиеся тела ребят из Территориальной армии, Дейва, Дерека, и того, чьего имени я не узнал; вспомнил Уильямса, держащегося за перерезанное горло.

Я ощутил в ладони весь вес своего оружия.

* * *

Утром 28 марта 1918 года Джеймс Б. Грант находился в составе отряда, направлявшегося на штурм роци где-то в Бельгии. Среди деревьев расположился немецкий пулемётный расчёт, который должен был это наступление сдержать. Гранту и его людям был отдан приказ устранить препятствие.

Пусть Грант и был лейтенантом, штурмом руководил не он. Командовал новый офицер, только что из Оксфорда и Сандхерста^[16], по имени Уильям Снид. На фронте он находился первую неделю и жаждал проявить себя, как герой, стремился заполучить первую медаль. Его наивность и несгибаемый энтузиазм делали его опасным.

Грант прослужил с этими людьми несколько лет. Они повидали ужасные вещи; пережили битву на Сомме, потеряли множество друзей и товарищей, ползали по грязи и крови до такого изнеможения, что я и представить не могу. Но они доверяли друг другу, даже любили друг друга, как могут только люди, которые рискуют друг ради друга жизнью.

И, вот, когда Снид приказал атаковать пулемётное гнездо в лоб — план, который предполагал в равной степени славу и бесспорную и бессмысленную смерть — Грант попытался его отговорить. Можно обойти расчёт, сказал он, подобраться под покровом темноты и забросать гранатами. Просто, эффективно и никакого риска.

Снид ничего не желал слушать. Он обвинил Гранта в трусости. Поднялся крик,

вмешались рядовые, и Снид, внезапно испугавшись, достал револьвер «Уэбли» и пригрозил казнить Гранта за дезертирство перед лицом врага. Глядя в ствол револьвера, Грант отступил. Он извинился и, как было приказано, принялся готовиться к штурму.

А потом, когда все приготовились к атаке, Грант выстрелил Сниду в спину.

Немецкая позиция была взята, а Снида записали, как единственного погибшего в ходе боя. Грант спас жизни своих людей единственным возможным для него способом. Это было проявление героизма перед лицом настолько глупого руководства, что и представить сложно.

Однако Грант не мог дальше жить, зная, что он сотворил. Он сдался вышестоящему офицеру, полностью сознался и следующим утром, на рассвете, был казнён.

Имя Гранта было вычеркнуто из всех памятных списков, как и было принято поступать с трусами и предателями. Его лишь внесли в список погибших в школе святого Марка, и лишь после того, как один из выживших изложил всю историю Гранта действовавшему на тот момент директору.

Я задумался, сколько ещё погибших учеников школы святого Марка не внесли ни в какие списки. Сколько из них казнили на рассвете за трусость, пока те дёргались и тряслись от контузии; скольких расстреляли на месте, потому что они отказались навстречу очевидной и бессмысленной смерти; скольких казнили за отказ исполнять приказы идиотов из высшего общества, которые пытались штурмовать окопавшиеся и оцетинившиеся пулемётами армии так, словно те были зулусами с копьями.

Хаммонд пытался увековечить память мальчиков, которые умерли во время Отбора, но кто станет писать имена и чтить тех, кто выжил? Кто запишет на доске имя Петтса, или Белчера, или Уильямса, или всех тех мальчишек, погибших в очередной бессмысленной войне, потому что иного выбора, кроме как сражаться у них не было?

Кто запишет имя Мака?

Кто запишет моё имя?

Когда я поднял оружие и навёл его на человека, который самопровозгласил себя вождём, я прекрасно понял, что чувствовал Грант более века назад. Я ощущал гнев и негодование человека, которого заставили исполнять жестокие трусливые и неправильные. Я ощущал праведный гнев человека, который верил в справедливость и честь, попранные правителем, которого волновала лишь власть. Я ощущал отчаяние человека, который жаждал мира, но был вынужден прибегать к насилию из-за безумия других.

Я понял, что дни, когда я исполнял чужие приказы, сочтены.

Так что я поднял оружие и выстрелил в этого этого ублюдка.

Мак не упал. Пуля попала ему в левое предплечье. Целился я не туда, но руки тряслись так, что мне повезло, что я вообще попал. Почему я не мог быть, как Грант; хладнокровным под давлением, спокойным и безжалостным?

Мы переглянулись, оба не зная, что делать. Рана в руке начала кровоточить. Он поднял оружие, чтобы выстрелить в ответ, и я выстрелил снова. Я попал ему в правое плечо. На этот раз он упал.

— Бросай! — выкрикнул Чешир, вскидывая оружие и прикрывая меня.

Я стоял на месте, смотрел на Мака, тот упал на спину, и сидел на полу, опершись на диван. Он бросил оружие и попытался заткнуть рану, чтобы та перестала кровоточить, но ни одна из его рук не могла нормально работать.

Нортон подошёл к Чеширу, вытянул руку и осторожно опустил его ладонь с пистолетом.

— Оставь его, — произнёс он.

За последние несколько месяцев я убил троих. Одно я мог списать, как убийство во спасение. Второе я совершил, чтобы не быть убитым самому. Третье произошло в горячке боя. Однако стрельба в Мака без предупреждения, без явной угрозы с его стороны, хладнокровно... это другое. Я больше не был уверен в собственной мотивации. Стрелял ли я в него, чтобы спасти школу? Мстил ли я за Матрону и Бейтса? Или я казнил его за то, что он сделал со мной, за то, что заставлял делать?

Я взглянул на дымящийся «Браунинг» в своей правой руке. Я никак не мог понять, как он там оказался. Я же ненавижу оружие, подумал я. Как так вышло, что оно ощущается настолько естественно? С каких пор я стал человеком, который ходит с оружием? Я расслабил пальцы и пистолет упал на пол.

Мак ёрзал, пытаюсь найти способ заткнуть раны. Он беспомощно взмахивал и дёргал руками.

Я сполз на пол, чтобы быть на одном уровне с Маком.

— Пока ещё не болит, но скоро будет, — произнёс я. — В данный момент в твоём теле столько адреналина, что он не позволяет тебе ощутить боль. Я не уверен до конца, но могу предположить, что ты умрёшь, не ощутив её. Больно будет, если ты выживешь и исцелишься.

Он посмотрел на меня. Если я и ожидал смущение или страх, я был разочарован. Была только ярость.

— Трус ебанный, — произнёс Мак. — Жалкий, слабый, тупой ебанный трус.

Шум снаружи стих, едва я спустил курок. Я слышал, как вниз по лестнице бежали люди. Скорее всего, у дверей оставили охрану, но на данный момент внутрь проникнуть никто не пытался.

— Что, вообще, происходит? — спросил Чешир.

— Считай это переворотом, — произнёс Нортон, садясь в кресло. — Передай мне скатерть, пожалуйста.

Чешир стянул со стола скатерть и принялся помогать Нортону перевязывать рану.

— Почему сейчас? — спросил Мак. — Зачем ждать, пока мы не останемся одни в ловушке, и скорее всего, всё равно умрём? Какой, блядь, смысл всё устраивать прямо сейчас? На этот мне ответить было нечем.

— Я скажу тебе, если позволишь, — произнёс Мак. — Полагаю... — Он прервался и

зашёлся в сильном кашле. — Полагаю, ты надеялся, что они всё сделают за тебя.

— Возможно, — не стал возражать я.

— Трус, — повторил Мак. — Я изложил тебе правила. Рассказал, как всё работает. Хочешь от меня избавиться, блядь, брось мне вызов, как мужчина.

— Как ты бросил вызов Бейтсу?

— Бейтс был слаб. Он не понимал, не заслужил уважения. Я думал, ты понял. Думал, до тебя дошло.

— Дошло, просто я не этого не принял. Если бы я играл по-твоему, по твоим правилам, я бы оказался по горло в говне, если бы принял всю эту херню про сильного вождя племени, — сказал я. — Если бы я вызвал тебя и доказал, что я более суровый засранец, это значило бы, что я пригласил другого крутого пидора сбросить меня.

— Так оно и работает.

— Я этого не признаю. И, знаешь, что, остальные пацаны тоже. Может, ты не заметил, но они нас — тебя — бросили умирать. При первой же возможности, тебя кинули.

— Значит, такова твоя альтернатива, да? — усмехнулся Мак. — Собираешься управлять школой демократическим путём? Ученический совет? Чай с булочками и крикет на траве? Фантазёр ебаный.

Его лицо было белым, как мел. Когда он попытался пересесть поудобнее, его разбитое плечо издало какой-то жуткий скрипящий звук.

— Не знаю, как это будет, но будет гораздо лучше, когда прекратятся изнасилования и распятия. Не будет никаких казней. Над мальчишками не будут издеваться и мучить.

— А мои офицеры? С ними будешь что-нибудь делать?

— Если потребуется.

Он горько рассмеялся.

— Превосходно. Дивный новый мир Ли Кигана начинается с групповой казни. Лицемер ебаный.

Он был прав. Я это понимал. Но у меня уже не было настроения с ним спорить.

— Твоя беда в том, что ты думал, будто ты уязвим только перед тем, кто сильнее тебя, — проговорил я. — Но ты никогда не думал, что можешь быть уязвим перед тем, кто умнее тебя.

Он издал горький смешок, который перешёл в очередной приступ кашля. Его левый рукав пропитался кровью. Она стекала по пальцам и падала на ковёр.

— Умно было бы пристрелить меня до того, как мы атаковали.

Снова этот презрительный тон. Я подумал о Джеймсе Б. Гранте и понял, что Мак прав.

Нортон попытался вмешаться, но я отмахнулся.

— Я знаю. Но, в отличие от тебя, я стараюсь избегать убивать людей.

Мак снова рассмеялся.

— Расскажи об этом пареньку, который валяется на лестнице без полбашки. Ты убийца, пацан. Хладнокровный. Просто не хочешь этого признать. Твоя беда, Девять Жизней, в том, что ты не хочешь ничего делать. Ты хотел бросить Петтса здесь умирать...

— Он всё равно мёртв.

— Суть не в этом, блядь, и ты об этом знаешь, — выкрикнул он. — Хочешь убрать меня с дороги, но не можешь собраться с мужеством и вызвать меня, как мужик, поэтому ждёшь, пока меня не уберёт кто-нибудь другой. И, когда ты понял, что этого не выйдет, похер, что я теряю, и ты просто, блядь в меня выстрелил. А затем, чтобы ухудшить рану, ты выстрелил

мне в руки, блин! Какой смысл, пуля в башку — это слишком легко?

— Не искушай меня.

— Ой, отъебись. Как будто тебе хватит духу меня добить. — Мак подался вперёд. — Ну, давай — прошептал он. — Подними ствол. Вон он. Всё ещё заряжен. Одна пуля и конец. Давай. Закончи начатое. Покажи, что в тебе есть стержень, чтобы быть лидером. Докажи мне. Давай. Смотри мне в глаза, когда будешь жать на спуск. Давай!

Не раздумывая, я сунул руку за спину, схватил пистолет и прижал ствол ко лбу Мака. Сильно прижал. Боже, как же мне хотелось его убить. В смысле, очень, *очень* хотелось убить. Я хотел, чтобы он орал, умирая. Мне хотелось смеяться в его умирающие глаза и плевать на его труп. Я даже улыбнулся и начал давить на спусковой крючок.

И вдруг я заметил восторг в его глазах.

— Может, ты и прав, — сказал я. — Может, я трус, может, я боялся. Но я боялся не тебя, Мак. Не совсем. Я боялся стать таким, как ты.

Я отбросил пистолет в сторону. Мак беззвучно рассмеялся мне в лицо.

— Смирись, Ли, тебе никогда не стать таким, как я. У тебя яиц нет.

Я услышал металлический звон.

— Ли! — тревожно вскрикнул Нортон.

Я ощутил, как в живот мне что-то уткнулось. Я опустил взгляд и увидел, что ладонь Мака сжимает гранату. Кольцо лежало рядом.

Я поднял взгляд. Мак улыбался.

— Я сжимаю скобу, Ли. Когда я её отпущу, загорится химический запал, и семь секунд спустя ничто не сможет предотвратить взрыв. Как думаешь, успеешь отобрать у меня гранату и вышвырнуть её в окно?

Я смотрел ему в глаза, одновременно охватывая его ладонь своей. Силы в его пальцах было немного; виной тому было простреленное плечо. Пока я буду их держать, скобу он не отпустит. Мы зашли в тупик.

— Тебе не обязательно умирать здесь, — сказал я. — Мы всё ещё можем выбраться, отвести тебя в школу и залатать.

— А потом что?

— Ты уйдёшь. Просто уйдёшь.

Он вновь рассмеялся.

— Дрисня беспозвоночная. Ты хладнокровно в меня стрелял и этого не исправить. Имей хотя бы честность жить с этим. Я никогда не выйду из этой комнаты, и ты это знаешь. И я могу сделать так, что и ты не выйдешь.

Не знаю, сколько мы так просидели бы, но вмешался Чешир.

Он подошёл к нам, спокойно и буднично, и вдруг ударил прикладом винтовки прямо в раненое плечо Мака. Тот закричал и задёргался в агонии, и я выхватил гранату из его руки. Я схватил кольцо и вставил его обратно.

Похоже, у меня случилась гипервентиляция, поскольку, когда я поднялся, закружилась голова. Чешир протянул руку и помог мне устоять, пока мир вокруг не перестал вращаться.

Когда Мак прекратил кричать, он поднял взгляд и усмехнулся.

— Что я вообще тебе сделал, Девять Жизней? Почему ты, блядь, меня так ненавидишь?

— Ты сделал меня убийцей, Мак.

— А, понимаю. Значит, по сути, я выстрелил сам в себя, да? — Он недоверчиво покачал головой. — Господи, да ты башкой ебанулся.

— Давайте сосредоточимся, пожалуйста — сказал Нортон, который уже наложил повязку, остановил кровь и сделал перевязь. — Кто-нибудь вообще знает, как нам отсюда выбраться?

— Может быть, — ответил я. — Но меня тревожит тишина. Что там в окне?

Чешир высунул голову и тут же спрятался обратно, когда стёкла разлетелись от пуль.

— Промазал! — выкрикнул он и повернулся ко мне. — Они сидят в окне в башне.

Я подошёл к двери и постучал.

— Есть там кто? — спросил я.

Повисла тишина.

— Эм, ага, привет, — послышался неуверенный ответ.

Молодой мужской голос.

Нортон фыркнул и начал хихикать. Пограничная истерика.

— И тебе привет. Значит, стережёшь дверь, чтобы мы не убежали, да?

— Нас тут трое и у всех оружие.

— Полезно знать. Остальные убежали приносить утреннюю жертву?

— Надо очистить ров.

— Отлично. — Я повернулся к Нортону и Чеширу. — Какое-то время все будут в башне, так что есть время подготовиться.

— Я могу рассчитывать на чашку чая, пока тут подыхаю? — ехидно произнёс Мак.

Утреннее жертвоприношение было самым тревожным ритуалом Кровавых Охотников. Избранную жертву приводили на службу и Дэвид её благословлял, затем все шли в башню. Там Дэвид перерезал жертве горло, двое прислужников свешивали беднягу над зубчатой стеной, пока кровь его стекала в ров. Свежая кровь в воде по утрам, по их мнению, защищала их.

Под аккомпанемент пения и воплей из башни я открыл рюкзак Мака и мы принялись за работу. Времени ушло минут десять, или около того, но когда ритуал закончился, мы были готовы. Чешир поднял Мака и усадил его на диван. Мак всё ещё был в сознании.

— Нихрена у вас не выйдет, — сказал он.

Я проигнорировал его.

— Слышь, Нортон, — продолжал Мак. — Сколько ты планировал переметнуться?

— С самого первого дня.

— Предатель.

— И, что будешь делать? Горло мне перережешь, как Уильямсу?

— Подойди, и покажу.

— Хорош уже, — сказал я. — Все знают, что нужно делать?

Нортон и Чешир кивнули.

— А мне что делать, Девять Жизней? — саркастично произнёс Мак.

— Иди на хуй и там сдохни.

На лестнице послышались шаги. Подошла группа людей, чтобы поговорить. Один голос я узнал.

— Всем здравствуйте. — Это был их главарь, Дэвид.

— Доброго утрачка, — весело отозвался я. — Прекрасный день для кровавой жертвы.

— У вас кто-нибудь ранен?

— А вам какое дело?

— У нас первоклассное медицинское оборудование. Если откроете дверь, даю слово,

вашим раненым будет оказана должная медицинская помощь.

— И, что, никакого кровопускания?

Он рассмеялся.

— Разумеется, кровопускание будет. Надо себя обезопасить. Но нам нужна свежая, чистая, здоровая кровь. Так что, сначала мы вас подлечим. Пока есть жизнь, есть надежда, так ведь говорят?

— У меня идея. Мы хотим обратиться. Хотим обезопасить себя.

— Простите. Сегодня никаких посвящений.

— У них бомба! — выкрикнул Мак.

Я со всей силы ударил его в лицо. Я ощутил, как хрустнул хрящ у него в носу. Полегчало.

— Ещё слово, и я тебя кончу, — прошипел я.

— Как будто тебе духу хватит, — ответил Мак и плюнул мне в лицо.

Я достал «Браунинг» и стукнул его по затылку. Он вырубился.

— У вас там всё хорошо?

— Всё хорошо. Мы просто, эм, совещались.

Я собрал все верёвки, снятые с оконных жалюзи и попятился к открытым окнам, где уже ждали Нортон и Чешир.

— Готовы?

Они кивнули.

— Ладно, мы согласны. Заходите и берите нас, — крикнул я.

Затем мы втроем обернулись и выпрыгнули из окна.

Стрелки на башне открыли огонь. Падая, я тянул за собой верёвки. Я ощутил легкое натяжение на другом конце, и тут веревка освободилась, и вылетела вместе со мной, вместе со всеми кольцами от всех оставшихся гранат.

Мы упали в кровавую воду раньше, чем пули нашили свою цель, а комната над нами взорвалась, пока мы погружались. Мы плыли в безопасное место, а вокруг в воду падали камни, стекло, доски и куски мебели.

Огонь, дым и смятение, воцарившиеся в доме позади нас, скрыли наш неловкий выход из воды, используя обломки взорванного моста в качестве спасательного круга. До опушки леса мы добрались без проблем. Остальные мальчишки и пленники из Хилденборо уже исчезли. Я стоял в тени деревьев и наблюдал, как пожар охватывает незащитный деревянный дом.

Мак был там. Взрыв скорее всего убил его, а если он каким-то чудесным образом пережил взрыв, его прикончат раны. Так или иначе, его больше нет. Всё прошло согласно плану. Я завоевал его доверие, убаюкал его в поддельном ощущении безопасности, и предал. Я был предателем, просто и понятно. Я ненавижу себя за это. Мак был прав, я — трус. Я выступил против него, потому что никогда не принимал тот факт, что цель оправдывает средства. Ради избавления от Мака я предал все принципы, за которые стоял. Я врал и обманывал, предавал доверие и совершил убийство.

Но теперь школа свободна от него, а с учётом горящих Кровавых Охотников, и разбитого лишённого лидера Хилденборо, больше никто вокруг нам не угрожал.

Средства были неверными, но цель достигнута. Тем не менее, я задался вопросом: не потерпел ли я неудачу в одном важном деле — не дать себе стать тем, кого я ненавижу. После всего, что я натворил, я не мог совладать с ощущением, что я чуть больше стал Маком, чем хотел бы. Я не знал, смирюсь ли этим когда-нибудь.

Сегодня я убил двоих, и стал свидетелем смерти ещё многих и многих. Глядя на огонь, я молился, чтобы это была последняя смерть, свидетелем которой я стал.

Надо было думать лучше, ей-богу.

Урок третий

КАК БЫТЬ ВОЖДЁМ

Глава тринадцатая

— Я не виноват. Они старше нас.

Уайли сыпал оправданиями, но искренности в его словах не было. Подобно всем самым крутым хулиганам, в душе он был трусом. Оказывается, ребята взорвали мосты не для того, чтобы избавиться от нас с Маком. Взрослые из Хилденборо, напуганные до смерти, некоторые вооруженные (нами), потребовали от мальчишек немедленно взорвать мосты. Уайли, который руководил этой частью операции, согласился.

Я промок до нитки, замёрз, устал и был очень, очень взбешён.

— Ты бросил нас умирать, — процедил я сквозь стиснутые зубы.

— Как по мне, ты в порядке. — Самоуверенный кусок говна.

Я поднял «Браунинг» и прицелился ему в лицо. Такого он не ожидал.

— Отдай своё оружие, — произнёс я.

— Чего?

Я сместил ствол на дюйм в сторону и выстрелил над его правым ухом. Он подпрыгнул, вскрикнул и отступил.

— Хули ты делаешь?

— Второй раз просить не буду.

Он бросил винтовку в мою сторону. Я позволил ей упасть на пол.

— На, держи, псих ебанутый. — Крик у него вышел отчасти жалостливым, словно у избалованного мальчишки, которому приказали вернуть ключи от машины.

Я не опустил оружие.

— Сколько тебе лет, Уайли?

Он посмотрел по сторонам в поисках поддержки или пути побега. Я зажал его в угол.

— Семнадцать. А что? — ответил он. Отчасти раздражённо, отчасти с наглостью.

— И сколько человек ты убил?

Он выпучил глаза, ощущая приступ истинного страха.

— Только одного.

— Одного человека, стоящего на коленях со связанными руками. Что, никого не завалил, когда напали из Хилденборо?

— У меня... у меня оружие заело.

Я рассмеялся.

— Я слышал другое.

Роулс нашёл его, прячущимся в классе рисования. Кроме меня он никому не рассказывал, поскольку слишком испугался того, что Уайли с ним сделает, если его раскроют.

— На хуй иди! Я шестиклассник! И я староста! — Он начал плакать.

— Всё так. А мне пятнадцать. Но я убил четверых, двоих этим утром. Так, как считаешь, кто тут самый страшный?

Он всхлипнул.

Я дослал в ствол очередной патрон.

— Кто, по-твоему, тут самый страшный?

Я выстрелил над его левым ухом.

— Ты. Ты, ладно. Ты. — Его нижняя губа начала дрожать.

Я кивнул.

— Снова верно. Я. Я здесь самый страшный.

Я забавлялся. Я бы переживал из-за того, если бы перестал об этом думать. Но я не стал. Я наслаждался собой изо всех сил.

— Ты громила, Уайли. И трус. Мне не очень нравятся трусы. А задир я ненавижу.

Из носа у него начало течь.

— А знаешь, что я ненавижу больше задир, Уайли? Знаешь?

Он покачал головой. С его трясущегося подбородка капали слёзы и сопли.

Я подошёл к нему вплотную и приставил ствол к виску. Он застонал от страха.

— Больше задир я ненавижу тех, — произнёс я, — кто изнасиловал Матрону.

Он выглядел так, что был готов обосраться.

— Это... это... это не я придумал. Это всё Мак... он нас заставил... у него было оружие и всё такое.

— Мне. Плевать.

— Мне пришлось! Мне не понравилось. Честно. Совсем не понравилось. Правда.

— Не оправдание.

— Что... что ты собрался со мной сделать?

— Пока не решил. Полагаю, выбор стоит между выстрелом тебе в затылок и распятием.

Что предпочтёшь?

Его колени подогнулись, он упал на пол, хныкая и стоня.

Я опустился на колени рядом с ним и прошептал ему в ухо.

— Я собирался тебя распять, но это требует времени и усилий. Вероятно, проще тебя пристрелить. Как считаешь?

— Прости, хорошо? — выкрикнул он. — Прости, прости!

Я изо всех сил проорал ему в ухо:

— Мне плевать!

Он вжался в стену.

— Выбирай!

— О, боже!

— Выбирай!

— Пожалуйста, нет, прости, пожалуйста. — Он уронил лицо ладонями, скрючился и завыл.

— Ладно, — произнёс я. — Значит, пуля.

Я схватил его за плечо и поднял на ноги. Он попробовал немного сопротивляться, но я пихнул его коленом по яйцам. Затем я вывел его в коридор и подвёл к парадной двери. От боли и ужаса он едва мог идти.

Я пинком отправил его вниз по ступенькам, и он упал лицом в гравий и вцепился пальцами в землю. Он попытался подняться, но единственное, что у него получилось — это ползти на четвереньках. Я пошёл за ним. Когда он дополз до травы, я поставил ногу ему на спину, и он уткнулся в грунт.

— На колени, — произнёс я.

Он вскрикнул от боли и вцепился в землю.

— На колени!

Я наклонился, обхватил Уайли и поднял, пока он не оказался на коленях передо мной. Как только я его выпустил, он снова завалился. Я изо всех сил пнул его по рёбрам.

— На колени, жалкий ты кусок говна.

Я снова поднял его, на этот раз он устоял. Он дрожал и трясся, охал и стонал.

— Почти то же самое место, где ты пристрелил того беззащитного невооружённого человека, не так ли? Как раз подходит, чтобы и тебя пристрелить.

Он начал умолять.

— Пожалуйста, о, боже, пожалуйста, не надо.

— Так она и говорила, да? Именно так говорила Матрона?

Я прижал горячий ствол пистолета к основанию его шеи. Он закричал.

— Так?

Я позволил ему пропотеть пару минут, затем нажал спусковой крючок.

В конце концов, он не знал, что я уже истратил все патроны.

— Это было необходимо? — спросил Нортон, пока я наблюдал, как Уайли ковылял за школьные ворота. Я указал на лица, прижавшиеся к окнам школы позади нас.

— Да.

* * *

Я взглянул на лица мальчиков перед собой. Они выглядели такими усталыми. Они не спали всю ночь и прошагали три мили, готовясь к бою. В итоге, по ним постреляли издалека, а затем над ними издевались обезумевшие от страха взрослые, что, наверняка, их перепугало, особенно, самых маленьких.

Впрочем, дело не только в событиях последних двадцати четырёх часов. Жизни этих мальчиков до Отбора протекали тихо и спокойно. Они день за днём проживали по жёсткому графику, установленному какими-то далёкими недоступными взрослыми. Они играли в игры, сидели на уроках, по пятницам изображали солдат и случайными выходными. Они ели назначенную пищу в назначенное время и на месяцы вперёд знаю, что день за днём будут заниматься тем же самым.

Разумеется, были задиры, побои и наказания, но если речь не о Маке, далеко дело не заходило никогда. И всегда рядом находилась Матрона, чтобы обнять, наложить пластырь или залечить полученный синяк.

Однако за последние несколько месяцев ситуация поменялась кардинально. Они видели смерть своих родителей и бежали в единственное убежище, которое знали. Они надеялись найти спасение в знакомой рутине школы святого Марка. Вместо этого они убивали людей в бою, видели, как погибали их друзья и учителя, над ними издевались, их мучили, подчиняясь прихотям банды вооружённых головорезов, приказывавших им днём и ночью. Их готовили к войне и обучили жить с постоянным ожиданием неминуемой смерти.

Я смотрел на помещение, полное мальчишек с посттравматическим стрессовым расстройством. И я должен был ими руководить.

Я понятия не имел, с чего начинать.

— Мак мёртв, — сообщил я им.

Я ожидал какой-то реакции; парочки восторженных криков, хотя бы. Но видел я лишь мёртвые глаза и унылые лица.

— Будучи его заместителем, командовать буду я, и теперь всё изменится. В данный момент, я хочу, чтобы вы все поспали. Оставьте оружие у двери и отправляйтесь по койкам.

В столовой, все, кто захочет, смогут взять холодной еды, но до завтрашнего утра вы сами по себе. Просто... расслабьтесь, лады?

Я ждал, пока они разойдутся, но они просто сидели на месте. Я смущённо посмотрел на Нортон.

— Свободны, — подсказал он.

— Простите. Свободны.

Когда мальчики поднялись, я добавил:

— И, кстати, больше никакой армейщины, ясно? Теперь можете носить собственную одежду. Завтра мы соберём всю форму и вернём её на склад.

Мальчики вышли в тишине.

Когда они разошлись, я остался наедине с Нортон, миссис Аткинс и оставшимися офицерами — Вольфом-Барри, Пьюгом, Спейтом, Пейтелом и Грином.

— Соберитесь в круг, — сказал я.

Они разобрали стулья и сели передо мной. Я тоже сел.

— Все видели, что сегодня произошло с Уайли, так?

Офицеры закивали.

— Хорошо. Так и должно быть. Мак его пристрелил бы, а я отпустил. Между мной и Маком есть разница; я не очень люблю убивать. Однако я хочу, чтобы до вас до всех дошло, что, если вы не подчинитесь моим прямым приказам, я вас убью и закопаю. Понятно?

Мальчики забормотали и закивали.

— В таком случае, я хочу, чтобы вы сложили оружие в углу и сели.

Так они и поступили.

— Хорошо. Роулс!

Открылась дверь и вошёл Роулс с винтовкой в руках. Офицеры озадаченно посмотрели на меня.

— Что происходит? — спросил внезапно занервничавший Вольф-Барри.

— Вы уходите, — сказал я. — Все. Немедленно.

— Чего? — переспросил Пейтел.

— Я сказал, вы уходите. Немедленно. Через ворота и не оглядываясь. Я больше не желаю видеть ваших рож на этой земле. Никогда. Потому что, если я, или кто-нибудь из мальчиков увидит вас в пределах этих стен, мы без раздумий вас пристрелим. Понятно? И считайте, вам повезло. Я представлял, как убиваю вас самыми различными способами. Но на сегодня смертей хватит, не думаю, что выдержу ещё.

— Так, слышь... — Спейт начал подниматься.

Послышался безошибочный звук заряжаемого и готового к стрельбе оружия. Он повернулся и увидел целящегося в него Роулса.

— Разрешите стрелять, сэр? — спросил младшеклассник.

Спейт замер, пока я изображал раздумья.

— Проводи этих людей с территории, Роулс. Если кто-нибудь из них будет сопротивляться, тебе дозволяется стрелять.

Никто не пошевелился. Офицеры выглядели сбитыми с толку и напуганными.

— Но, куда нам идти? — спросил Пьюг.

— Куда-нибудь. Куда угодно. Только не сюда, — ответил я.

— Ты же не будешь из этого стрелять, Роулс? — спросил Пейтел.

Он поднялся и пошёл к нему, расставив руки в стороны. Роулс улыбнулся самой жуткой

улыбкой, какую я только видел. Я гадал, что стряслось с этим тихим напуганным мальчуганом, который ловил каждое слово Бейтса.

— Ты рискни, — сказал он.

Пейтел благоразумно задумался.

— Довольно, — гаркнул я. — Я хочу, чтобы вы все немедленно свалили отсюда. Вы отчислены.

Когда они подались на выход, я расслабился.

— Грин, задержись на минуточку, — сказал я, когда тот дошёл до двери. Остальные офицеры шли на выход.

Я жестом указал Грину сесть. Тот выглядел напуганным. Я оглядел его, прежде чем спросить:

— Почему тебя прозвали Нестояк, Грин?

— Не могу знать, сэр, — промямлил он.

— Слышь, не трать моё время. Я устал, хочу чаю и спать. Чем скорее я тут закончу, тем скорее смогу расслабиться. Так что, я повторю вопрос: почему тебя зовут Нестояк?

Он уставился себе под ноги и пробормотал ответ.

— Из-за Матроны.

— Ты был там, когда на неё напали?

Он кивнул.

Я сглотнул. Мне не хотелось знать деталей, но спросить я должен был.

— Участвовали все?

Он снова кивнул.

— Ты — гей, Грин, или просто, блядь, импотент?

Теперь он отреагировал.

— Пошёл ты на хуй! — неожиданно дерзко выкрикнул он. — То, что я не стал кого-то насиловать, ещё не значит, что я — гей, ясно? Мне нравилась Матрона. То, что там произошло, было неправильно. Просто... неправильно. Я сказал Маку, что не стану, спорил с ним, но он заставил меня, у них было... оружие. Меня заставили снять брюки и лечь на неё. А она просто смотрела в потолок. Я извинялся перед ней, а она даже не посмотрела на меня. Я не смог. Просто не смог.

На его глаза навернулись слёзы.

— А мужик, которого ты убил?

Он сник.

— Мак сказал, что пристрелит меня, — простонал он.

Я тяжело вздохнул. Хорошо.

— Ладно. Так я и думал. Просто хотел убедиться.

Я встал, подошёл и сел рядом с ним, положил ему руку на плечо. Он обиженно скинул её и снова уставился на свои ботинки.

— Останешься с нами? — спросил я.

Он удивлённо посмотрел на меня и вытер слёзы.

— Но, я думал...

— Завтра мы встретимся с Матроной. Если она подтвердит твой рассказ, а я уверен, что подтвердит, то она будет рада, если ты останешься. Нам здесь нужны такие, как ты. Петтс мёртв, так что тебе придётся подыскать в трупку кого-нибудь другого, но, ей-богу, нам потребуются какие-нибудь развлечения, чтобы отвлечься. Так, что, оставайся, ставь свою

пьесу, лады?

Я протянул руку. Он пожал её.

Когда он ушёл, миссис Аткинс улыбнулась мне.

— Неплохое начало, — произнёс Нортон. — Весьма неплохое. Теперь, прошу прощения, но мне нужно уйти и вытащить эту блядскую пулю, пока рука совсем не отвалилась.

* * *

Пока Нортон лечился, я отправился к себе в комнату и сменил мокрую одежду. Стягивание грязной, влажной формы было похоже на разворачивание карты моих приключений.

На левой голени, там, где меня укусил Иона, у меня был шрам; на правом бедре, там, где в меня стреляли, было сморщенное красное пятно; моя талия была перевязана; на шее, там, где в кожу врезалась веревка, виднелся рубец; туловище и руки были покрыты синяками; под правым глазом фингал, левая скула посинела, и виднелась ссадина от удара печатки Бейкера, которая, вероятно превратится в шрам.

Выглядел я просто жутко.

Я упал на кровать. Я настолько устал, что был готов проспать целую неделю, но разум мой бушевал. У меня получилось. Мака больше нет, наш враг побеждён. Прежде чем вернуться обратно в Хилденборо, Чешир (выяснилось, его зовут Боб) заверил меня, что отныне обе общины будут жить в союзе. Моей задачей теперь являлось поправить дела в школе. Завтра я отправлюсь на ферму, где нашла убежище Матрона с девочками, и найти способ вернуть их в Замок. Миссис Аткинс сказала мне, что под защитой Матроны уже двадцать девочек. Новенькие нам понадобятся; это место стало слишком мужским.

Не то, чтобы я собирался отринуть всё, чего достиг Мак. Школа выдержала нападение силы, которая была отлично подготовлена взломать нашу оборону, и всё время, пока он был у власти, здесь почти не было инакомыслия и раздоров.

Мне потребуются собственные офицеры, но я не хотел сохранять военную структуру. Потребуются патрули и прочее, им придётся носить обмундирование и оружие, но все остальные вернутся нормальной одежде и обычным делам. Мы возобновим обучение, организуем круговые спортивные турниры, восстановим структуру и порядок, которые не основывались бы на военных принципах. Школа святого Марка должна снова походить на школу, а не на военный лагерь.

Нортон станет моей правой рукой, а Роулс станет представителем младшекласников. Я обеспечу работой тех мальчиков, которые этого захотят, делегирую ответственность. Сад и огород после гибели Петтса и Уильямса легли на плечи одного Хиткоуга; ему потребуется помощь. Верховая езда станет нашим основным средством передвижения, так что понадобится поискать ещё лошадей для Хейкокса. Также надо будет разыскать стёкла для замены разбитых окон. Нельзя, чтобы здание заливал дождь.

А ещё у нас в плену сидел Кровавый Охотник. К тому времени, как мы закончили его мыть он что-то бормотал и впал в истерику. Его до сих пор держали в кладовой, где он завывал о Втором Пришествии.

Так много предстояло сделать.

Возможно, если я сосредоточусь на деле, то смогу отвлечься от размышлений о том, что натворил. Возможно, я так буду уставать, что буду спать безо всяких кошмаров.

Возможно.

* * *

Следующим утром я надел пару старых «Левайсов» и футболку. Странно было возвращаться к обычной одежде. Впрочем, и комфортно. Я оставил крепкие кожаные ботинки и надел пару старых ношенных кроссовок. Роскошно.

Я спустился вниз, в столовую, налил себе воды и взял кусок хлеба. Дрожжей у нас не было, поэтому хлеб представлял собой лепёшки, но они оставались тёплыми и вкусными. Я прошёл через двор на старую кухню, где миссис Аткинс готовила уже вторую порцию за день.

— Миссис Аткинс, пахнет чудесно, вы просто чудо, — произнёс я.

Я сдвинул стопку кулинарных книг и сел за стол.

— Голос у тебя бодрый, — сказала женщина.

— Не припомню, когда просыпался в таком хорошем состоянии, — ответил я. — Но солнце светит, а на завтрак у нас свежий хлеб и яйца, и насколько мне известно, никто не пытается нас убить. Сегодня не будет ни муштры, ни шагистики со стрельбами, никаких штурмов, никаких нападений, казней и боёв. Думаю, завтра весь день просижу под солнцем с книжкой в руках. Можете представить? Просто сидеть и читать под солнцем. В джинсах! Сегодня будет хороший день, попомните мои слова, миссис Аткинс. Новое начало. Предупреждаю, возможно, я даже встану из-за стола и обниму вас.

— Не смей, — сказала женщина, но всё равно рассмеялась. — Если оставишь меня в покое, я допеку хлеб и, когда, закончу с завтраком, расскажу тебе, где Матрона и девочки. Договорились?

— Идёт!

Я спрыгнул со стола, подбежал к ней и поцеловал в щёку. Она бросила в меня деревянную ложку, так что пришлось уйти. Возможно, даже насвистывая.

В течение следующего часа мальчики по одному и по двое шли на завтрак. Когда все переоделись в нормальную одежду, столовая вновь стала выглядеть, как обычно. Яичница миссис Аткинс, приготовленная из яиц, собранных в курятнике, была прекрасна. Без муштры, без боёв, мальчики были предоставлены сами себе, и после еды тусовались в столовой, ожидая, что будет дальше.

Я встал на стол и прочистил горло.

— Доброе утро всем. Без камуфляжа всё вокруг выглядит милее! Понимаю, надо составить расписание и прочее, и скоро я этим займусь, но сегодня устроим себе выходной, лады? Я не хочу, чтобы вы выходили за пределы школьной территории, Нортон соберёт некоторых из вас в патрули, но сегодня можете расслабиться и отдохнуть. Поиграйте в футбол, искупайтесь в реке, сходите на рыбалку, почитайте книжку, всё, что угодно. Обед и ужин будут в обычное время, а к шести вечера буду рад вас здесь видеть. К тому времени, должна будет вернуться Матрона, и я уверен, она захочет с вами поздороваться. Но, до тех пор, валите отсюда и веселитесь. Заслужили.

— Тебе следовало бы носить красный мундир^[17], - пробормотал Нортон, когда я вновь

сел. — Идём, выпьем чаю с булочками на лужайке и сыграем в крикет. Может, даже, выпьем имбирного пива и вяпаемся в какие-нибудь передряги.

— Отвали.

— Есть, сэр, исполняю, сэр.

— Как рука?

— Болит невероятно, но не думаю, что травма серьёзная. Я её стерилизовал и зашил. Впрочем, в регби ближайшее время сыграть не смогу.

— Хочешь пойти со мной к Матроне?

— Не. Трястись верхом на лошади выглядит как-то не очень привлекательно. Останусь здесь, приму много-много болеутоляющих и применю свой увядающий дар сарказма на молодняке.

— Постарайся, чтобы Роулс тебя не пристрелил.

— Знаю! Когда он стал таким страшным?

— Полагаю, убил кого-то во время боя с Хилденборо. Есть у меня жуткое подозрение, что ему это понравилось.

Эта мрачная мысль прекратила наши шутки.

Когда я шёл мимо загона, на запасном поле начался футбольный матч; один мальчик шёл в сторону реки со снастями в руках; третьеклассники включили бумбокс, тратя заряд драгоценных батарей на прослушивание музыки на максимальной громкости. Было похоже на обычную субботу в разгар учебного года. Только детей меньше, и никаких учителей, способных испортить веселье.

Хейкокс пас лошадей. У нас их было уже пять, и все были просто счастливы пастись. Он переделал одну из старых конюшен под её изначальное предназначение, и теперь у животных появилось тёплое жильё, на случай, если погода изменится. У всех лошадей имелись свои сёдла и сбруя, которые Хейкокс постоянно полировал и смазывал. С тех пор как он стал ухаживать за лошадьми в одиночку, он стал действительно очень довольным мальчиком. Я ездил верхом с десяти лет, это был одно из дополнительных упражнений, которые школа предоставляла по выходным, но из-за раненого бока и больной ноги я решил, что это занятие дастся мне тяжело. Поездка на разведку в Айтхем и обратно превратилась в агонию; я был гораздо счастливее, когда мы шли туда *en masse*^[18].

Тем не менее, я попросил Хейкокса запрячь трёх лошадей для небольшой поездки. Он взял их за поводья и вывел во двор.

Оставалось одно дело, которое я откладывал всё утро, и больше откладывать уже не мог. Я прошёл через Замок в старую комнату директора. Дверь была заперта. Внезапно перед глазами встало изображение ключей в кармане Мака, вплавившихся в мёртвую плоть бедра среди дымящихся руин Айтхем Мот.

Удивительно, насколько креативным бывает воображение в своих попытках испытать вас, когда вы мучаетесь чувством вины.

Я выбил дверь ударом ноги.

Перед уходом Мак не сделал уборку, и всё его жилище было полно деталей его частной жизни, о которых я, признаться, не желал знать. На кофейном столике стояла недопитая бутылка виски, рядом с низкопробным выпуском «Barely Legal» и коробкой больших салфеток. На серванте стоял CD-плеер, а рядом книжный шкаф, на котором валялась гора батареек. В кухне царил вонючий бардак. Там стояла небольшая газовая плитка, на которой стояла кастрюля, рядом валялись консервы, в основном, печёные бобы и макароны с сыром.

В углу валялась гора пустых банок «Пот Нудл»^[19] — отличный маяк для крыс и тараканов.

В спальне на постели валялся наполовину свесившийся килт, открывая мятые грязные простыни. Нормальной рабочей прачечной у нас не было. Я сделал в уме пометку поставить этот вопрос в ранг приоритетных.

Над кроватью висел коллаж из прикрепленных фотографий. Снимков, казалось, были сотни. В основном, на них была изображена семья, но кое-где попадались друзья, а один угол был отведён под снимки миловидной девушки, которую я не знал. Мне и в голову никогда не приходило, что у него могла быть подруга.

Мне не хотелось здесь задерживаться, рассматривать его фотографии и видеть мятые простыни. Мне не хотелось, чтобы все эти вещи заставляли меня думать о нём, как об обычном человеке, позволяя своему воображению пытаться меня ещё сильнее. Но уже слишком поздно. Я знал, что в каких-нибудь кошмарах эта девушка явится мне, будет обвинять меня в убийстве и оплакивать обгорелый труп Мака.

Я со злостью принялся распахивать все шкафы и тумбочки. Я рылся среди нижнего белья и носков, точечных мазей, дисков, книг и футболок, пока не нашёл то, что искал — связку ключей от подвала. Я как можно скорее вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь. Оборачиваться я не стал.

Когда я дошёл до оружейной комнаты, меня уже ждал Роулс. Небольшая дверь, что вела в подвал, находилась под лестницей, которая изначально вела в жилые помещения для прислуги. Мак постоянно держал дверь на замке и под охраной. Я не считал, что нам потребуется охрана.

Я открыл дверь и включил свет. В подвале пахло сыростью и затхлостью. Мы спустились по каменным ступеням и оказались в коридоре с комнатами со сводчатыми потолками. Комнат оказалось шесть; все, кроме двух были битком забиты оружием, патронами и взрывчаткой.

Роулс без разрешения выбрал себе винтовку, снарядил магазин и вставил его на место. Вёл он себя совершенно непринуждённо, словно обращение с полуавтоматической винтовкой было для него самым обычным занятием. Я напомнил себе, что ему всего десять и задумался, сможет ли он оградить от оружия мальчиков постарше. Ослабит ли это нашу оборону? Ещё один повод для беспокойства.

Я был потрясён тем, насколько комфортно мне стало рядом с оружием, насколько естественно лежал «Браунинг» в ладони, словно, являясь продолжением руки, как будто и был создан для этого. Я не хотел быть человеком, который постоянно ходит с оружием. Я беспокоился, что при решении своих проблем буду рассчитывать именно на него. В конце концов, как верно заметил Мак, волочь меня в тюрьму за убийство некому. Единственное, что удерживало меня от правления при помощи оружия — это моя нацеленность не позволить этому случиться.

Однако мы выезжали из школы на неизвестную территорию. Кто знает, кого мы там встретим? Я неохотно взял холодный металлический пистолет и проверил, заряжен ли тот.

Я пообещал себе, что верну его в подвал как можно скорее.

* * *

Дым мы заметили задолго до того, как увидели ферму.

Роулс, Хейкокс и я ехали верхом с запада, однако нам пришлось привязать лошадей к забору и дальше продвигаться скрытно. Поначалу я решил, что, возможно, это дым обычного костра, кто-то жёг листья или мусор, но, когда мы подошли ближе, стало ясно, что это были угасающие угли более крупного пожара.

Я запаниковал и побежал. Моё нежелание носить оружие куда-то делось, когда я достал пистолет, но ещё до того, как добраться до фермы, я понял, что там не в кого стрелять и некого спасать. Ферма была заброшена.

Главное здание представляло собой руины. Вероятно, оно горело несколько дней. В траве перед домом валялась выброшенная канистра из-под бензина. Кто-то умышленно сжёг это место дотла. Остальные разошлись осмотреть хозяйственные постройки, а я вошёл через парадную дверь.

Напольное покрытие выгорело, а от поперечных балок остались только угольки. Пол первого этажа сгорел, впервые за две сотни лет явив свету подвал. Прохода туда не было. Я обошёл здание, заглядывая в пустые разбитые окна. Видел я лишь обгорелую мебель и обвалившиеся стены. Трупов я не нашёл.

Роулс доложил, что в амбарах пусто, но мы услышали крик Хейкокса и поспешили к конюшне. Когда я впервые увидел лежащее тело юноши с головой, частично отстреленной из дробовика, я не придавал этому значения; в конце концов, кровь была повсюду. Кровь говорила о том, что был бой, и что тело давно остыло. Я предположил, что он мёртв уже три или четыре дня, и случилось это, скорее всего, во время нападения на ферму. А затем я увидел, что волосы его были вымазаны кровью и желудок у меня скрутило. Кровь была не его.

Матрону и девочек забрали Кровавые Охотники.

Глава четырнадцатая

На ферму мы ехали лёгким шагом, но обратно летели таким галопом, какой только могли позволить лошади. Швы на боку начали расходиться. Я не обратил на них внимания.

Чтобы добраться до Айтхема ушло около часа. И я, и лошадь к тому моменту были измотаны. Хейкок выглядел так, словно наслаждался поездкой. Мы не могли просто взять и вломиться — там ещё могли оставаться выжившие Кровавые Охотники. Мы привязали лошадей к деревьям и пошли через лес, оружие наготове, глаза высматривают часовых или потерявшихся. Никого не было.

Дом всё ещё горел. Его деревянная часть обвалилась до первого этажа, где и подожгла всё оставшееся топливо. Дом представлял собой каркас, совершенно заброшенный, однако во рву валялось около двадцати тел. Мне совершенно не хотелось этого делать, но я должен был удостовериться, но я нашёл вентиль, которым регулировался уровень воды и выкрутил его до конца. Вода начала потихоньку уходить через шлюз. Когда её уровень стал по колено, мы прыгнули в ров и начали обходить здание вокруг, осматривая тела. Большинство сильно обгорело. Это было утомительное и страшное занятие, одно из самых неприятных, какими мне только приходилось заниматься. Среди мёртвых не было ни Мака, ни Дэвида, однако последним телом оказалась младшая сестра Анвина.

Значит, всё это время, пока мы спасали жителей Хилденборо, они находились здесь. Я взглянул на горящий дом. Они могли всё ещё находиться там, обугленные и мёртвые. Я мог быть лично ответственным за их смерть. Знать наверняка никак нельзя.

Мы с Хейкоксом выбрались из рва и обыскали округу в поисках признаков побега. Накрытых тентом грузовиков, которые я видел в Хилденборо, нигде не было, однако в щёбёнке в гараже виднелись свежие автомобильные следы. По крайней мере, кто-то сумел выбраться из пожара и уйти.

Сейчас они могли находиться за много миль отсюда.

Залегли ли они где-то ещё, чтобы зализать раны, или планировали отомстить?

Когда мы вернулись в школу, у ворот нас встретила охрана. После возвращения Роулса Нортон усилил караулы. Я оставил Хейкокса заниматься измотанными лошадьми, отправился напрямик в склад и распахнул дверь настежь. Наш пленный Кровавый Охотник скрючился на полу, раскачивался из стороны в сторону и бормотал в темноте. Я схватил его и вытащил наружу.

— Другие пленники! — выкрикнул я. — Почему ты не рассказал про других пленников?

Я тряс его, пинал, бил по лицу и кричал в лицо, но никакой реакции не добился. Он впал в забвение.

Час спустя, после того, как мы дали ему поесть и попить, он заговорил.

— Но вы же спрашивали только о пленниках из Хилденборо, — сказал он.

Снова появилось то самое желание, которому я всячески сопротивлялся. Желание кого-нибудь пристрелить.

Когда захватили Матрону и девочек, склеп был переполнен, поэтому их поместили в библиотеку, на южной стороне дома. Насколько ему было известно, когда мы напали, они всё ещё находились там. Больше он ничего нам рассказать не мог, поэтому его вывели за ворота и отпустили.

Затем я направился на поиски Анвина. Надо было сказать ему, что его сестра мертва.

За последующие месяцы мы обыскали всё вокруг. Мы нашли ещё шесть лошадей, Хейкокс обучил мальчиков верховой езде, и каждый день мы отправляли поисковые отряды из трёх человек. Спустя месяц мы исследовали всё вокруг на расстоянии дня пути, поэтому пришлось отправлять отряды с палатками. Двухдневные поиски перетекли в трёхдневные, но Кровавых Охотников, по-прежнему, нигде видно не было.

Со временем, поиски пришлось прекратить. Вероятнее всего, Матрона и девочки мертвы, Дэвид погиб во время взрыва, а грузовики забрали оставшиеся без вожака культисты, которые уже укатили далеко-далеко. Возможно, мы искали группу, которой больше не существовало. С реальностью было трудно ужиться, но нам предстояло двигаться дальше.

По мере того, как весна переходила в лето, школа начала возвращаться к тому, чем была изначально. Мы разбили огород и построили пару теплиц для фруктов и салата. Постепенно росли стада овец, свиней и коров, в ягнении и отёле принимали участие все мальчики. Бережливость Хиткоута сделала возможным, чтобы мы никогда не оставались без мяса, молока, сыра и масла. Река давала множество рыбы, а восстановленный рынок Хилденборо разросся настолько, что мы могли выменивать соусы, джемы и пироги.

Хилденборо выбрал Боба своим новым вождём. Мы наладили с ними крепкие связи, даже раз в месяц вместе играли в крикет. Несколько взрослых оттуда перебрались жить к нам, в основном, те, у кого были дети. Я чётко дошёл до взрослых, что главный здесь — я, и что они находятся здесь только с разрешения детей.

После одного базарного дня миссис Аткинс вернулась в школу с пузатым краснолицым мужчиной среднего возраста, и безо всяких церемоний и сомнений поселила его у себя в комнате. Его звали Джастин и вместе они превратили кухню в центральное место школы. Они постоянно что-то готовили, и мальчикам очень нравилось там зависать. Всё было так по-домашнему, мы все не испытывали этого чувства очень и очень давно.

Наши поиски не привели ни к каким следам Кровавых Охотников, однако нам удалось составить весьма подробную карту окрестных поселений и ферм. Мы наладили связь со всеми, кто позволил к себе приблизиться, и весьма скоро мы смогли наладить торговую сеть.

Как только я убедился, что в школе безопасно и всё идёт своим чередом, мы начали поиск новых рекрутов. Вокруг было полно осиротевших детей, живших своими стаями, или в приёмных семьях. К нам присоединилось семнадцать новых ребят, десять из них — девочки. Завязалось несколько неуверенных романов. Две женщины из Хилденборо вызвались преподавать, так что каждое утро по два часа было отдано занятиям. Никакого учебного плана у нас не было, и они учили всему, что нравилось им самим. Обе они вели себя естественно, поэтому, хоть посещение занятий и не было обязательным, они всегда собирали аншлаг.

Театральная труппа Грина также поимела громогласный успех. Они, в итоге, забросили «Наш городок», сочинили ревю и съездили с ним в Хилденборо и окрестные поселения. Они оказались нашими самыми лучшими посланниками.

Несмотря на солнце и царившую доброжелательность, военной стороной мы также не пренебрегали. Мы продолжали придерживаться строго оборонительного плана, с патрулями и сторожевыми постами, и каждую пятницу устраивали стрельбы и тренировки. Я

разработал ряд планов обороны на случай возможных нападений и тщательно натренировал мальчишек по каждой внештатной ситуации; если кто-нибудь придёт к нам повоевать, мы встретим его готовыми.

Время от времени до нас доносились истории о происходящем в большом мире, слухи о телевизионных трансляциях и об аббате, творящем чудеса, но топливо у нас давно кончилось, так что поймать сигнал мы не могли. Что бы там ни бурлило в городах, до нашей сельской местности оно не доходило. По крайней мере, пока. Так что мы продолжили строить свою тихую гавань и готовились встретить день, когда в нашу дверь вновь постучит безумие или новый порядок.

Я льстил себе тем, что оказался весьма неплохим вождём. Когда мальчишек что-то тревожило, они могли прийти ко мне и поговорить, а я старался изо всех сил разрешить споры и прочие вопросы. Мне кажется, я был доступен и честен. В коридорах Замка снова слышался смех, которого я никогда слышал, когда всем управлял Мак. Я рассчитывал, что Нортон и Роулс дадут мне знать, если я начну что-то делать не так, а те не стеснялись, по необходимости, вставить мне пару пистонов.

Когда раны зажили, я продолжил разрабатывать ногу, и заметил, что моя хромота стала менее заметна. От кольца Бейтса на щеке остался небольшой шрам, и Нортон шутил, что я стал похож на Экшн-мэна^[20]. Спустя пару месяцев, я начал чувствовать себя крепким и здоровым, как и прежде.

Разумеется, мои ночные видения покойников не прекратились.

И до сих пор нигде не было видно отца.

* * *

Я целых три месяца прожил, не беря в руки оружие.

Приятное ощущение.

Но долго оно длиться не могло.

* * *

Ферма Вудхэмса находилась в двух милях к юго-западу от школы. Ряд хозяйственных построек и сушилок в георгианском стиле населяли десять человек, которые после Отбора перебрались туда из Лондона. Они обнаружили, что там пусто, заселились и принялись управлять фермой, на которой раскинулись обширные сады и поля для выращивания фруктов, включая виноград и клубнику. Миссис Аткинс встретила их на рынке в Хилденборо, и те пригласили к себе на ферму на выходные Грина и его труппу. Мальчики устроили представление, а они, в ответ, оставили их у себя на ночь, накормили, и позволили взять с собой немного фруктов. Очень мило. Что могло пойти не так?

Джон был одним из наших новеньких. Его родители умерли, но с самого Отбора он жил в Хилденборо. Он был хорошим пианистом, поэтому Грин привлёк его к реву, и он отлично вписался. Труппа Грина отправилась на ферму Вудхэмса на телеге, запряжённой лошадьми, поэтому, когда Джонс посреди ночи приковылял к парадным воротам, охрана подняла тревогу.

— Я только взял первые аккорды «После ядерных осадков», как в дверь постучали, — рассказывал он. — Бен Вудхэмс пошёл открывать, мы услышали звуки борьбы у двери, а потом ворвалась толпа в балаклавах с оружием наперевес. Грин полез в драку и его сильно ранили. Мне удалось улизнуть посреди этой суматохи, и всю дорогу сюда я бежал. Было это где-то часа два назад. Вам надо спешить!

Я, Нортон, Джонс, Роулс, Хейкокк и новенький паренек по имени Нит, который всё время вёл себя, как солдат, за десять минут оделись, вооружились и сели в сёдла. Луны не было и мы ехали вслепую до самой ограды фермы, однако за занавесками видели мерцание свечей.

— Там семь мальчиков и десять взрослых, — сказал я. — Джонс говорит, что там четверо или пятеро вооруженных людей, так, Джонс?

Тот кивнул.

— Мы понятия не имеем, что там происходит, — продолжал я. — Возможно, они там просто грабят, возможно, им приглянулось место и они решили остаться, возможно много чего. Наше преимущество в том, что они не знают, что мы идём, так что внезапность на нашей стороне. Противник одет в чёрную одежду и балаклавы.

— Зачем? — спросил Нортон.

— Что?

— Зачем они носят балаклавы? Боятся скрытых камер или что? Бессмыслица же.

— Я не знаю. Наверное, для пущего эффекта.

Нортон это не убедило.

— Хейкокк и Нит, держите парадную дверь, — сказал я. — Не хочу, чтобы вы без необходимости подстрелили кого-нибудь из напавших. Если решат убежать, мешать не будем. Но если они попытаются выйти с заложниками, сделайте пару предупредительных выстрелов и заставьте их скрыться внутри. Надо попытаться их взять. Остальные, со мной. Когда они напали, все находились в гостиной, а это в передней части дома, поэтому зайдём сзади через кухню. Идти будем тихо и осторожно, высматриваем часовых. Пока они нас не заметят, используем ножи, а потом стреляйте на своё усмотрение. Не рискуйте, убивайте только по необходимости. Джонс знает дом, поэтому он пойдёт со мной впереди. Вопросы?

— Просто... будьте осторожно, ладно? — произнёс Нортон. — Мне всё это совсем не нравится. Как по мне, что-то тут не так.

Я хмыкнул.

— Какая банальщина!

— Я серьёзно.

Лошадей мы оставили на безопасном расстоянии и пошли пешком, достав ножи. На кухне горели свечи, но внутри никого не было. Дверь была не заперта и не скрипнула. Пока неплохо. Внутри до сих пор пахло ростбифом. Я жадно осмотрел груды грязной посуды и обошёл большой деревянный стол. Межкомнатная дверь была приоткрыта. Она вела в коридор, который вёл к парадной двери. Слева и справа тянулся ряд комнат, а в конце коридора слева лестница.

Я не слышал никаких голосов и никого не видел. Я жестом указал остальным оставаться на кухне, а сам аккуратно толкнул дверь и мне снова повезло — та не скрипнула. Коридор был застелен ковром, поэтому я решил рискнуть и подойти к двери в гостиную, та была приоткрыта. Я прижался к ней и прислушался. Полнейшая тишина. Я уже собирался проверить другие двери, как услышал внутри кашель, а затем, как кто-то попытался этот

кашель подавить.

Они находятся на удалённой ферме, стоит ночь, маловероятно, что кто-то придёт. Зачем же им сидеть тихо?

Я услышал тихий скрип позади и чуть левее себя. На лестнице кто-то был. Внезапно, я ощутил, как мир перевернулся, и осознал, что я тут совсем не охотник. Я — жертва.

Это была ловушка.

Оставался маленький шанс, что тот, кто ждал на лестнице, меня не заметил. Не глядя в ту сторону, я попятился обратно на кухню настолько тихо, насколько это было возможно.

И вдруг раздался ещё один звук, прямо позади меня. Кто-то открыл дверь между мной и кухней и вышел в коридор. Я обернулся и увидел одетого в черное мужчину, который смотрел прямо на меня. На голове у него была балаклава, а в руках обрез дробовика.

Он открыл рот, чтобы предупредить остальных и я бросился на него. В обычной ситуации я бы поднял оружие и приказал ему замереть. Но здесь творилось что-то странное, а я чувствовал себя загнанным в угол и напуганным. Я совершенно не собирался рисковать. Я поднял нож, левой рукой зажал ему рот и со всей силы вонзил лезвие ему между рёбер, отчего он даже приподнялся на цыпочках.

Я ощутил, как по руке полилась кровь, и посмотрел прямо в глаза человеку, которого в данный момент убивал.

Это был не мужчина, это был мальчишка. Я его узнал. Вольф-Барри.

За спиной у него не было стены и он завалился назад. Я пытался удержать его, чтобы не нарушить тишину, но он меня перевесил. Мы оба упали на пол, дробовик ударился и выстрелил, оставив в потолке две аккуратные дырки.

Твою мать, в кино почему-то всё всегда так просто. Я вновь убедился, что я никакой не профессиональный наёмный убийцы — да и не стремился я становиться таковым — но, ёб вашу мать, было бы неплохо не завалить всё дело в один момент.

Я увидел, что взгляд мальчишки, которого я только что убил, начал мутнеть. Я внезапно вспомнил, как встретил его в первый раз, в кабинете информатики три года назад. Вспомнил, как он что-то пошутил про директора, но что именно это была за шутка, я не вспомнил. Хотя, было смешно. Я считал его забавным. А теперь я пырнул его ножом в сердце, даже не раздумывая.

Я ощутил, как всё, чего я достиг за последние три месяца, исчезло в одно мгновение. Кого я пытался обмануть? Такова теперь моя жизнь. Не крикет, игры и уроки, а убийства, кровь и смерть. Я был глупцом, надеясь на иное.

С разряженным оружием и ножом в груди Вольф-Барри более не представлял угрозы, а поскольку наше присутствие здесь полностью и безоговорочно раскрыто, прятаться больше не было смысла. Я скатился с него, одновременно, пытаясь достать оружие, но запутался и у меня ничего не получилось. С лестницы, громко ругаясь, спустился человек, и, как только он вышел из-за угла, кто-то позади меня дважды выстрелил. Обе пули попали в цель, и он завалился на спину с парой дырок в груди.

Из гостиной послышались крики; Грин крикнул «Сюда!» и следом женский вопль. Однако из-за двери никто не вышел.

Не вставая, я ползком попятился в кухню. Дверь была распахнута настежь, в проёме стояли Нортон и Роулс, дымящиеся стволы их оружия смотрели в коридор, прикрывая мой отход.

— Ты был прав, это ловушка! — крикнул я.

Я добрался до двери и вскочил на ноги. Едва я встал, как с улицы, со стороны парадного входа, послышались выстрелы. Кто-то напал на Хейкокса и Нита, кто-то, кто ждал, пока мы зайдём, чтобы затем явить своё присутствие.

Я указал на мальчика, что лежал на полу передо мной, из его рта надувался кровавый пузырь.

— Это — Вольф-Барри, — сказал я.

— Так и знал, блядь, — ответил Нортон.

— А это, кажется, Пейтел, — продолжил я, указывая на труп у подножья лестницы.

— Грин, — крикнул я. — Ты там один?

— А ты как думаешь, блядь? — послышался ответ. Это Уайли.

Нехорошо. Совсем нехорошо.

— Мы приставили ствол к башке Нестояка, Киган. Если кто-нибудь из твоих рыпнется, я его мозгами стену залью. Уяснил?

— Чего тебе надо, Уайли?

— Надо? Я уже получил то, что мне надо — тебя. Вы окружены. Мои люди ждут снаружи в темноте. Нас тут десять человек, а вас сколько?

«Блядь, блядь, блядь».

Я услышал звук падающего на пол оружия позади себя, обернулся и увидел, как Джонс замер у черного хода, его глаза были шириной с блюдца. Пьюг держал нож у его горла.

— Бросайте оружие, — сказал он.

Никто не пошевелился.

— Я сказал, бросайте оружие!

Пьюг прижал лезвие к горлу Джонса, появилась тонкая струйка крови.

Мы бросили оружие.

— Теперь, на пол, — крикнул он. — Руки на голову.

Мы подчинились. Плитка на полу кухни была жёсткой и холодной.

— Ладно, командир, мы их взяли, — сказал он.

* * *

Десять минут спустя я уже сидел в столовой, привязанный к стулу. Остальных пленников держали за соседней дверью. Я заметил их, пока меня волокли сюда; у Грина на лбу здоровенный синяк, Нита убили у парадного входа, но остальные, вроде, целы. Там же находились все десять фермеров, дети из трупы Грина, а также Нортон, Джонс и Роулс.

Очевидно, меня усадили отдельно для особого обращения. Мне не хотелось загадывать, что там Уайли намеревался со мной сделать. Мои руки и ноги были тщательно связаны, никакой возможности скинуть эти верёвки не было вообще. Я никуда не денусь.

Уайли пододвинул стул, развернул его и сел лицом ко мне, сложив руки на спинку. Балаклаву он снял, нужды в ней уже не было. Он выглядел очень довольным собой. И имел право. Я покорно шагнул в его ловушку, словно какой-то любитель. Я бы пнул сам себя, если бы ноги не были связаны. Я решил, что лучшее, на что я мог надеяться, так это чертовски хороший пинок, и не видел причин продлевать агонию.

— Пейтел и Вольф-Барри мертвы, — произнёс я. — Остаёшься ты, Пьюг и Спейт. Так где остальные, Уайли?

— Это твои старые друзья, Ли, — ответил тот. — Искали возможность немного расквитаться. Строго говоря, я работаю на них, что-то вроде субподряда. Они хотели, чтобы я доставил тебя им. Как нехер делать, правда.

— Не похоже было, чтобы Вольфу-Барри понравился твой план, когда я всадил ему нож прямо в сердце.

Уайли выглядел раздражённым.

— Ему не следовало нарушать маскировку. Он должен был сидеть на месте, пока я не подам сигнал. Мудила.

— Не удивительно, что твои команды выполняются настолько беспрекословно. Ты прям полон сострадания.

Он улыбнулся улыбкой человека, который точно знал, что всё держит под контролем.

— Не пытайся выбесить меня, Ли. У меня есть приказы, и я намерен их придерживаться. Ты не можешь разозлить меня настолько, чтобы я совершил ошибку. Я должен доставить тебя в целости, и именно это я и собираюсь сделать.

Он встал, подошёл ко мне, склонился так, что вплотную приблизился ко мне.

— Но это ведь не значит, что я не могу тебе немного навредить, правда?

Он выпрямился, поднял правую ногу и наступил мне на яйца.

Нет смысла описывать эту боль. Если вы — женщина, вы и понятия не имеете, каково это, а если вы — парень, то и так прекрасно всё знаете. Достаточно сказать, что я немного покричал, немного повсхлипывал, а потом вырубился.

Обморок перетёк в сон. Утром Уайли разбудил меня, пнув по голням. Первое, что я услышал, не считая собственных ругательств, были крики снаружи дома. Он развязал мне ноги и провёл до парадной двери, у которой был припаркован уже знакомый тентовый грузовик. Двигатель был заведён и остальные пленники уже сидели в кузове. Все, за исключением мистера Вудхэмса, который лежал в траве, разрезанный от паха до горла, а вокруг него стояла группа мужчин, они совали руки в его внутренности и обтирали их об себя.

«Кровавые Охотники».

Пьюг и Спейт стояли в кузове грузовика, у них на груди висели пулемёты. Они старались не смотреть на кровавый ритуал, проходящий прямо рядом с ними. Пьюг выглядел не в себе.

Уайли силой затолкал меня в грузовик, затем туда же залезли шестеро Кровавых Охотников. Они сидели тихо и смотрели в пространство. Каждый держал мачете и пистолет. От них воняло скотобойней. Пьюг поднял задний борт, трое шестиклассников сели в кабину, и мы выехали с тропы на дорогу.

Оставшиеся девять обитателей фермы Вудхэмса сгрудились в дальнем конце кузова, находясь на различных стадиях истерики. Одиннадцать учеников школы святого Марка находились там же, руки связаны, все смотрели на меня в ожидании идей или надежды, пока мы катились по изрытым выбоинами дорогам. Я беспомощно пожал плечами. Однако Нортон поймал мой взгляд и подмигнул. Приятно знать, что хоть у кого-то имелся план.

Мы ехали около пяти минут, пока я не ощутил лёгкий толчок от Джонса, сидевшего рядом. Я ощутил, как что-то коснулось моих пальцев. Нож! Где, блин, он раздобыл нож? Я поднял взгляд и увидел, как Нортон ухмыляется мне. Он кивнул вниз и приподнял правую ногу. Под ботинком у него тоже лежал нож. Мне хотелось его расцеловать. Я оглядел лица остальных мальчишек. Все сидели с руками за спиной, словно, до сих пор были связаны, но

все они смотрели на меня, нервно и восхищённо. Господи. Они же все свободны!

Я схватил нож и принялся разрезать верёвки. Много времени у меня это не заняло — лезвие было острым. Я ощутил, как руки обрели свободу и поудобнее перехватил рукоятку ножа правой рукой. Я поднял взгляд. Все одиннадцать мальчиков смотрели на меня.

Одними губами я произнёс: «Раз, два, три».

Как один, мы вскочили с мест и бросились на Кровавых Охотников. Один перевалился через задний борт и шлёпнулся на дорогу, так и не поняв, что произошло. Я воткнул нож в глазницу другому, и, когда он завалился на брезент, выхватил у него мачете. Остальные четверо ничего не стоили против объединенной силы двенадцати мальчишек, однако задний борт всё ещё был закрыт, и они попытались этой силе воспротивиться. Один попытался дотянуться до оружия, но вес тел оказался настолько тяжёл, он сложил руки на груди, не в силах сопротивляться. Роулс раз за разом бил его, колотя обеими руками по его лицу, словно по боксёрской груше. Джонс боролся за владение мачете с другим мужчиной, которое нависало у него над головой. Но он был слишком слаб, чтобы не дать лезвию опуститься ему на голову и раскроить её. Пока Кровавый Охотник пытался вырвать лезвие, Хейкокс, которому каким-то образом удалось завладеть мачете, вернул долг, снеся тому голову с плеч одним мощным ударом. Нортон схватил обезглавленного мужчину и выкинул его за борт.

К этому моменту, Кровавый Охотник, которого бил Роулс уже был без сознания, и единственным, кто находился в вертикальном положении, из-за окружавшей его рукопашной схватки. Роулс, всё равно, продолжал его колотить. Остальные двое Кровавых Охотников были прижаты к заднему борту. Один бешено размахивал мачете, я заметил, что ему удалось перерезать горло молодому пареньку по имени Рассел, который в ревью Грина исполнял комические куплеты. Он с жутким визгом завалился навзничь. Другой Кровавый Охотник боролся с Нортонем за обладание пистолетом, пока его собственный товарищ, бешено размахивая мачете, не воткнул его ему в голову с тихим хрустом. Нортон спихнул его за борт, мачете так и осталось торчать у него из головы.

Оставшийся Охотник, теперь безоружный, попытался дотянуться до пистолета. И тут, он внезапно дёрнулся, скривился, его глаза расширились, а изо рта потекла струйка крови. Хейкокс выдернул окровавленное мачете из его грудной клетки и вытолкнул его за борт.

Дело сделано.

Я потянулся мимо Роулса, который продолжал избивать бездыханное тело, и схватил пулемёт, что лежал под Кровавым Охотником. Я протолкался сквозь толпу в переднюю часть грузовика.

— Всем лечь! — выкрикнул я.

— Ли, погодь, ты же не собираешься... — начал, было, Нортон.

Но я не дал ему закончить. Я переключил рычаг предохранителя и выпустил весь магазин в брезент перед собой, расстреливая кабину и в одно мгновение убивая Уайли, Пьюга и Спейта.

— Надо было сделать это с самого начала, — произнёс я, пока грузовик бешено трясся по дороге.

Машина налетела на канаву и перевернулась, а меня подбросило в воздух в переплетении конечностей. Послышался жуткий удар, хор криков, а затем наступила тишина и покой.

Я оказался под горой тел, уткнувшись носом в чью-то подмышку. Несколько минут ушло на то, чтобы все сумели распутаться и выбраться из грузовика на дорогу. Мы

огляделись.

Рассел и Джонс мертвы, одна девочка с фермы Вудхэмса сломала шею во время удара. У остальных были только порезы и синяки. Я достал магазин из пулемёта. Он был привязан к другому вверх ногами и был полон. Я перевернул его и вставил на место.

Нортон был в бешенстве.

— Хули это было, Ли? — выкрикнул он. — Нахуя ты их всех перестрелял? Это самое безумное, что когда-либо видел.

Я крепче сжал оружие, палец царапал спусковой крючок.

«Спокойнее. Тебе есть, чем заняться».

— Посмотри, где мы, — терпеливо произнес я.

Нортон осмотрел дорогу.

— И что? — неуверенно спросил он.

— Школа примерно в миле дальше по дороге. Мы доберемся за две минуты. Они везли нас в школу.

— Ох. — До него дошло, к чему я веду. — Ох, бля.

Я обратился к остальным мальчикам, те сидели у дороги и переводили дыхание.

— Слушайте все. Уайли исполнял приказы Кровавых Охотников. Его задачей было выманить меня из школы, а потом вернуть им. Но они везли нас обратно в школу.

— И что? — спросил Роулс. — Они хотели нас отпустить?

— Ты, что, не понимаешь? Пока нас не было, Кровавые Охотники напали на школу.

Пулемёт я отдал Вудхэмсам, дабы у них было чем защищаться по пути домой. Мёртвую девочку они забрали с собой. Одного молодого человека пришлось удерживать, чтобы он не набросился на меня. Когда его оттаскивали, он всё ещё продолжал кричать в мой адрес:

— Убийца! Психопат!

Я не мог его винить. Это я вызвал аварию, которая погубила её. Но, какой у меня был выбор? Я мог выстрелить над головами офицеров, приказать им свернуть на обочину, но тогда мы бы оказались очень близко от школы, в пределах досягаемости звука выстрела. Если бы мне пришлось стрелять снова, Кровавые Охотники могли услышать выстрелы и прибежать. Если, конечно, я прав и они в школе.

Ещё одна смерть на моей совести, но переживать о ней я буду потом. У меня есть дела.

Я обошел разбитый грузовик спереди и заглянул в кабину. Внутри я разглядел три тела, но я особо не приглядывался. Они не двигались, и я удовлетворённо решил, что они мертвы. С каких пор я начал думать о смерти с удовлетворением?

Я стал выше ценить точку зрения Мака; вероятно, я был недостаточно жесток, чтобы быть вождём. Моё решение отпустить четверых офицеров прямоком привело к четырём смертям. Разве, не лучше было бы их казнить?

Три месяца назад я не смог бы смотреть на подобное, но сейчас я выяснил, что мог. Возможно, причиной тому стало всё, чего я достиг за прошедшие три месяца. Когда я планировал свергнуть Мака, мои надежды строились на построении чего-то хорошего, но мои цели оказались неосуществимыми и слишком далёкими. Теперь они стали явью. Мы так многого добились, построили нечто ценное. Я чувствовал, что был готов пойти на всё, чтобы это защитить.

Хейкокса и Роулса я отправил обратно по дороге собрать оружие с тел убитых Кровавых Охотников. Когда они вернулись, у нас оказалось пять пулемётов, шесть мачете, и достаточно патронов, чтобы принять бой. Грин, Нортон, Хейкоккс и Роулс взяли огнестрельное, большие ножи мы раздали оставшимся в живых членам трупы Грина.

— Нужно убедиться, что они захватили школу, — сказал я. — Они, наверняка, расставили посты наблюдения и часовых. Нам надо выяснить, что творится внутри, но приближаться толпой мы не можем. Короче, Нортон, ты со мной. Пойдём через поля и выйдем к школе со стороны реки. Хейкоккс и Грин, я хочу, чтобы вы укрылись за этой живой изгородью и шли вдоль дороги, не высываясь, пока не дойдёте до школьных ворот. Подходите к ним только в случае, если точно уверены, что там всё в порядке. Это просто разведка, ясно? Мы не вмешиваемся и не высываемся. Роулс, отведи остальных в Хилденборо и жди нас. Как закончим, встретимся там. Всем всё понятно?

Мальчишки закивали.

— Удачи всем.

Чтобы добраться до границы школьной территории ушло полчаса, но увиденное нами оказалось совсем не тем, что мы ожидали. Мы ползли по лесу, пока не добрались до первого поста. Мы разглядели ствол пулемёта, но он был повернут в сторону школы. Я никак не мог взять в толк, зачем. Надо рассмотреть получше.

Оставив Нортонна наблюдать за постом. Я отполз обратно в заросли и разделся до трусов. Огнестрельное оружие я оставил, но мачете взял с собой, затем я добежал до реки и

скользнул в воду. Я немного проплыл по течению вдоль школьной территории. Когда я проплывал мимо первого поста, то увидел у стены тело мальчика. Ему перерезали горло. Я был прав, Кровавые Охотники напали и захватили этот пост. Но, зачем тогда направлять пулемёт в сторону школы... если только им не удалось её захватить!

Я проплыл дальше. У второго поста я ничего не увидел, а у третьего заметил двоих Кровавых Охотников, они смотрели в сторону школы и курили. Трупов нигде видно не было, но их волосы блестели от свежей крови. Я подплыл к берегу и какое-то время сидел там, выбирая, как поступить. Тайком или напролом? Я мог вернуться к Нортону, и отправиться в Хилденборо с тем, что удалось разузнать; либо я мог выбрать беспощадное убийство. Три месяца назад я бы о таком даже не задумался бы. Но я снова вспомнил о том, куда нас привёл мой отказ от убийств, и моя решимость окрепла. Больше нет смысла притворяться, будто я не хладнокровный убийца.

Пора начать действовать именно таким образом.

Я выбрался из воды, как можно тихо, и пополз к ним с ножом в руке. Секрет скрытого передвижения в лесу в том, чтобы держаться как можно ниже, не шаркать ногами, как при обычной ходьбе. Так можно избежать хруста веток, когда стоишь. Босой, я преследовал жертву.

Когда я подошёл ближе, то услышал их болтовню. Они пытались понять, нравится ли некоей девушке по имени Кэрол тот, что справа. Сам он думал, что нет, но его приятель был уверен в обратном, и убеждал его «подкатить». Жестокие религиозные фанатики, измазанные человеческой кровью, спорят о свидании. Они настолько увлеклись обсуждением, что заметили меня только, когда я прижал влажное холодное лезвие к горлу того, что справа.

— Привет, — прошептал я ему в ухо, когда он замер от страха.

Его приятель громко вскрикнул и подпрыгнул. Он прицелился в нас обоих.

— Тише, тише, — успокаивающе произнёс я. — Не спеши. Нажмёшь на спуск и твой дружок сдохнет. — «Плюс, сюда сбегутся все Кровавые Охотники». — Так, что опускай.

Он замер, не зная, что делать. Я сильнее прижал нож к шее человека передо мной, и тот застонал. Его приятель наклонил ствол и дослал патрон.

— И чего? — произнёс он, стараясь говорить более уверенно, чем чувствовал себя на самом деле. — Он чуть раньше обретёт вечную жизнь. Он мне «спасибо» скажет, когда мы снова встретимся.

— Эм, Роб, — заговорил тот, что стоял передо мной. — Он мне горло перережет.

— Он прав, знаешь ли, — сказал я. — Перережу. Так что, если не хочешь разбить сердце бедняжке Кэрол, брось оружие.

Роб уставился на меня, стараясь сохранить спокойствие. Но вскоре он опустил оружие и положил его на землю.

— Спасибо, — произнёс я и улыбнулся. — Теперь отбрось его ногой.

Он подчинился.

Минуту спустя, они уже оба лежали на земле, лицами вниз, руки на затылке. У меня не ушло много времени, чтобы заставить их говорить, гораздо больше времени ушло на то, чтобы поверить в сказанное ими. Когда я узнал, всё, что мог, передо мной встал выбор. Я был готов убить одного, чтобы разговорить второго, но убить их сейчас, означало убить без причины, вот так, просто.

Тем не менее, дальнейшие мои действия были ясны. Убить их, выпотрошить, измазаться

их кровью, столкнуть трупы в реку, затем прогуляться до следующего поста и убить всех там до того, как они догадаются, что я никакой не Кровавый Охотник. Повторить на всех оставшихся постах. Пока есть такая возможность. Это — самое безопасное, что можно сделать.

Я крепче сжал нож, стиснул зубы и приготовился ударить, но внезапно у меня перед глазами появилось выражение лица Вольфа-Барри, когда я вонзил нож ему в грудь. Я закашлялся. Я не мог этого сделать. Даже сейчас, после всего того, что я натворил, я не мог представить, что устраиваю кровавую баню, и неважно, насколько она необходима.

У меня появилось чувство, будто я провалил какое-то испытание.

Я приказал им раздеться, разрезал их одежду на полосы и крепко связал их. Затем я проплыл вверх по течению и вернулся к Нортону.

Мне было, что ему рассказать.

* * *

Той ночью я совершенно не мог уснуть. В пабе Хилденборо мы до хрипоты спорили, пытаясь разработать план, который не приведёт к тому, что мы окажемся висеть вверх ногами с перерезанными глотками. К тому времени, когда мы договорились о плане нападения, уже стемнело и все были измотаны. Нортон без возражений согласился на свою роль и ушёл в ночь выполнять поставленные задачи. Боб приготовил для нас кровати в том самом большом доме, где три месяца назад я дрался за свою жизнь. Необычно спать здесь, будучи почётным гостем.

Но, разумеется, я не мог спать. Раз за разом я проигрывал в голове тот день. Убийство Вольфа-Барри, стрельба по остальным, свисающая голова мёртвой женщины, когда её уносили прочь, вонь Кровавых Охотников, чувство, что мне следовало убить их прямо там, на месте, ноющее ощущение того, что я всё ещё не настолько безжалостен, насколько следовало бы. Знание того, что, если бы нами руководил Мак, всё было бы намного проще. И это не говоря о моих тревогах насчёт предстоящего дня, вероятности боя, ожидания очередных убийств, возможности моей собственной смерти и смерти моих друзей. Я боялся тех кошмаров, что мог принести сон.

Плюс, мне казалось неправильным спокойно спать, пока там, во тьме, Нортон рискует жизнью.

Так я и лежал, слушал сов и лис, жалея о том, что рядом нет отца, который бы принял командование за меня. Я жалел, что не мог снова стать ребёнком, что я не мог отступить в мир, где моими единственными тревогами были прыщи, запах пота, и будет ли девочка из старших классов смеяться надо мной, если я попрошу её встретиться со мной во время обеда и поесть чипсов на автобусной остановке. Такой должна была быть моя жизнь. Господи, да мне же пятнадцать лет. Вы когда-нибудь слышали о пятнадцатилетнем генерале? Ну, Александр Македонский, может. Что бы там ни было, к концу дня всё разрешится раз и навсегда. Либо я погибну и школа будет разрушена, либо Кровавые Охотники будут стёрты с лица земли, подобно чуме их породившей. Когда, наконец, забрезжил рассвет, я встретил его с некоторым облегчением; ожидание боя намного хуже, чем сам бой.

Завтрак прошёл в мрачной обстановке. Грин не сказал ни слова с тех пор, как мы его спасли. Он сидел на краю стола и ковырялся в беконе с яичницей. Хейкокс находился в

состоянии шока, пытаясь смириться с тем фактом, что вчера его жизнь изменилась с ухода за лошадьми на потрошение и отрубание голов. Мальчиков, которые входили в труппу Грина я практически не знал, но это были вычурные ребята, не умеющие сражаться, приунывшие из-за гибели своих друзей Рассела и Джонса. Боб был подавлен, поскольку ему пришлось потрудиться, убеждая мужчин Хилденборо присоединиться к нашему плану; в конце концов, во время нападения на школу у них погибли друзья. Но, в итоге, возможность отомстить Кровавым Охотникам склонила их на нашу сторону.

Единственным человеком, кто ел нормально, был Роулс. Он очистил свою тарелку, а затем ушёл за добавкой. Похоже, он вообще не переживал. Но, если приглядеться, можно заметить, что за его глазами нет жизни. Я беспокоился за этого пацана.

Закончив с едой, мы умылись и оделись. У меня, Роулса и Хейкокса имелась своя форма, остальным пришлось переодеваться в зелёно-коричневые одежды, которые Боб нашёл и навыпрашивал днём ранее. Мы встретились с новым ополчением Хилденборо во дворе перед домом и освежили план действий. Все получили оружие и распрощались друг с другом. Затем мы вышли на дорогу в сторону восходящего солнца.

Мы готовились вступить в бой.

* * *

Было что-то средневековое в установке палатки и установлении осады укреплённого замка. Но, поскольку Кровавые Охотники обходились без умных бомб, авиаударов и топлива, воссоздать забытое искусство войны казалось разумным.

Шатёр стоял за школьными воротами, по ту сторону стен, на траве, между дорогой и школьной оградой. Сами ворота лежали на земле, разбитые, их снесли грузовиком. Грузовик же валялся на боку метрах в двадцати за воротами. С водительской стороны кабины свисал труп. Пулемётное гнездо из мешков с песком оказалось разбито ударом, и я не имел ни малейшего представления о судьбе мальчишек, что сидели там. Кровавые Охотники собрали мешки, восстановили позицию, установили пулемёт и направили его в сторону выезда из школы.

Поскольку подъезд заблокирован, а на всех постах в тылу сидели люди, все подходы к школе были перекрыты. Однако длинная дорога спереди, игровые поля сзади, загоны и огороды по обеим сторонам не могли служить нападавшим укрытием, а значит, лобовой штурм представлялся форменным самоубийством. Тупик.

Кровавые Охотники намеревались заморить школу голодом до полного подчинения. А я не собирался давать им столько времени.

Я повернул бинокль в сторону Замка и с удовлетворением заметил Юнион Джек, свисающий из окна. Это был сигнал; Нортон пробрался мимо охраны и зашёл внутрь. Делать больше нечего. Пора начинать.

Я вышел из укрытия где-то за полмили и, как мог, небрежно направился напрямик к школе. Я пытался насвистывать, но во рту всё пересохло. У них ушла минута, чтобы меня заметить. Трое самых здоровенных парней, что мне приходилось видеть, вышли мне навстречу с оружием наизготовку.

Я ухмыльнулся им. Я хотел выглядеть уверенно, но, наверное, выглядел расстроенным.

— Отведите меня к своему вождю, — сказал я.

Так они и поступили.

По мере нашего приближения, у входа в шатёр начала собираться толпа. Целое племя людей, одетых в джинсы и футболки, шлёпанцы и кроссовки, с мачете и огнестрельным оружием в руках, с лицами, руками и волосами покрытыми человеческой кровью. Трудно было принять эту смесь обыденности и сюрреализма. Как и запах.

Я никогда не был верующим. Для меня это не имело никакого смысла. Однако я пел гимны и читал молитвы на школьных собраниях во время обязательной воскресной службы в часовне. Та религия, которой следовал я, выглядела вполне безобидно. Викарии были либо напыщенными занудами, либо молодыми людьми, которые пытались казаться крутыми, играя на гитаре, или что-то в этом роде. Один мальчик из моего общежития на летних каникулах начал посещать курс под названием «Альфа-курс»^[21], а к следующему семестру он бросил курить и вступил в школьное христианское братство. Но это не было настолько зловеще. И я это принимал. Это было ощущение принадлежности к общине, ощущение комфорта в вере, что в этом имелся какой-то смысл. Мне это было не нужно, но я понимал, что у других людей бывает наоборот.

Но такое... Подобное не умещалось у меня в голове. Насколько нужно быть ебанутым, чтобы считать, будто человеческая жертва спасёт твою бессмертную душу? Насколько нужно отчаяться, чтобы представлять, будто обтирание человеческой кровью — это хорошая мысль? Я гадал, были ли Кровавые Охотники лишь сборищем слабых напуганных людей, попавших в плен к харизматичному психопату, или они выражали нечто более глубокое, фундаментальное? Какую-то ацтекскую часть нашего нутра, если пожелаете.

Я словно бы шёл сквозь толпу марсиан. Я совершенно не мог понять этих людей. И внезапно я осознал, что совершил чудовищную ошибку, вломившись к ним. Потому что, как можно с кем-то разговаривать, если даже не понимаешь его язык?

Полог шатра откинулся и я вошёл внутрь. Воздух внутри был затхлый и влажный, пахло травой, потом и кровью. На полу лежали покрывала в окружении сумок, разнообразных вещей и гор одежды; маленькое гнёздышко Кровавого Охотника. Прямо посередине палатки расстелился длинный красный ковёр, а в дальнем углу на деревянном возвышении стоял трон. Я говорю «трон», но на самом деле, это большой деревянный стул, накрытый золотистым одеялом и красными бархатными подушками. На троне восседал Дэвид, одетый в элегантный костюм в полоску и шляпу-котелок. В одной руке он держал зонт. По обе стороны от трона стояли вооружённые охранники.

Меня подтолкнули на красную дорожку и я шагнул навстречу вождю Кровавых Охотников. Я не имел ни малейшего представления, чего ожидать. Чего я точно не ожидал, так это того, что он встанет, подойдёт ко мне, пожмёт руку и предложит чашку чая с куском пирога.

Однако именно так он и поступил.

— Мы же уже общались прежде? — спросил он, наливая «эрл грей» в чашку из китайского фарфора.

— Да, общались. — Он протянул мне чашку с блюдцем, я поблагодарил его. — В Айтхеме.

— Так я и думал. Вы из тех мальчишек, что напали на нас.

Я сделал глоток.

— Ага.

Мы сидели на обитых тканью стульях за столом из кованого железа. На столе стояло

блюдо с лимонным пирогом. Я не стал спрашивать, где им удалось раздобыть лимоны, а просто попробовал. Очень вкусно.

Представьте клоуна, выступающего перед детьми, его лицо покрыто гримом. Затем попытайтесь представить его, когда аплодисменты стихли. Он стар или молод? Уродлив или привлекателен? Невозможно сказать. Перед вами лишь лицо клоуна. То же самое касается Дэвида. Мне оказалось очень тяжело понять, как он выглядит, поскольку я видел лишь потрескавшуюся и осыпающуюся кровь, которой было измазано его лицо. От этого его стало сложно читать.

Очевидно, я распивал чай с безумцем. Но был ли опасен лично он? Убьёт ли он меня сам, без предупреждения, по прихоти, или из-за того, что я скажу что-нибудь не то? Или его опасность исходит только из его способности влиять на других? Ничего из этого я не мог прочесть по выражению его лица или холодных серых глаз.

— Итак, что я могу сделать для вас этим солнечным днём, юноша? — спросил он. — Возможно, вы желаете присоединиться к нам? У нас всегда есть место для раскаявшихся душ.

Он неискренне улыбнулся.

— Я пришёл просить вас уйти. — Даже после того, как я неоднократно прокручивал в голове эту фразу прошлой ночью, я никак не мог поверить, что произношу её вслух.

— Что, простите?

— Я хочу, чтобы вы оставили школу Святого Марка в покое. Просто уходите. Пожалуйста.

Он аккуратно отставил чай, водрузил локти на стол, и подпёр ладонями лицо.

— С чего бы мне так поступать? Там, внутри молодые невинные души, нуждающиеся в спасении. Я могу им его обеспечить. Я здесь лишь, чтобы помочь.

— А если им не нужно ваше спасение?

— Тогда они смогут помочь спасти других.

— В качестве источника крови.

— Или еды. Или и того, и другого. Их плоть и кровь — это священное таинство.

— Значит, для вас они всего лишь ресурс?

— Если они не внимут слову Божьему, да. — Он откинулся на стуле и пожал плечами, словно, говоря: «что я ещё могу сделать?».

Я решил зайти с другой стороны.

— Когда мы взорвали ту комнату, вы находились за дверью, — произнёс я. — Как вы выжили?

— За мной присматривали, — ответил Дэвид.

«Скорее всего, ты сбежал вниз по лестнице, когда услышал звон стекла», — подумал я.

— Но, если ваш культ благословлён, как же мы смогли сжечь ваш дом дотла?

Он рассмеялся, словно потакая ребёнку, задавшему поистине глупый вопрос.

— Вы не более, чем, простые посланники гнева Божьего. Он желает, чтобы я нёс Его слово всему миру. Я предал собственный призыв, задержавшись на одном месте. — Он обвёл руками вокруг себя, указывая на шатёр. — Теперь, как видите, мы мобильны! И в ходе нашего бесконечного путешествия мы спасаем гораздо больше душ. Всё, благодаря вам.

— Пожалуйста. Так, почему бы не двигаться дальше? Зачем осаждать школу, когда вокруг ещё много мест, нуждающихся в спасении?

— Может, я и святой человек, но я не отказываю себе в маленькой мести. Вы убили

моих учеников, встали на пути у меня и моих последователей. Такое не может остаться безнаказанным.

— Сегодня многие умрут. Очень многие. И ваши и мои. Мужчины, женщины, мальчики, девочки. В этом нет необходимости. Вы можете просто уйти.

— Мы не станем.

«Первый удар».

— Ладненько, тогда позвольте обитателям школы уйти, и всё здание ваше, сделайте его своей новой базой. Без арендной платы. Оно ваше.

— Вы не слышали, что я только что сказал? Теперь мы мобильны. Вот так и должно быть.

«Второй удар».

— Тогда берите меня.

— Что, простите?

— Забирайте меня. Слейте мою кровь, съешьте меня, делайте, что хотите. Я не стану сопротивляться. Но оставьте школу в покое.

— Мой дорогой юноша, вы уже мой. Какая моя выгода в этой сделке?

«Третий удар».

Ну, что ж, ладно. Я предоставил ему возможность, сделал всё, чтобы избежать кровопролития. Иных вариантов, кроме драки, не осталось. Проблема в том, что мой план был основан на том, что я останусь снаружи. А я тут застрял, в этой здоровенной палатке. Надо быть более находчивым.

— Сколько вы привезли сюда людей и оружия? — спросил я.

Дэвид улыбнулся. Не очень приятно.

— Множество и множество, — ответил он.

Я сделал вид, словно обдумываю его слова.

— Тогда, возможно, я смогу к вам присоединиться?

Наконец, мне удалось его удивить.

— Вы желаете влиться в паству спасённых?

— Я не желаю умирать, так, что, да. Пожалуйста.

— Вы понимаете, что влечёт за собой вступление в ряды спасённых?

— Я слышал о ритуале кровопускания. Поправьте, если ошибаюсь. Из пленников, или если тот, кто присоединяется, считается особо ценным, из числа уже спасённых, выбирается жертва. Двое мужчин держат жертву, а кандидат раздевается догола, перерезает жертве горло и сливает кровь в чашу. Когда чаша наполняется, он выпивает кровь. Затем тело переворачивают и вскрывают. Вы погружаете руки во внутренности жертвы и рисуете кровью на груди кандидата крест. Кандидат берёт нож, режет себе запястья, окропляет кровью ваши ладони, и вы умываетесь ею. Я прав?

— И вы будете рады пройти ритуал спасения?

— Если это будет означать, что я останусь в живых, да.

— Хотите, поведаю вам тайну?

— Будьте любезны.

Он подался вперёд и заговорщицки прошептал:

— Вы не очень хороший лжец.

— Я вам не лгу. Клянусь, я присоединюсь к вам, если позволите.

— Если вы так хотите присоединиться, зачем вы убили моих учеников, которых я

послал доставить вас ко мне? Мы вчера нашли их тела на дороге. А зачем было нападать и связывать двоих моих людей у реки? Нет, я считаю, это больше похоже на некий план, начало которому положено этим разговором. Вы, правда, решили, что мы уйдем, если вы вежливо попросите?

Слово «вежливо» он выплюнул мне в лицо, словно ругательство, и в его глазах, внезапно, вспыхнула искра яростного безумия.

— Я надеялся на это. Надо же было попытаться, разве, нет?

Ярость сменилась презрением.

— Вы видите себя вписанным на страницы истории, не так ли? — Он хмыкнул. — Полагаю, вы воображаете себя героем, который врывается во вражеский лагерь, выманивает злодея и убегает, чтобы сразиться в другой. Так? Но вы ошибаетесь. Мой крестовый поход свят и праведен, а вы ни что иное как невежественный язычник. Я связал своих последователей верой, кровью и силой своей воли. Я веду их к славе и спасению. Вы и не представляете, какие испытания я перенёс, какое противодействие преодолел, каких демонов изгнал. Я — герой этой сказки, мальчик, а не ты. Ты всего лишь примечание. Ничего более.

Он был впечатлён собственной речью.

— Я не знаю, что ты со своими бойскаутами там запланировал, но заверяю тебя — всё это бесполезно, — разглагольствовал он. — У тебя нет сил, которые ты мог бы призвать. Мы окружили школу, все твои мальчики, всё твоё оружие осталось внутри. Они не смогут атаковать нас по той же причине, почему мы не можем атаковать их — их перебьют раньше, чем они добегут до стены. И если дойдёт до драки, что я считаю маловероятным, мои люди перевешивают твоих числом два к одному, и не боятся умереть. Ты увидишь, как они сражаются. Это прекрасно. Они без раздумий бросаются в самую гущу событий. Они великолепны!

Мессианский пыл Дэвида впечатлял, но меня он не сильно убедил. Я подумал о тех двоих, что я допросил у реки днём ранее. Слово «великолепны» не входило в число тех, каким я бы их описал; это всего лишь напуганные идиоты, которые были рады примкнуть к какому-нибудь племени. Очевидно, у них имелось некое жёсткое ядро из людей, вроде того, что я убил в Хилденборо, который дрался до последнего, но я был уверен, что если убрать Дэвида из этого уравнения, большинство Кровавых Охотников разбежится. По крайней мере, я на это надеялся. Весь мой план был основан на этом.

— Вы... вы правы, — сказал я, стараясь не переигрывать. — Я знаю, у нас нет ни шанса. Я блефовал. Мы не сможем перебороть вас, не таким способом.

— Не верь ни единому его слову, Дэвид, — раздался позади меня знакомый голос. — У него есть план.

Я обернулся посмотреть на вновь прибывшего. Парни, которых я допрашивал на посту, сообщили, что Мак здесь, поэтому я ожидал вновь встретиться с ним лицом к лицу. Но, к тому, что предстало перед моими глазами, я готов не был. При виде этого человека я отшатнулся.

Его волосы сгорели, лысая голова почернела и была покрыта шрамами. Левая сторона лица также представляла собой обгорелую плоть, она провисала, что говорило о том, что мышц там не было. Левый край губ тоже обгорел, обнажая зубы, отчего складывалось впечатление, что он постоянно отвратительно и презрительно ухмылялся. Левое ухо превратилось в рваные лохмотья, а левый глаз выпал, на его месте зияла чёрная глазница.

Левая рука заканчивалась в районе локтя, но в правой он уверенно держал пулемёт. Он был похож на зомби.

Но не внешний вид Мака заставил мою кровь застыть, а сердце замереть.

Рядом с ним стояла Матрона.

И её лицо и волосы были измазаны кровью.

Глава шестнадцатая

— Послушай, — сказал я. — План простой.

— Слишком простой, как по мне, — сказал Боб.

— Твой человек, действительно так хорошо стреляет, как ты говоришь... да, или нет? — спросил я.

— Он превосходен, бляха, — ответил он.

— У него есть какие-нибудь сложности со стрельбой по людям?

— Нет, — мрачно отозвался Боб.

— Тогда, он — наша лучшая цель. Ой, прости. Я не со зла.

— А ты уверен, что сработает? — спросил Роулс.

— Кровавые Охотники держатся на культе личности. Следовательно, если устранить вождя, остальные не будут знать, что делать. Всегда есть вероятность, что они просто разойдутся.

— Поверить не могу, что это — наш лучший план. Надеяться, что они разойдутся. Господи, — пробормотал Нортон.

— Ты говоришь, он никогда не выходит из палатки, так, как ты вытащишь его наружу? — спросил Боб.

— Буду импровизировать. Главное, убедись, что твой человек будет готов. Едва Дэвид ступит наружу, я хочу, чтобы он умер. Затем, пока они будут бегать вокруг, размахивать руками и вопить, вы выйдете на дорогу и встанете строем, с оружием наизготовку. Только не стреляйте без крайней необходимости. Нортон, ты поведешь мальчишек из школы, и вы поступите точно так же. Когда их главарь умрёт, а мы зажмём их с двух сторон, демонстрируя силу, тогда есть вероятность, что они сдадутся.

— А Мак? — спросил Нортон. — Мы же не ждём, что он просто так уйдёт, правда?

— Нет. Я, честно говоря, не знаю, что он будет делать. Он — тёмная лошадка.

* * *

Матрона стояла и целилась в меня, пока Мак и Дэвид отошли в сторону и тихо беседовали, периодически поглядывая на меня. Я продолжал сидеть. Я взглянул на Матрону, пытаюсь выявить признаки того, что она действует по принуждению. Ничего.

Вскоре Дэвид вернулся за стол. Мак встал позади него, его изогнутый рот исказился в зловещей ухмылке. По его лицу было сложно что-то прочесть, как и по лицу Дэвида, вероятно из-за того, что части этого лица просто не существовало. Однако он что-то затеял, и мне это не нравилось.

— После прений с братом Шоном, я решил удовлетворить вашу просьбу присоединиться к нам, — произнёс Дэвид.

«Что ещё за нахуй?»

— О. Эм... Благодарю.

— Если вам нужно время на подготовку, сестра Джейн побудет с вами в уединении до назначенного часа.

— Отлично, спасибо, — произнёс я, смущенный и полный подозрений. — Обещаю, вы

об этом не пожалеете.

В итоге мы с Матроной присели на траву в углу палатки, прикрытые от посторонних глаз импровизированной ширмой из одеял, брошенных на деревянные стойки.

Я столько хотел сказать. Джейн Кроутер была весёлой и живой; она умела за себя постоять и ни от кого не терпела никакой херни. Неужели эта пустоглазая прислужница, и в самом деле, она?

— Прости, — вскоре произнёс я.

Она взглянула на меня. Было сложно разобрать, но мне показалось, что она смутилась.

— Если бы я раньше разобрался с Маком, то раньше вернул бы тебя в школу. Они бы вас никогда не нашли.

— Хвала небесам, что нашли, — произнесла она. — Ведь, я спасена!

«О, боже, нет!». Я ощутил, как по щекам покатились слёзы.

— Ай, — вскоре сказала она. — Я шучу.

Я ни разу в жизни не испытывал такого облегчения. Не считая того случая, когда чуть не погиб на эшафоте. По размышлении, тот случай, пожалуй, превзойдёт этот. Однако я был чертовски доволен. Мне хотелось обнять её, но она оттолкнула меня.

— Лучше не надо. Я, типа, воняю. Кровь, все дела, — прошептала она, осторожно, дабы никто не подслушал нас с той стороны одеяла.

— Да, насчёт этого. Всё хотел спросить, с чего это ты вся покрыта кровью, ходишь с оружием и околачиваешься с толпой шизанутых религиозных каннибалов?

— Я теперь верный последователь, Ли. Должна быть.

— Почему?

— Девочки у них. Теперь с Дэвидом путешествует около сотни человек, и у некоторых такое физическое состояние, что они нуждаются в уходе. Им нужен доктор, поэтому меня оставили в живых. Но, когда они меня принимали, я чётко дала им понять, что если девочкам чем-то навредят, я покончу с собой. Пока я с ними сотрудничаю, девочки остаются живы и их никто не трогает. Их держат в обозе, который каждую ночь останавливается в миле от основной стоянки, поэтому я и не пыталась их найти.

— Но ты же не врач.

— Ты не всё обо мне знаешь, Ли, — нетерпеливо бросила она. Видимо, я задел её. — Я три года училась в медицинском училище.

— Тогда, зачем...

Она перебила меня.

— Сейчас уже неважно. Это было в прошлой жизни.

Я взглянул в её измазанное кровью лицо.

— Тебе пришлось обратиться?

— Да. Таково было условие.

Она кивнула.

— В качестве жертвы избрали Кровавого Охотника. Было несколько проще. С пленником я бы так поступить не смогла. Бог знает, что бы тогда с нами стало, но я бы не смогла... — Она прервалась, не в силах продолжить.

— Значит, девочки в безопасности, а ты стала доктором у культистов, так?

— Ага.

— Не очень-то хочется спрашивать, но Мак?..

— Да, я его залатала. Не самая приятная работёнка, он два раза умирал у меня на столе,

но, в итоге, я справилась. Полагаю, он выжил на чистой силе воли. Он очень-очень зол на тебя, Ли.

— Да ну нахер, Шерлок. Но нахуя ты его спасла?

— Это моя работа. Я спасаю людей. Вот, чем я занимаюсь. Я стараюсь... стараюсь не убивать людей.

— Как ты могла, после того, что он сделал?

— А как я не могла? — с яростью бросила она.

Я не знал, что на это ответить.

— И он — правая рука Дэвида?

Она вздохнула.

— Да. Когда я его залатала, он попросил о вступлении, и Дэвид разрешил. Сказал, что он принёс послание Божье и заслужил спасение. Для его посвящения выбрали ребёнка. Девочку, не старше пятнадцати. Он ни секунды не сомневался. А потом он начал по-новой.

— Что начал?

— Прогрызать себе путь. Лезть вперёд, проявлять инициативу, решать задачи. За свой первый месяц он привёл больше пленников, чем они сами за предыдущие три. Их стратег погиб во время нападения на Хилденборо. Мак решил, что место свободно и занял его. Теперь Дэвид очень на него рассчитывает.

— Значит, ему следует за ним приглядывать. Иначе, окажется распятым раньше, чем сам это поймёт.

— Это не так просто. Здесь у Мака нет той же власти. Он не сумел собрать свою банду приспешников. Все здесь верны в первую очередь Дэвиду. Это Мак убедил Дэвида прийти сюда, он же разработал план нападения. Думаю, он несколько недель назад споткнулся о, назовём их, офицерами, за неимением лучшего слова, и вместе они предложили план. Выманить тебя, напасть, пока тебя нет. Он был в бешенстве, когда штурм школы провалился. Он не ожидал столь организованного сопротивления. Боже, а когда вчера утром он нашёл в грузовике трупы мальчишек. Это ты сделал?

Я рассказал о том, что случилось с нами на ферме и потом. Когда я рассказал ей об убийстве Вольфа-Барри, она поступила очень странно. Она протянула руку и потрепала мои волосы.

— Бедненький, — сказала она, её голос был полон сострадания и печали.

Мне внезапно стало очень неудобно.

— Это было необходимо, — неловко произнёс я. — Я сделал то, что должен был.

Она кивнула, без слов. Но продолжила держать меня за руку.

— Так, что насчёт разрешения Дэвида обратить меня? — спросил я.

— Не знаю. Что бы там ни было задумано, ничего хорошего ждать не стоит.

— Но, ритуал же будет проходить снаружи?

— Обычно, да. Как только выйдем наружу, всё и начнётся. Если повезёт, полноценной перестрелки не будет, но если будет, я хочу, чтобы ты как можно быстрее бежала через дорогу. Там, в живых зарослях, в нескольких метрах левее от школьных ворот есть лазейка. Тебя там будут ждать, и, если потребуется, прикроют огнём.

Она кивнула.

В этот момент одеяло откинулось и на нас уставился Мак.

— Как идёт воссоединение? — прохрипел он.

— Что, прости? — переспросил я. — Я что-то не расслышал. Не мог бы ты говорить

немного чётче, пожалуйста?

Он с яростью посмотрел на меня. Тяжело говорить, когда губы частично обгорели.

Я встал и протянул руку.

— Привет, Мак, отлично выглядишь. Без обид, да?

Я опустил взгляд и изобразил удивление, не увидев руки.

— Ой, прости.

Я притворно смутился.

— Идём со мной, — сказал он, изобразив нечто, похожее на улыбку.

Снаружи палатки собралась толпа, нас с Матроной провели сквозь неё к открытому месту, где стоял Дэвид. Толпа — это совсем нехорошо. Среди такого сборища снайпер не сможет как следует прицелиться в Дэвида. Я судорожно соображал, но на ум ничего не шло. Возможно, в итоге придётся пройти через весь ритуал.

— Ты выбрал сегодняшнюю жертву, Дэвид? — спросил Мак.

Что-то в его тоне вызвало у меня ещё большее беспокойство.

— Я решил внять твоему совету, брат Шон, — ответил Дэвид.

Толпа разделилась, вперёд вышли двое мужчин, ведя за собой мальчика. Это был Хиткоут. Теперь я понял, что стало с мальчиком, сидевшим за пулемётом у школьных ворот. Его лицо было залито слезами и соплями, он хныкал. Он выглядел совершенно остолбеневшим. Он увидел меня, на его лице, на мгновение отразилась надежда, но он быстро догадался, что происходит, и издал низкий стон животного ужаса.

— О, боже, нет, боже, нет, боже, нет, пожалуйста, нет, — забормотал он.

Сопровождающие вывели его на центр поляны и силой поставили на колени. Когда он встал на колени, я заметил, что руки его связаны за спиной. Один мужчина схватил его за волосы и запрокинул голову, обнажая голую шею. Хиткоут замолчал, слишком напуганный, чтобы даже хныкать. Он знал, что сейчас умрёт. Когда он посмотрел на меня, я заметил в его глазах смесь страха и мольбы, и почувствовал, что меня сейчас стошнит.

Я был настолько парализован, что не заметил, как позади меня встал Мак. Его присутствие я заметил, лишь, когда он зашептал мне на ухо.

— Тебя не было, когда мы преподали этой сучке урок. Тебя не было, когда мы казнили тех, из Хилденборо. Я сделал тебя своим заместителем, но ты этого даже не заслужил, не так ли? Никогда не марал рук. Или член, без разницы.

Я сжал кулаки. Нельзя поддаваться на его провокации. Надо придумать, как из этого выбраться.

— Для тебя всё было слишком просто, — продолжал он. — Интересно, будь ты тогда там, застрелил бы ты пленного?

Я повернулся к нему, злой.

— Нет, не застрелил бы. Я не живодёр.

Мак хмыкнул.

— Всё те же речи, Ли. Кого ты пытаешься убедить? Следовало бы тебя предупредить, меня трудно развести. Это меня ты предал, хладнокровно выстрелил и бросил умирать, не забывай. Бейтс тоже мог бы с тобой не согласиться. Также, полагаю, вчера ты убил одного из моих офицеров. Так, в чём же разница между убийцей и живодёром? Потому что ты, определенно, убийца.

Я просто смотрел в его единственный глаз.

— Нечего ответить? Что ж, давай-ка устроим проверку. У тебя есть выбор. Хочешь

жить, убей Хиткоута. Возьми нож, перережь ему горло, посмотри, как он будет умирать. А потом ты должен выпить его кровь. В этот раз, если хочешь быть в моей банде, придётся заслужить. Если откажешься, я прострелю тебе коленки, подвешу за ноги и солью кровь.

Дэвид снисходительно улыбался нам обоим. Он не мог слышать, что Мак нашёптывал мне в уши, однако позволял своему приспешнику немного повеселиться.

— И чему же этот урок должен меня научить? — спросил я.

— Тому, что ты не способен делать то, что должно, — ответил Мак. — Если ты убьёшь Хиткоута и присоединишься к нам, тогда я не смогу тебя тронуть. Ты будешь под защитой, как член братства. Тогда ты сможешь разрабатывать планы, схемы, что душе угодно. Попытаться скинуть его, как меня. Можешь даже убить его. Что угодно, мелкий ты извращённый пиздюк. Возможно, даже у тебя появится шанс спасти школу. И Матрону, и девочек. Но только, если будешь жить. А жить ты будешь, если убьёшь Хиткоута. Пожертвуй им, если хочешь спасти других, или пожертвуй собой, чтобы сберечь совесть. Выбирай.

Он вложил мне в ладонь охотничий нож.

— Ты обманом пробил себе путь к руководству, даже не принимая сложных решений. Вот так выглядит руководство, Ли; готовность, при необходимости, отправить людей на смерть, способность убить без угрызений совести и сомнений, если потребуется. Покажи, из чего ты сделан.

Он отступил назад, держа ладонь на рукояти пистолета.

Нож, словно свинец, тяжело лежал в руке. Я смотрел на Хиткоута широкими напуганными глазами, а он незаметно покачивал головой, будто пытался отрицать происходящее. Я огляделся, осмотрел море окровавленных, замерших в ожидании и волнении лиц. И Дэвид, удивлённый, но привлечённый моими сомнениями.

— Давайте-давайте, юноша, — резко бросил он. — Вы знаете, что делать, если хотите к нам присоединиться. Забейте скотину. Заслужите спасение. Оберегите себя.

Я подумал о двух мужчинах, которых связал на посту. Если бы я убил их и разобрался с рубежами на реке, мы бы смогли эвакуировать школу незаметно для войск у ворот.

Я подумал об офицерах, которых освободил. Если бы я их не отпустил, то Бен Вудхэмс, та девушка, Рассел и Джонс остались бы в живых.

Я подумал о Маке. Если бы я убил его до того, как он захватил власть, тогда Матрона не пережила бы своих испытаний, и было бы спасено бессчётное количество жизней.

Если бы я делал то, что необходимо, очень многие остались бы живы.

Каждый раз, когда я сохранял кому-то жизнь, становилось только хуже. Мак был прав. И Хиткоут всё равно умрёт.

Я подошёл, склонился над дрожащим мальчиком, прошептал: «Прости» и перерезал ему горло. Всё это время я не переставал смотреть в лицо Маку. Даже на изуродованном, на нём явственно читалось выражение триумфа. Это было самое ужасное зрелище, что мне приходилось видеть.

Он изобразил аплодисменты, пока вся толпа запела осанны.

Когда я выпрямился, то заметил в толпе Матрону. Она плакала. По её щекам текли красные слёзы. Только в этот миг я осознал, что сам плачу.

Двое мужчин держали Хиткоута, пока тот бился и дёргался в предсмертных судорогах, и собирали льющуюся из его горла кровь в самую обычную салатницу. Когда его судороги, наконец, прекратились, а чаша наполнилась свежей кровью, Дэвид шагнул вперёд, взял чашу и протянул мне. Он поднёс её к моим губам. Мои ноздри наполнились металлическим

ароматом скотобойни.

— Выпей крови агнца, и переродись до самой души, — произнёс он.

Он не осознал, что я уже переродился.

Я сделал два коротких вдоха и подался вперёд, чтобы отпить.

В тот же момент я крепче сжал рукоять ножа и изо всех сил ткнул Дэвида в грудь, целясь в сердце.

Лезвие отскочило от пуленепробиваемого жилета, который Дэвид носил под пиджаком, и упало в траву.

И тогда разверзся ад.

Глава семнадцатая

Я не ожидал, что выживу. Если бы выбор стоял чётко — убить Хиткоута, или умереть самому — мне хочется думать, что я выбрал бы собственную смерть.

Беда в том, что у меня был нож, а Дэвид стоял в трёх метрах от меня. Если я дёрнусь в его сторону, меня пристрелят ещё на полдороги. Единственный способ убить его — это вынудить подойти ко мне. А единственный способ этого добиться — это убить Хиткоута и продолжить ритуал. Я понимал, едва я перережу горло этому бедолаге, это будет мой единственный шанс убить Дэвида. Уговор такой. Разумеется, секунду спустя после того, как мой нож пронзит сердце этой сволочи, мне прострелят голову. Я был не против.

Однако он не умер. Как и я. И мне придётся жить с тем, что я хладнокровно зарезал собственного друга. Уснуть мне не давали другие кошмары, но молящий шёпот Хиткоута будет вечно звучать у меня в ушах.

* * *

— Ой, — произнёс Дэвид, ухмыляясь.

Затем он пнул меня коленом по яйцам. Я скрючился, и он снова ударил меня коленом, на этот раз, по лицу, разбив нос и опрокинув на спину. Я споткнулся и упал. По толпе пронёсся рёв, и все бросились на меня. Повсюду мелькали ноги и руки, слышались крики и вопли. Ботинки впивались в каждый сантиметр моего тела, мне удалось поднять локти и прикрыть голову, но толку с этого было мало.

Я услышал жуткий хруст, и моя рука переломилась надвое. Я закричал в агонии, в голове всё поплыло. Возникло ощущение, будто я воспарил над землёй. Я начал отходить.

Затем началась стрельба. Побой прекратились практически мгновенно, крики злобы сменились воплями страха. Я услышал слева и справа топот бегущих ног, резкий настойчивый стук пулемёта, окрики Мака и Дэвида, отдающих приказы. Всё моё тело болело, а рука просто выла в агонии. Голова была в два раза больше. Я попытался восстановить дыхание. Нельзя в таком виде валяться на открытом месте. Затем я почувствовал, как меня подхватили под руки и подняли. Я открыл глаза, но перед глазами мелькали лишь разноцветные пятна; сплошная бессмыслица. Меня так часто били по голове, что возникло ощущение, будто мозг в черепе болтается по сторонам. Кто бы мне ни помогал, но ему удалось поставить меня на ноги, и я сделал несколько неуверенных шагов.

— Вниз!

Матрона.

Она толкнула меня вперёд и я распластался на траве. Приземлился я на большую руку и тут же вырубился.

Когда я вновь пришёл в себя, то понял, что снова двигаюсь, ковыляя следом за Матроной, которая меня поддерживала. До меня доносились звуки боя, но я не мог сказать, где он происходил. Находились ли мы в самой гуще, или оставили её позади? Я ощутил, как по лицу скользнула ткань, и меня втолкнули в палатку. Зрение начало потихоньку проясняться, я начал различать формы и цвета.

— Сиди здесь, — сказала Матрона, сажая меня на стул.

Зрение и слух продолжали восстанавливаться. Снаружи творилась натуральная мясорубка. Прибежала Матрона с аптечкой.

— За руку держишься, она сломана?

Она тяжело дышала и постоянно оглаживалась через плечо в сторону выхода из палатки.

— Похоже.

— Будет больно — предупредила она, взяла меня за руку и слегка её повернула, пытаясь найти место перелома и вправить кость.

Я снова вырубился.

Когда чувства вновь вернулись ко мне, моя рука висела на перевязи и была крепко примотана к груди. Я поднял взгляд и увидел, что Матрона боролась с нападавшим. В глазах всё ещё по-прежнему плыло, и деталей рассмотреть я не мог, но я видел, что она проигрывала. Я огляделся в поисках оружия и увидел у своих ног аптечку. Я наклонился и поднял её здоровой правой рукой. Я попытался встать, но ноги были как желе. Я сумел подняться, но завалился набок и упал на землю. К счастью, на этот раз я приземлился на здоровую руку.

«Дыши глубже. Сконцентрируйся. Надо работать».

В этот раз мне удалось встать и подойти к борющимся. Я изо всех сил ударил углом аптечки по голове мужчины, который уже сжимал горло Матроны. Он хрюкнул и упал на землю. Погодите, это не Кровавый Охотник. Блядь.

— Спасибо, — выдохнула Матрона.

— Надо отсюда уходить, — сказал я. — Наши парни считают тебя врагом, а Кровавые Охотники, видя, как ты мне помогаешь, тебя зарежут. Тебе надо идти.

— Знаю. Надо найти девочек. Впрочем, есть ещё одно.

Она взяла у меня аптечку, достала из неё шприц и бутылёк. Она наполнила шприц и воткнула иглу в мою здоровую руку раньше, чем я успел подать голос.

— Что это за хуйня? — спросил я.

— Домашняя настойка, — ответила Матрона. — Поможет тебе продержаться на ногах какое-то время. Возьми. — Она вложила в мою здоровую руку автомат. Затем она подалась вперёд и крепко поцеловала меня в губы. — Удачи! — И вышла через заднюю часть палатки с автоматом наизготовку.

Место, куда она меня уколола, покраснело и нагрелось. Этот жар от руки распространился по венам по всему телу, пока не появилось ощущение, будто я наполнен лавой.

Фантастическое чувство!

Ткань палатки прямо передо мной прошла горизонтальная очередь. Я упал в поисках укрытия. Поток пуль на мгновение прекратился, словно в кого-то попали, затем возобновился. На ткань упало тело и сползло на траву. В палатку спиной вперёд вошёл Кровавый Охотник, яростно отстреливаясь. Оказавшись внутри, он повернулся и уже приготовился побежать дальше, как заметил меня. Он закричал и вскинул оружие. Я оказался быстрее. Две пули в грудь успокоили его.

Человек позади меня застонал и потёр голову, приходя в себя. Я с трудом узнал в нём одного из жителей Хилденборо.

— Очнись! — крикнул я ему.

Он посмотрел на меня и тряхнул головой, прочищая зрение.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Буду. Ты как?

Он кивнул.

Мы поднялись на ноги.

— Тогда, идём, — сказал я и мы выбежали из палатки в гущу боя.

Ничего подобного я прежде никогда не видел. Всюду, куда бы я ни посмотрел, дрались в рукопашную; повсюду на солнце блестели лезвия мачете, пахло кровью и кордитом. Люди резали, стреляли, душили и избивали друг друга. Царила натуральная свалка, и нельзя было сказать, кто одерживал верх. Силы, что мы привели из Хилденборо, насчитывали всего сорок человек, так что, мы были в явном меньшинстве.

Я вскинул оружие и несколько раз прицельно выстрелил, гарантированно убив двух Кровавых Охотников, и, как минимум, ещё одного ранив. Я стрелял одной рукой, от бедра, вторая бесполезно висела на груди, но всё равно, стрелял я лучше, чем когда-либо прежде. Все мои органы чувств обострились. Что бы там ни вколола мне Матрона, я чувствовал себя практически неуязвимым.

Парень рядом со мной завалился на спину, его голова раскололась надвое, рассечённая мачете. Я развернулся, выстрелил очередью, и Кровавый Охотник упал, дёргаясь, словно марионетка, которой перерезали верёвки. Внезапно я оказался прямо посреди боя.

В меня врезались люди, сплетённые в битве не на жизнь, а на смерть. Над головой свистели пули. Ко мне подошёл Кровавый Охотник с занесённым мачете. Я попытался вскинуть оружие, но его уже держал другой Кровавый Охотник. Я боролся за оружие, краем глаза увидел вскинутое мачете и отпустил хватку. Тот, что держал его, подался назад, удивлённо вскрикнул и очередью срезал того, что был с мачете. Когда он упал, я схватил мачете и метнул с максимальной аккуратностью. Лезвие нашло свою цель в груди того, что застрелил своего товарища. Я вырвал оружие из безжизненных рук Кровавого Охотника, и попытался разобраться в происходящем вокруг. Мальчиков я не заметил. Где, блин, Нортон?

В свалке боя я заметил пулеметную позицию за мешками с песком. Там сидел Кровавый Охотник и стрелял из пулемёта дорогу, ведущую к школе. Рядом с ним укрывалась целая группа Охотников, они стреляли прямо в дерущихся, выцеливая бойцов из Хилденборо. Если ничего не изменится, очень скоро Кровавые Охотники возьмут верх. Нужно уговорить пулемётчика, чтобы Нортон смог привести подкрепление. Кто-то врезался в меня сзади, отчего я упал на колени. Я обернулся и увидел молодую девушку, измазанную кровью. Она смотрела на меня, а над её левым глазом зияла дыра. Она завалилась на бок и перед моим взором предстал Роулс с дымящимся пистолетом в одной руке и окровавленным мачете в другой.

— Приказы, сэр? — выкрикнул он, перекрывая шум.

— Надо...

Он вскинул оружие и я пригнулся. Над головой просвистела пуля и я услышал приглушённый крик. Я снова посмотрел на него.

Определённо, это самый жуткий десятилетка, каких я только видел. Рад, что он на моей стороне.

— Пулемёт! — крикнул я, указывая в сторону ворот.

Он наклонился и помог мне встать. Я ещё только поднимался, как вдруг, мне пришлось выстрелить ему между ног, целясь в колено женщине, которая подкрадывалась к нему с мачете в руке. Роулс обернулся и добил её одним выстрелом.

Встав на ноги, я принял командование. Мы пробивались сквозь свалку, простреливая и

прорубая себе путь к краю схватки. Затем мы обошли её кругом, подобрав по пути ещё двоих человек из Хилденборо. Мы нашли у стены чистую поляну и Роулс произнёс:

— Позвольте мне, сэр.

Он поднял оружие и аккуратно прицелился.

Пока он стрелял в сидящих за мешками с песком, мы обеспечивали его охрану, отстреливая всех Кровавых Охотников, кто оказывался у нас в перекрестье прицела. Один из стоявших рядом со мной мужчин поймал пулю в бедро, а когда он наклонился, чтобы зажать рану, вторая пуля попала ему прямо в голову. Он умер мгновенно, упав, словно мешок.

Роулс перед выстрелом каждый раз выходил вперёд, а я и оставшийся мужчина прикрывали его с боков. Ему удалось снять ещё двоих, прежде чем они догадались, кто по ним стрелял. К тому моменту мы уже находились в паре метров от мешков с песком. Оружие Роулса безвредно щёлкнуло, и тот отбросил его без каких-либо раздумий. Я встал на колени и принялся поливать позицию свинцом, пока Роулс бежал к ним с вскинутым мачете, выкрикивая нечто похожее на боевой клич. Одна моя пуля попала Кровавому Охотнику в грудь, и тот скрылся из вида. Другой принялся палить в Роулса, но пули, каким-то образом, прошли мимо, а стрелок вскоре лишился левой руки.

Я услышал мокрый шлепок, и голова человека, который сражался рядом со мной, упала к моим ногам. Я нырнул вперёд, одновременно разворачиваясь, приземлился на спину и тут же выстрелил. Но оружие молчало. Пусто.

Я перекатился в сторону, уклоняясь от лезвия, целившего мне в голову. В процессе я перекатился по сломанной руке. Больно не было ни капельки. Лезвие врезалось в траву рядом с моим ухом. Я потянулся здоровой рукой, схватил Кровавого Охотника за запястье, но его рука была измазана свежей кровью, поэтому моя ладонь соскользнула, пока он выдёргивал лезвие из земли. Он снова занёс мачете, а я лежал на земле, оказавшись в ловушке. Затем над головой что-то промелькнуло, кто-то в буквальном смысле пролетел надо мной, влетел плечом в живот Кровавому Охотнику и сбил того с ног. Хейкокс.

Даже среди шума боя я расслышал жуткий хруст при падении. Хейкокс вскочил на ноги, шея его противника была свёрнута. Он повернулся и протянул мне руку. Не успел я принять её, как его голова дернулась вбок, а повсюду разлетелись брызги крови и серого вещества. Пуля в голову. Он упал замертво. Я ползком попятился назад и попытался встать. Я уже слишком много времени провёл, лёжа на спине. Я заметил двух Кровавых Охотников, бегущих ко мне с оружием наизготовку. Вдруг они попадали на спины, когда в них врезалась очередь крупнокалиберных пуль из пулемёта. Я обернулся и увидел за мешками с песком Роулса, благослови его Господь, а тот лупил из пулемёта по каждому Кровавому Охотнику, который оказался достаточно глуп, чтобы представлять собой мишень.

Я вскочил на ноги, и на полусогнутых побежал к мешкам с песком. Я прыгнул за них, приземлился прямо на труп одной из жертв Роулса. Я забрал его оружие, занял место рядом с Роулсом, укрывшись за мешками с песком, и принялся отстреливать Кровавых Охотников.

Быстрый взгляд вправо явил моему взору группу вооружённых мальчишек, бегущих в сторону нашей позиции — Нортон с подкреплением. Однако, посмотрев на то, что происходило впереди, я понял, что уже слишком поздно. Кровавые Охотники сломали сопротивление. Мы проигрывали.

Крупнокалиберный пулемёт рядом со мной загремел ещё раз и стих.

— Патроны кончились, — беззаботно произнёс Роулс. — Что дальше?

— Обратно в Замок! Бегом!

Пока Роулс бежал по дороге, жестами указывая Нортону и его отряду отходить, я поднялся и выкрикнул, как можно громче:

— Отходим! Назад к школе! Отходим!

Кровавые Охотники выпустили по мешкам с песком несколько пуль, и я снова нырнул в укрытие. В этот раз, я переполз через трупы и забрался за школьную стену, подальше от линии огня. Затем я встал и со всей мочи побежал к школе.

Позади я слышал звуки погони, крики, удары, стрельбу. Бегать с одной рукой чертовски трудно; у вас теряется чувство равновесия, вас постоянно качает из стороны в сторону. Я пробежал уже полпути, когда туловище каким-то образом обогнало ноги. Я плюхнулся в траву головой вперёд. Я попытался перекатиться и встать, но больная рука снова меня подвела, и я упал.

Я сумел подняться на ноги посмотреть, что там позади. Около двадцати жителей Хилденборо, Грин и несколько выживших актёров его труппы бежали за мной, а за ними по пятам следовала орда Кровавых Охотников. Погоню возглавлял Мак. Он кричал что-то воодушевляющее своим войскам, размахивал над головой окровавленным мачете.

Когда человеческая волна настигла меня, я развернулся и побежал вместе с ними. Впереди я видел, как Нортон выстраивал мальчишек в шеренгу. Они вскинули оружие и целились прямо в нас. Что, мать вашу, он задумал?

Когда мы оказались метрах в десяти от них, Нортон крикнул:

— Ложись!

Дважды повторять не пришлось. Мы попадали на землю. Раздался ужасный шум, когда все мальчишки выстрелили одновременно, посылая волну свинца в толпу Кровавых Охотников.

— Вперёд! — крикнул Нортон.

Мы вскочили и побежали. Вскоре Нортон крикнул:

— Ложись!

Мы снова упали. Над нами прогремел очередной залп.

— Внутрь!

Мы встали и вбежали в большие двойные ворота. Пока я стоял в дверном проёме и заводил людей внутрь, я смог разглядеть результат залпов Нортон. Они выбили весь первый ряд наступающих Кровавых Охотников, человек тридцать, или больше, они извивались и стонали на залитой кровью траве. Те, что шли сзади, осознали, что третьего залпа не будет, побежали вперёд, по трупам своих же убитых и раненых, отчаянно желая выпотрошить нас. Они почти нас достали. Мака я не видел. Он погиб?

Я загнал последнего человека за дверь и последовал за ним. Нортон находился среди мальчишек, тащивших огромную баррикаду. Она была собрана из книжных шкафов и столешниц, и покоилась на колёсных телегах. Ребята прикатили её напротив хлипких дверей. Группа мальчишек приняла вес баррикады на себя, тележки откатили, а саму конструкцию поставили на землю. Баррикада была утыкана деревянными подпорками под углом 45 градусов, и поставленная на землю, полностью перекрыла главный вход. Практически сразу же в дверь врезалась толпа и принялась её ломать. Баррикада не сдвинулась ни на дюйм.

— На позиции! — крикнул Нортон.

Две группы мальчишек разбежались влево и вправо от зала по комнатам, которые смотрели на лужайку. Там были широкие окна, через которые могли пролезть Кровавые

Охотники. Однако каждое окно было перекрыто изнутри деревянными ставнями с металлическими перекладинами для усиления защиты. Сквозь дверные проёмы я мог видеть, что все они закрыты, укреплены и усилены всем, что подвернулось под руку. Нортон отлично справился со своей задачей. Ещё одна группа убежала наверх занимать стрелковые позиции на втором этаже. Спустя несколько мгновений до меня донеслись звуки выстрелов, когда мальчишки принялись палить по наступающим. Последняя группа побежала назад занимать оборону в задней части здания.

Вокруг толпились мужчины и мальчики, пережившие бой у ворот, они перевязывали раны и восстанавливали дыхание. Среди них ходила миссис Аткинс, выбирая тех, кому требовалась неотложная помощь.

Ко мне подбежал Нортон и вложил в ладонь «Браунинг».

— Что случилось? — спросил он.

— Жребий не тот выпал, — ответил я. — Всё сделано, как обсуждали?

— Да, мы к ним готовы.

Я повернулся и крикнул толпе, что собралась вокруг нас.

— Все, кто слишком тяжело ранен, чтобы сражаться, отправляйтесь на верхний этаж. Там, в общежитии мы собрали все лекарства и прочее. Идите, подлечитесь.

Миссис Аткинс увела наверх около десяти мужчин и мальчиков.

Прямо передо мной возник Грин. На лбу у него была неприятная рана, а волосы измазаны кровью. Он крепко сжимал автомат, но его нижняя губа подрагивала. Было похоже, что сейчас он скрючится на полу и начнёт хныкать.

— Грин, отведи этих парней в оружейку, раздай им оружие и патроны.

Он кивнул без слов и убежал в подвал. Остальные последовали за ним.

Внезапно стук в дверь прекратился, стихло и оружие Кровавых Охотников. Мы с Нортоном обменялись тревожными взглядами и побежали наверх в одну из комнат, из которой открывался вид на лужайку.

— Что происходит? — спросил я.

— Не знаю, сэр — ответил мальчишка, который стрелял вниз. — Они просто убежали за здание.

В тот же миг где-то в отдалении раздался крик.

— Они сзади зашли, — сказал Нортон, мы выбежали из комнаты, и побежали через площадку.

Мы выскочили через двойные двери и по балкону главного зала бросились в заднюю часть дома. Нортон бежал впереди, мы выносили двери и перепрыгивали сразу через три ступеньки. Мы прибежали прямо ко входу в подвал и очутились посреди генерального сражения. Грин и те, кого он вооружил, дрались врукопашную с группой Кровавых Охотников, но я видел, как снаружи забегали другие.

Как, блин, они забрались внутрь?

Мы с Нортоном принялись стрелять, стоя на лестнице. Я видел, как Грин поднял руки и пытался замедлить приближение к своей голове мачете, которое держал здоровенный мускулистый Кровавый Охотник. Тот ухмылялся, его мышцы бугрились, а лезвие всё приближалось. Из-за толпы я не мог нормально прицелиться, поэтому я наклонил голову и растолкал борющихся людей, пока не добрался до Грина. Я прижал ствол пистолета к идеальному прессу Охотника и дважды нажал на спусковой крючок. Тот откинулся на спину и сполз по стене, держась за живот.

Грин тоже упал и забился в угол. Он скрючился, обхватил голову руками и начал плакать. Времени переживать за него у меня не было. Кто-то врезался мне в левый бок и отбросил к двери. Дверь была открыта. На какое-то мгновение я замер в дверном проёме, но не сумел удержать равновесие. Я вытянул левую руку и попытался остаться на ногах. Но левая рука висела на перевязи. Я ударился головой о пыльные каменные ступеньки подвала.

Растянувшись на сырых кирпичках, я услышал, как кто-то ударом распахнул дверь и побежал за мной вниз по лестнице. Всё ещё лёжа, я обернулся, и увидел, как ко мне бежала Кровавая Охотница. Я выстрелил в неё дважды, но она по инерции пробежала дальше и упала прямо на меня. Её голова ударилась о мою, отчего я стукнулся затылком о кирпичный пол.

Перед глазами разметались искры, я начал терять сознание. Я закрыл глаза, успокоил дыхание и попытался сосредоточиться, хоть это было непросто. Один лишь бог знает, сколько раз меня били по голове за последние двадцать минут. Я был абсолютно уверен, что на ногах меня удерживала лишь домашняя настойка Матроны.

Я сумел избежать потери сознания и скатил с себя мёртвую женщину. Она всё ещё была жива, но в расчёт её можно было уже не брать. Я решил, что время брать заложников давно прошло. Я приставил ствол к её голове и добил.

Едва я поднялся на ноги, как услышал оглушительный взрыв, а затем плотную автоматную стрельбу. Звук доносился с парадного входа в школу.

Они взорвали дверь.

Звуки боя над головой стали интенсивнее. Нас одолевали. Я повернулся и побежал в боковую комнату. Я схватил коробку с гранатами и вещмешок. Мешок я максимально набил взрывчаткой, и побежал в следующую комнату. Там я закинул на плечи два автомата, сунул за пояс ещё один пистолет, а по карманам рассовал столько обойм, сколько мог унести. На мне было больше оружия, чем на Рэмбо.

Рэмбо с усталыми мышцами, неуклюжими руками, одна из которых сломана, редкими прыщами, сломанным носом, головой, похожей на боксёрскую грушу, и кровеносными сосудами, полными неизвестной наркоты. И всё же, у меня было полно оружия.

— Понеслась! — выкрикнул я, поправил автоматы и побежал вверх. Прямо под чей-то кулак. Нос ещё раз хрустнул, а я покатился по ступенькам на кирпичный пол.

— Начинает... повторяться, — слабо проговорил я, лёжа на полу.

— Не переживай, — прозвучал знакомый голос. — Скоро всё закончится.

На вершине лестницы стоял Мак и тряс пальцами здоровой руки. Ну, хоть удар по мне причинил ему боль. Он посмотрел на меня сверху вниз и хмыкнул.

Я попытался достать пистолет, но Мак оказался быстрее. Он спустился по лестнице раньше, чем я сумел собраться, и пинком выбил оружие из моей ладони.

Впрочем, я ничего не почувствовал. Реально, реально хорошее лекарство.

Сверху послышалась автоматная стрельба. Там стоял Кровавый Охотник и стрелял вдоль коридора, защищая вход в подвал. Я должен был любой ценой не дать им захватить оружие. Я хотел достать гранату, но даже если бы моя свободная рука была здорова, и я смог бы выдернуть кольцо, единственное, что у меня получилось бы, так это взорвать всю школу, убив всех вокруг. Не вариант.

Мак стоял надо мной и целился прямо в голову.

— Мне, правда, очень хочется прострелить тебе башку, Девять Жизней, — бросил он. — Ты даже не представляешь, как сильно мне хочется прострелить тебе башку, нахуй.

— Будь любезен. — Я закрыл глаза в ожидании удара.

— Но, так будет не очень прикольно, — сказал он. — В смысле, оргазм — это прекрасно, но он гораздо лучше после небольших предварительных ласк, как считаешь?

— Можешь меня хоть пристрелить, хоть трахнуть, Мак... сам решай.

Он наступил на мою ладонь. Я ощутил, как кожу протыкают обломки костей мизинца.

Крики и стрельба наверху усилились. Я представил, как Кровавые Охотники вламываются через парадную дверь, рубя и расстреливая мальчишек, умываются их кровью и празднуют победу.

— Всё кончено, Ли. Нас слишком много. Через час я снова встану во главе школы. Может, отпраздную это ещё одним распятием. Как считаешь?

— Не шибко оригинально, — сказал я. — Тебе нужно увеличить масштаб. Как насчёт, свежевания? Или четвертования? Удиви меня.

Он склонился надо мной и подался вперёд, практически прижал остатки своего обгорелого носа к моему, сломанному.

— Так и сделаю, Ли. Я тебе обещаю. А теперь, вставай и скидывай барахло.

Он поднялся, позволил подняться мне, и целился в меня, пока я снимал с себя оружие и боеприпасы.

— А теперь подождём, пока сопротивление стихнет, чтобы я смог объявить свой приз.

— А как же Дэвид? — спросил я. — Разве у него не найдётся сказать пару слов по поводу твоего захвата власти?

— Дэвид — это моя проблема. Переживать за него буду я. А ты, Ли, переживай за меня. Переживай за то, что я сделаю с тобой, Нортон, этим мелким говном Роулсом, и всеми, кто переживёт бой. Этой ночью прольётся кровь.

Что-то изменилось в Маке, и дело касалось не травм и отсутствия руки. Он искренне наслаждался разрушением, царившим наверху. Он стал более злобным, меньше себя контролировал. В его оставшемся глазе горело едва сдерживаемое безумие, что сильно отличалось от того жадного до власти громилу, которого я знал прежде. Раньше он был непредсказуем; теперь же он просто пугал.

— Не против, если я посижу, пока будем ждать?

Мак открыл было рот, чтобы ответить, но очередь из автомата вынудила его замолчать. Я увидел, как Кровавый Охотник в дверном проёме с кем-то боролся, слышал хруст костей, по ступенькам к нашим ногам скатилось безжизненное тело.

— Ага, почему нет, — ответил Мак, не обращая внимания на труп. — Бери ящик из-под гранат и садись. Подождём.

Я заглянул в одну из комнат в поисках куда присесть.

— Но, если подумать, — произнёс Мак. — Давай, сделаем вид, будто ждём.

Что-то ударило меня в основание шеи, и мир вокруг померк.

Теряя сознание, последнее, что я услышал, был смех Мака. Это было безумное карканье торжествующего психопата.

Мне плеснули воды на лицо и я сплюнул. Вода была ледяная, я сразу же пришёл в себя. Я лежал на деревянных досках. Я протёр глаза и увидел стоящего надо мной Мака. Над ним я разглядел ткани и подпорки; я лежал на сцене актового зала школы. Я слышал, как вокруг ходят люди, зал казался заполненным.

— Просыпайся, Девять Жизней, — произнёс Мак. — Взбодрись. Проснись и пой.

Я опёрся на доски, приподнялся и заметил, что мой мизинец был в два раза толще обычного. Над костяшкой из кожи торчал острый кусок кости. Действие наркотика закончилось, и рука пульсировала от боли. Сильной боли. Я охнул и стиснул зубы. Нельзя доставлять ему удовольствие видеть, насколько мне больно. Я подозревал, что отчасти наркотик всё ещё действовал, поскольку сломанная рука меня не беспокоила. Если я не буду делать глупостей, вроде битья кого-нибудь, всё будет хорошо. Я приподнялся на локтях и сел.

Зал находился по левую сторону от меня. Вдоль одной стороны выстроились выжившие мальчики и девочки, а также мужчины, которые сражались на нашей стороне. Они стояли на коленях с руками, связанными за спиной. Я осмотрел толпу и облегчённо выдохнул, когда заметил Роулса, Нортон и миссис Аткинс, живых и здоровых. Там же был и Грин. Всего, около тридцати выживших детей и десяти мужчин. Боба среди них не оказалось, зато был мужчина миссис Аткинс, Джастин. Вокруг них стояли охранники, вооруженные ружьями и мачете, дабы никто них ничего не натворил. Деревянный балкон, с трёх сторон окольцовывавший зал, был пуст. В помещении собралось примерно шестьдесят Кровавых Охотников, тело каждого из них блестело от свежайшей крови. Все они смотрели на сцену. На меня. Никто не разговаривал.

— Представление начинается, — с ухмылкой провозгласил Мак.

У меня имелось два варианта. Продолжать молчать и дать всем понять, насколько я напуган, либо начать издеваться и постараться выглядеть уверенным.

— Ну, давай — сказал я. — Давай, попляшем. Покажи нам свои джазовые руки^[22]. Ой, прости, забыл. Свою джазовую руку.

Его ухмылка не исчезла.

— Вставай.

Когда я подчинился, то заметил позади себя Дэвида, сидящего на троне. Он, как всегда, выглядел безупречно и невозмутимо, не считая того места, где мой нож разрезал ткань его костюма.

— С возвращением, Ли, — произнёс он. — Как видишь, мы захватили вашу школу. Меня позабавило организовывать это небольшое собрание. Чуть позже сможем спеть пару гимнов, как тебе такое?

— Нормально, если не будем петь «Утро не настало»^[23]. Ненавижу, блядь, эту песню.

Я быстро соображал, пытаюсь рассмотреть всё. По обе стороны зала стояли охранники. Позади Дэвида сцена тонула во тьме. Там находился пожарный выход, но мне до него не добраться. В самом зале имелось три выхода — две двойные двери по обе стороны от сцены и пожарный выход позади неё. Все под охраной. Выхода отсюда нет. Что бы там ни задумали Мак и Дэвид, я здесь застрял.

— Я хотел публично слить твою кровь, — сказал Дэвид, когда я поднялся на ноги. —

Сделать из тебя пример для всех остальных. Однако брат Шон убедил меня в обратном. У него на это место грандиозные планы. Он хочет, чтобы я позволил создать здесь религиозное училище для нашего братства. Сюда будет приходить свежее пополнение для обучения и размышления. Наши раненые и пожилые найдут здесь убежище. Он будет руководить этим местом от моего имени. Он даже пожелал создать банк крови. Детишки, за которыми ты тут следил, будут сидеть взаперти, им будут регулярно пускать кровь, но они будут жить в качестве ресурса для верующих. Я вместе с избранными учениками продолжу странствовать, неся слово миру. Мне нравится замысел. Как считаешь?

— Звучит мило, — с энтузиазмом отозвался я. — Можете даже собрать команду по крикету, будете играть с местными. Хилденборо неплохое место, пускай ты и забил глав города.

Дэвид снисходительно хмыкнул.

— Я думал, тебе понравится. Однако у брата Шона есть несколько странных идей. — «Ну, вот», — подумал я. — Пусть мы силой захватили вашу школу, разбили вашу армию и завладели вашим оружием, на тебя у него зуб.

— Уверен, его сердце просто истекает кровью, — сказал я, глядя на Мака. Его лицо ничего не выражало.

Дэвид продолжил:

— У него есть причудливое представление о том, что ему необходимо доказать, будто он лучше подходит для управления этим местом, нежели ты. Даже представить не могу, почему.

— У него всегда были неадекватные запросы, — сказал я. — Это всё тянется у него с детства. В кровать дул, знаете ли.

— Понимаю. Это многое объясняет, — произнёс Дэвид и подмигнул Маку.

— Я тебе объяснял, как всё работает, Ли, — сказал Мак. — Если хочешь быть тут главным, тебе нужно вызвать вождя на поединок и победить его. Доказать, что ты лучше. Ты так и не выучил этот урок. Но теперь выучишь. Ты здесь главный, поэтому я вызываю тебя.

Я недоверчиво рассмеялся.

— Чего? Драться? Нам с тобой? Ты прикалываешься? У меня рука и палец сломаны. Если я побегу, то упаду, я даже ладонь в кулак сжать не могу. Что это будет за победа? Ты с тем же успехом можешь драться со щенком, долбоёбина!

Он шагнул вперёд и яростно зашипел мне в лицо:

— Лучше так, чем колоть в спину, лживый ты сучонок.

Я повернулся к Дэвиду и пожал плечами.

— У вашего парня проблемы, мистер Дэвид, сэр.

— Можно мне сказать?

Все повернулись к пленникам. Это был Нортон.

— Нет! Заткнись на хуй! — выкрикнул Мак, возмущённый тем, что его перебили, между тем, что некогда было губами, брызгала слюна.

— Я тут, просто, вспомнил, как ты что-то говорил о делегировании ответственности, — продолжил Нортон.

Мак повернулся к толпе.

— Приведите сюда этого мелкого пиздюка.

К Нортону подошёл Кровавый Охотник, поднял его за волосы, затем провёл его к сцене. Мак тут же подошёл к нему и ткнул в лицо пистолетом.

— Объяснись, — потребовал он.

Нортон бросил в мою сторону нервный взгляд и шагнул вперёд.

— Позволь кое-что прояснить. Ты хочешь драться с Ли за контроль над школой.

Победитель получает всё?

Мак кивнул.

— А что будет с проигравшим?

— Бой насмерть. Если он хочет владеть школой, то должен убить меня голыми руками.

Этот урок он хорошо усвоил. Спроси Хиткоута.

Нортон взглянул на Дэвида.

— Вы с этим согласны? Если Ли победит, вы уйдёте?

— Мы в любом случае уйдём, — ответил Дэвид. — Вопрос лишь в том, кто будет здесь командовать за меня. Кто бы ни победил, для нас это место станет священным. Но я позволю Ли закончить ритуал руководить от моего имени. Разумеется, его будет окружать широкий круг помощников. — Дэвид указал на толпу Кровавых Охотников внизу. — Дабы они не давали ему сойти с праведного пути.

— Ладно, — сказал Нортон и вновь обратился ко мне: — Ли, ты здесь главный, Мак, прости, брат Шон, это признаёт, так?

Мак с подозрением кивнул.

— Тогда, доверь это мне, Ли. Позволь драться за тебя. За всех нас.

— Нихуя подобного, — прорычал Мак.

— Погоди-ка, ты что-то путаешься в словах, — сказал я. — Полчаса назад ты утверждал, что я должен быть способен послать людей в бой умирать за себя. Ты сказал, это одно из свойств, присущих настоящим вождям. Так, почему я не могу доверить эту обязанность другому человеку? Нортон, ты желаешь умереть за меня?

— Сэр, так точно, сэр! — гаркнул Нортон. Он даже шутливо, с улыбкой, отсалютовал.

— Молодец, — произнёс я.

Мне нравился его план. У Нортонa чёрный пояс. Он порвёт однорукую жопу Мака так что та до следующего Рождества не заживёт.

— Итак, Мак, вот какой урок ты хотел мне преподать. И посмотри, как я его выучил. Готов делом ответить за свои слова? Готов сразиться с моим верным подчинённым? Или ты хочешь драться только тогда, когда драться нужно со мной? В смысле, если бы у меня только рука была сломана, мы были бы равны. Но ты сломал мне мизинец и на другой руке. Так, что если не дашь мне ствол, единственное, что я смогу, так это отшлёпать тебя. Не самая лучшая драка выйдет, да? Твоя победа ни хера не будет стоить. Но, если победишь Нортонa, что ж, это будет уже что-то. Тогда ты её заслужил. Так ведь ты сказал... её нужно заслужить, да?

Повисла тишина. Все взгляды были прикованы к Маку, люди ждали, что он скажет. Если он согласится, тогда у нас ещё будет шанс.

Я подошёл к Маку, который продолжал целиться в Нортонa и прошептал ему на ухо:

— Всё это время ты указывал мне на вещи, которые у меня не получаются. Вещи, которые я не могу делать, как положено вождю. Не забывать о правилах вызова, о которых ты без конца талдычил. Хочешь, чтобы всё прошло как надо, да? Согласно правилам? Так, вот твой шанс. Следуй своей же логике, Мак. Сразись с человеком, которого я выдвинул меня представлять. Докажи, что ты лучше того, кого я могу выставить.

— А, если я тоже выставлю человека? Что, если я попрошу Гарета драться за меня? — Мак указал на одного из здоровенных громил Дэвида.

— Брат Шон, мне кажется, ты забываешь, что командую тут я, — произнёс Дэвид со сталью в голосе. — Это я выставляю людей, а не ты. Я потакаю твоей прихоти. Сделай так, чтобы моя благосклонность не испарилась. В словах молодого человека есть логика. Я предлагаю тебе принять вызов. В противном случае, я решу, что ты не тот, кем себя представляешь. Я могу решить, что ты — скот.

Мак, кажется, вздрогнул. Но иных вариантов у него не было. Это он создал эту ситуацию, он должен всё понимать.

— Ладно, — произнес он, выронил оружие на пол и приготовился.

Не успел Нортон отреагировать, как он обхватил его за живот и бросился вперёд, выталкивая со сцены. Они взмыли в воздух и упали на пол с высоты пяти футов. Нортон приземлился на спину, а Мак взгромоздился на него. Послышался жуткий хруст позвоночника, ударившегося о деревянный пол и гулкий удар черепа. Лёжа на Нортоне, Мак здоровой рукой схватил его за волосы и ударил головой о доски. Один, два, три раза. Затем он откинулся, выставил локоть и со всей силы прижал к глотке Нортон. Раздался чудовищный хруст трахеи.

Вся драка длилась около пяти секунд.

Мак перекатился и встал на ноги. Нортон лежал на месте, держась за сломанное горло и лоя ртом воздух. Собравшиеся Кровавые Охотники торжествующе заревели.

Показателем того, насколько я привык к подобным вещам является то, что пока все смотрели, как умирает мой лучший друг, я решил воспользоваться возможностью завладеть выброшенным пистолетом Мака. Я нырнул вперёд, приземлился на больную руку, и потянулся к оружию не совсем здоровой рукой. Ага, наркотики отпустили. Было больно.

Охранник Гарет шагнул вперёд и пнул меня в подбородок раньше, чем я успел дотянуться до оружия. Я улетел со сцены спиной вперёд. Упал я на пол зала рядом с Нортон. Мы посмотрели друг другу в глаза. В его широких умирающих глазах я видел страх, панику и ужас. Толпа продолжала восторженно кричать.

Надо мной нависла ухмыляющаяся зомбиподобная рожа Мака.

— Прекрасно, — произнёс он, перекрикивая шум. — Ещё одно тело ради дела. Надеюсь, ты гордишься.

В этот момент я, наконец, смирился. Нам конец. Полный. У меня не осталось никакого толкового плана, на который можно было бы опереться, ни одной ловушки, которую можно было бы захлопнуть, ни одного аргумента, который можно было бы выдвинуть. Я ощутил темнейшее, чернейшее отчаяние. Я не мог плакать или молить о пощаде. Не будет больше саркастических замечаний и легкомысленных оскорблений. Мои друзья мертвы, либо захвачены в плен. Я сломан и сломлен. Уничтожено всё, чего я старался достичь. Я подвёл друзей, отца, себя самого. Я мог лишь смотреть в лицо красиво обставленной смерти. И я был не против. Это будет, своего рода, успокоение.

Я восстановил дыхание и встал. Мак смотрел на меня, сидя рядом с остывающим телом Нортон. Его единственный глаз торжествующе светился. Я плюнул в него. Он лишь рассмеялся.

Я посмотрел за его спину на стоящих на коленях пленников. Лицо Роулса представляло собой маску холодной ярости, Грин хныкал, миссис Аткинс тупо смотрела перед собой. Мне хотелось сказать им, что мне жаль, только всё это нихрена не значило.

— Неудачник, — бросил Мак, подзуживая меня. Я не ответил.

Дэвид призвал к тишине и шум прекратился. Глава культа встал и обратился к нам:

— Брат Шон оказал большую честь нашему крестовому походу. Он вывел нас из затворничества и указал истинный путь. И теперь, братья и сёстры, он привёл нас в убежище и святилище, где избранные будут пребывать в ожидании окончания Скорби. Это место, некогда бывшее школой, станет маяком надежды для всего мира. Здесь дети будут обучаться под нашим наставничеством, постигать истинный путь. Здесь мы будем готовить последователей и пилигримов, проповедников и жнецов. Доброе слово разольётся из этого места подобно наводнению, оно смоеет с нашей земли весь скот и убережёт нас. Аллилуйя!

Кровавые Охотники вторили ему в ответ. Дэвид указал на меня.

— Приведите это дитя ко мне.

Я не стал ждать, пока меня схватят и потащат. Я сам подошёл к ступенькам и снова поднялся на сцену.

— Нет! — закричал Мак. — Ты мне обещал! Ты сказал, мне будет можно!

Дэвид одним взглядом заткнул Мака и повернулся ко мне.

— Молодой человек, — произнёс он. — Вам была предоставлена возможность присоединиться к нам, но вы это предложение отвергли. Вместо этого вы попытались заткнуть мой священный голос. Подобное не остаётся безнаказанным. — Он указал на людей у стен. — Принесите верёвку.

Те даже не пошевелились, они просто протянули руки и верёвка оказалась в их руках, словно преподнесённая богами. Один охранник поднялся на сцену с одним концом в руке. Верёвка тянулась легко, поскольку под потолком она проходила через блок. Дэвид взял верёвку, наклонился и обвязал её вокруг моих ног.

Он сделал знак охраннику, тот отошёл к стене и распутал другой конец верёвки, намотанный вокруг металлического штыря. Затем он натянул её и мои ноги вздёрнулись вверх. Я ударился лицом о пол. Я ощутил, как во рту треснул зуб. Меня подняли в воздух и тянули, пока моё лицо не оказалось на уровне головы Дэвида.

В толпе я заметил Мака. Он выглядел возбуждённым.

Дэвид медленно и аккуратно разделся догола. Затем он взял из рук охранника нож и встал по центру сцены. Он расставил руки в стороны и обратился к толпе:

— В фонтане жизни я буду перерождён.

Кровавые Охотники отозвались:

— Обереги нас.

— Кровью агнца очищен я буду.

— Обереги нас.

— От источника поветрия исходит спасение наше.

— Обереги нас.

— Жизнь за жизнь. Кровь за кровь.

— Обереги нас.

Он повернулся ко мне, обхватил мою голову и приблизился, чтобы поцеловать.

— Я тебе губы нахуй откушу, — прорычал я.

Он отпрянул.

— Благодарю тебя за этот дар, — сказал он.

И вдруг правая часть его головы перестала существовать. Он потянулся к лицу, словно удивлённый тем, что что-то укололо его в щёку. Кто-то в толпе начал верещать. Ладонь Дэвида коснулась раны, он поднёс окровавленные пальцы к лицу, силясь их рассмотреть. Он издал лающий смешок и произнёс:

— Как по волшебству!

И упал набок.

По правую сторону от сцены стоял Мак с дымящимся пистолетом в руке.

— Ты обещал! — выкрикнул он лежащему Дэвиду. — Ты обещал, блядь! Он *мой!* Я тебе говорил, и ты пообещал!

Падший глава культа склонил голову, чтобы взглянуть на Мака. Он издал тихий булькающий смешок, из его рта запузырилась кровь.

— Теперь спасён, — проговорил он, после чего его голова запрокинулась и он умер.

Пока всё это происходило, я краем глаза ухватил движение открывающейся двери на балконе. Я не смог разглядеть, чтобы кто-нибудь входил. Дверь не закрылась, но качнулась, как будто входил кто-то ещё. Затем она ещё несколько раз качнулась, прикрылась, а потом распахнулась вновь. На балкон актового зала выползали люди, прячась за деревянными перилами. Что там, блин, творится?

Стук головы Дэвида о доски вывел охранников из состояния шока, они вскинули мачете и побежали к Маку. Он их пристрелил. Они ещё падали, а он уже повернулся к толпе и выстрелил над головами.

— Заткнулись нахуй! — выкрикнул он. Повисла тишина. — Теперь я тут главный, ясно? Ты! — Он указал на охранника у стены. — Срежь его.

Кровавый Охотник не пошевелился. Мак прицелился в него.

— Живо!

Тот так и не сдвинулся с места. Мак задумался, решая, как поступить перед лицом откровенного неповиновения.

В его голове, словно, прояснилось и он осознал, куда его завела собственная необдуманная ярость. Он только что убил религиозного лидера толпы безумных до зубов вооружённых каннибалов. И все они смотрели прямо на него.

— Неплохо, Мак, — сказал я. — Отличный ход.

Раздался всеобщий рёв, гортанный взрыв ярости, которым разразились все присутствующие в зале Кровавые Охотники. Затем они бросились на него. Они могли бы его и пристрелить, но, полагаю, в этом жесте было какое-то желание причинить боль лично, необходимость самим ощутить наносимые пинки и удары. Некоторые даже во время бега отбросили оружие. Подобно потоку культисты обогнули сцену слева и справа и по ступенькам поднялись вверх. Про меня совсем забыли. Мак выстрелил, свалив одного из них, но всё это было бессмысленно. Они набросились на него, а он закричал, исчезая под градом ударов.

Два события произошли одновременно. Мальчики и мужчины, бывшие пленниками, выбежали вперёд и схватили брошенное оружие; а на балконе над нами появилась армия девочек.

Прямо напротив меня на балконе стояла Матрона и целилась вниз из автомата. Слева и справа от неё, окружая зал с трёх сторон, стояли пятнадцать одинаково вооружённых девушек.

Я заметил, как Роулс восхищённо поднял взгляд. Затем он посмотрел на сцену и широко улыбнулся.

— Огонь! — выкрикнул он.

Все девочки одновременно принялись поливать свинцом толпу Кровавых Охотников. К ним присоединились мальчики и мужчины с подобранным оружием.

У Кровавых Охотников не было ни единого шанса. Это была бойня. Некоторые из них осознали происходящее и пытались стрелять в ответ, но натиск был слишком яростным, огонь слишком плотным. Стрельба, казалось, длилась бесконечно, ей аккомпанировало стаккато стреляных гильз, бьющихся об пол. Грохот достиг крещендо, а затем потихоньку начал стихать по мере того, как пустели обоймы, а потом и вовсе прекратился. Всё вокруг заполнилось дымом и запахом кордита, опустилась тишина.

На сцене высотой в человеческий рост громоздилась гора извивающихся и дёргающихся тел Кровавых Охотников; мёртвых, умирающих и раненых. И я, висящий кверху ногами, тихо раскачивающийся над всей этой бойней, кровью и разбросанными внутренностями, и истерично хохочущий.

* * *

Матрона была в шоке от произошедшего, но быстро взяла в себя под контроль с уверенным деловитым спокойствием. Она отделила самых юных мальчиков и девочек, и отправила их собирать оружие с поля боя. Мужчины и мальчики постарше отправились растаскивать Кровавых Охотников со сцены и раскладывать их по трём группам: мёртвые, смертельно раненые и те, кого ещё, вероятно, можно было спасти. Сортировкой руководила Матрона.

Между нею и Роулсом произошёл краткий спор, поскольку Роулс настаивал на том, чтобы всем им прострелили головы. Матрона ничего такого и слышать не желала. Роулс удивил меня тем, что признал её авторитет.

После того, как меня срезали, я сел в дальнем углу зала и перевязал раны, всё ещё не веря, что до сих пор жив. Вскоре ко мне подошла Матрона, села рядом и положила ладонь мне на колено.

— Ты в порядке? — спросила она. Отвечать мне требовалось. — Нет, конечно же, нет. Прости. Дурацкий вопрос.

Я улыбнулся, давая понять, что не возражаю, и она поморщилась.

— Ого, — выдохнула она, когда подалась вперёд, открыла мне рот и увидела отсутствие переднего зуба. Он раскололся на две части, оставив торчать острый обломок, который я постоянно трогал языком.

— Болит, наверное, жутко.

— Пока нет, — шепелявил я. — Твоя наркота пока действует. Но я не буду против ещё одной дозы, когда ты будешь дёргать корень.

— Без проблем. Сиди спокойно. — Она ухватила меня за сломанный нос и резким движением поставила его на место, отчего я вскрикнул. — Нужно будет зафиксировать. Не уверена, что поставила его правильно.

— Отлично. — Я рассмеялся. — Я хромой, шепелявый, щербатый, резаный и со сломанным носом. Какая прелесть.

Она коснулась ладонью моей щеки.

— Ой, ну даже не знаю.

Она улыбнулась мне дерзкой девчачьей улыбкой, которая вызвала у меня ряд весьма интересных мыслей. Я покраснел.

— Девочки все в порядке? — спросил я, меняя тему.

Она кивнула.

— Свою часть сделки Дэвид выполнил. Их никто не тронул. Это не значит, что им понравилось так долго сидеть в обозе. — Она оглядела самодельный морг перед собой. — Я надеялась, им не придётся стрелять; я думала, что они просто станут угрозой, которой окажется достаточно, чтобы разоружить Кровавых Охотников. Похоже, нынче всем приходится кого-нибудь убивать.

Я посмотрел на неё, и внезапно, осознал, где именно всё пошло не так, много месяцев назад.

— Это должна была быть ты, — сказал я ей.

— Что?

— Руководить. Это должна была быть ты, не Бейтс.

— Что за чушь. — Она усмехнулась.

— Сама подумай. Каждый раз, когда что-то шло не так, именно ты всё исправляла. Ты выступила против той женщины на дороге; выступила против Бейтса и Мака, когда убили Хаммонда. Пока я строил заговоры, притворялся тем, кем я не являюсь, ты всегда оставалась честной. Все эти уроки лидерства, что преподавал мне Мак, я их не понимал — можно быть настоящим лидером только в том случае, если будешь отстаивать то, во что веришь, и тогда тебя будут слушаться. Я таким никогда не был. А ты всегда была. Это должна была быть ты, Джейн. Не Бейтс, не Мак, не я. Ты. Тогда, может быть, ничего этого не случилось бы.

— Ой, не пизди, Девять Жизней, — раздался голос со сцены.

Это был Мак, вытащенный со дна кучи трупов. Он был весь в порезах и синяках, не сквозь толпу в него не попала ни одна пуля. Он лежал, скрючившись, в центре толпы линчевателей.

— Последнее, что нам сейчас нужно, так это блядская мораль, да? Прекращай уже.

Двое мальчиков из тех, кто отсортировывал трупы, встали по обе стороны от него. Я встал и пошёл к нему через весь зал, обходя мёртвых и раненых.

— Что нужно сделать, чтобы тебя убить, а? — скептически поинтересовался я. — В смысле, я в тебя стрелял, я тебя взрывал, в тебя только что стреляли и избили. Что, блядь, нужно сделать, чтобы от тебя избавиться?

— Как и тебя, Девять Жизней, — ответил Мак и хмыкнул.

Я подошёл к сцене, склонился над ней, опёрся на рампу и взглянул на него. Я хмыкнул и покачал головой. Я не мог понять почему, но я был, практически, рад его видеть.

— Убийство Дэвида не самое разумное твоё решение, не так ли?

Он пожал плечами, затем проковылял к центру сцены и сел, свесив ноги рядом со мной.

— Здорово. — Он хмыкнул. — Сам лично вырвал поражение из лап победы, не так ли?

— Вроде того, да. Ты осознаёшь, что безумен. Правда, настоящий психопат.

— Возможно, — ответил он. Он помолчал и добавил: — Это общество виновато.

Я не смог с собой совладать, я рассмеялся. Секунду спустя он присоединился ко мне, и я не заметил, как мы уже обнялись, по нашим щекам текли слёзы, а тела содрогались в приступах жуткого хохота. Когда мы разомкнули объятия, я наклонился и поднял брошенный «Браунинг». Я удостоверился, что он заряжен и дослал патрон в ствол.

— И всё же, — произнёс я, — сейчас я собираюсь тебя убить, Шон. Надеюсь, ты понимаешь.

Он взглянул на меня и кивнул.

— Я бы поступил точно так же, — спокойно проговорил он.

— Хочу, чтобы ты знал, это личное. Я от всей души тебя ненавижу, и хочу твоей смерти.

— Я понимаю, — сказал он.

Я отступил на шаг, поднял пистолет и прицелился ему в сердце. Я взглянул прямо ему в лицо, в единственный глаз и слегка нажал на спусковой крючок.

— Опустит оружие, Ли, — произнесла Матрона за моей спиной.

Я не пошевелил ни единым мускулом.

— Пожалуйста, Ли, опусти пистолет. Хватит уже. Не нужно тебе его убивать. Мне непросто далось собрать его обратно.

Мак смотрел мне в глаза. Его лицо ничего не выражало. Он выглядел скорее заинтересованным, нежели напуганным, ему было любопытно, куда я смогу пойти. Стал ли я, наконец, тем самым хладнокровным убийцей, каким хотел видеть меня он? Ответ был положительный, и я намеревался это доказать. Я хотел его убить. Я был убеждён, что это было правильно и необходимо сделать.

Я ощутил, как Матрона коснулась моей руки.

— Опустит оружие, Ли. Всё закончилось.

Я повернул голову и посмотрел на неё. Почему-то я не заметил, но она отмыла лицо от крови. Впервые за последние несколько месяцев я видел её по-настоящему. В её глазах было столько сострадания и тепла. В животе у меня всё опустело, но я не мог понять, это от того, что спадало действие наркотиков, из-за её лица, или из-за того, что я всё равно нажму на спуск, не взирая на её слова.

— Прости, Джейн, но я теперь убийца. — Я повернулся к Маку. — Это он меня таким сделал.

Я крепче сжал ладонь перед выстрелом. Я бы и так это сделал, но Мак уже не смотрел на меня. Он смотрел мне за спину. Он улыбнулся.

— Наконец-то, — сказал он. — Хотя у кого-то есть яйца.

Первая пуля снесла ему челюсть, вырвав нижнюю часть лица. Вторая попала ему прямо между глаз. Третья и четвёртая угодили в правое плечо. Пятая ушла «в молоко», а шестая разорвала горло. Седьмая и восьмая оторвали нос и пробивали оставшийся глаз. Девятая, десятая и одиннадцатая попали в грудь, разорвав сердце и лёгкие. Затем раздался боёк щёлкнул. Мак замертво опрокинулся на спину.

Грин, к тому моменту, стоявший рядом со мной, уронил дымящийся пистолет на пол и ушёл, не произнеся ни слова.

Помню, как я впервые встретила Ли. Ему было четырнадцать лет, а для меня это был первый день в качестве Матроны в школе Святого Марка, первый день в качестве Джейн Кроутер. Я не была уверена, что смогу привыкнуть к новой личности. Я училась на врача, а не на медсестру для толпы испорченных богатеньких разгильдяев. Я нервничала и была неуверенна в себе.

В полиции позаботились обо всех деталях, а инспектор Купер заверил меня, что прикрытие надёжное. Несколько лет вдали, в этой неизвестной маленькой школе, и я, возможно, смогу возобновить учёбу где-нибудь ещё. Там, где меня никогда не найдут.

Последними словами Купера, обращёнными ко мне, было:

— Обещаю вам, Кейт, всё кончено. Вам больше никогда не придётся братья за оружие.

Что за глупость.

В общем, так я и начала, со свежеекрашенными волосами, свой первый день в школе. И первым, кто в тот день явился в лазарет, был Ли. Он был неуклюж долговяз, его руки выглядели слишком длинными в сравнении с туловищем, а на лбу виднелось несколько прыщей. Волосы его были взъерошены, а форма грязной. Как он сам заявил, демонстрируя неприятную ссадину на руке, он влетел в канаву и упал с велосипеда. Я промыла рану, смазала её гермоленом и наложила пластырь. «Три года учёбы в медицинском ради вот этого», — думала я, совершенно подавленная.

Однако Ли оказался самым милым существом, никогда его не забуду.

— У вас тут чертовски много работы, знаете ли, — сказал он. — Ваша предшественница своё дело знала.

Помню, как подумала об этом слове — «предшественница». Какой ещё четырнадцатилетний пацан будет употреблять слово «предшественница»? Определенно, не те ребята, среди которых выросла я.

— Правда? И почему же? — спросила я.

И он рассказал мне о директоре и его жене, и объяснил, почему мальчики могли на меня обидеться; он подсказал мне, как снижать гнев директора, а также обучил тактике обращения с трудными ребятами, всех их он назвал по именам и перечислил их «подвиги», дабы я ничему не удивлялась. Он был стеснителен, но дружелюбен, ставил себя, как добровольного заговорщика и помощника. Когда он ушёл, я уже легче управлялась с разными вещами.

Это было так вдумчиво и гостеприимно. Кажется, с тех пор он навсегда поселился в моём сердце.

Я вспоминаю тот год после Отбора, и сломленного, сурового человека, каким он стал, и мне хочется реветь. Видите ли, он никогда не стремился к руководству, по крайней мере, не в тех обстоятельствах. Он был милым, слегка занудным, мечтателем, в некотором роде. Да, молодым, но гораздо старше своих лет, и с чётким осознанием, что хорошо, а что плохо.

Даже сейчас, спустя годы, он так и не смирился с решениями, которые принимал в тот год. Я пытаюсь убедить его, что ему не нужно себя корить, что всё то, чего он достиг — поистине достойно называться героизмом. Но он считал иначе. Ему до сих пор снятся кошмары. Мне нравится думать, что я помогаю ему, но иногда он впадает в глубокую депрессию, которая может продлиться месяц, и тогда я бессильна. И всё же, я считаю, что

описание своего мнения пойдёт ему на пользу.

Однако он никак не может заставить себя написать последнюю главу истории школы Святого Марка, поэтому и попросил меня сделать это за него. Писатель из меня так себе, поэтому я буду кратка.

Мы всё ещё делали уборку в главном зале, когда услышали крики и топот бегущих ног в коридоре. На балконе появился Роулс и закричал:

— Бомба!

Все восприняли его слова спокойно, никто не запаниковал. Полагаю, после всего пережитого, подобное мы сочли скучным. Мы вышли наружу и прошли на игровые поля. Роулс собирал оружие в арсенал, когда заметил связку динамитных шашек, к которым проводами были привязан таймер.

Видимо, её оставил Маккиллик в качестве страховки. Если бы он выжил, то спустился бы вниз и перерезал нужный провод. Но он мёртв, и ни Роулс, ни Ли не хотели рисковать и выбирать между красным, жёлтым или чёрным проводами. Пока мы стояли и решали, что делать, раздался самый оглушительный взрыв, какой мне только доводилось видеть. Все гранаты и пули в арсенале сдетонировали от динамита, практически уничтожив Замок.

Шон, в итоге, посмеялся последним. Если не он будет управлять школой, то и никто не будет.

Развалины горели почти всю ночь, согревая нас, пока мы решали, что делать дальше. Ли просто сидел, молча смотрел на пламя, а по его лицу текли слёзы, когда он видел все его мечты, всё, ради чего он сражался, сгорело дотла.

Утром мы собрали шатры Кровавых Охотников, и ушли в Хилденборо, где заняли свободные дома и проспали весь день.

Я думала над словами Ли насчёт того, что это я должна была быть вождём. Те три месяца на ферме с девочками были прекрасны, и да, мне нравилось руководить. Ли чётко дал понять, что заниматься этим больше не хочет.

В итоге, я созвала собрание и мы устроили голосование. Следует ли нам остаться и влиться в общину Хилденборо, или мне следует взять на себя поиск нового дома, новой школы? Голосование было единодушным.

Несколько недель спустя, когда мы снова собрались, чтобы выбрать из двух наиболее вероятных вариантов, Ли подошёл ко мне и отвёл в сторону.

— Я ухожу, Джейн, — сказал он.

Я сказала ему, чтобы он не глумился. Его рука и ладонь излечивались, но он всё ещё был ограничен в передвижении. Ему нужно больше физиотерапии и времени на восстановление. Но он был непреклонен.

— Я должен найти отца, — объяснял он. — Я знаю, он пережил чуму, но к этому моменту он уже должен быть здесь. Что-то пошло не так, и ему нужна моя помощь.

— Но, где ты будешь искать? — спросила я, не в силах ему поверить.

— В Ираке, — без затей ответил он.

Я умоляла его передумать, просила подождать окончания собрания, и тогда мы всё обсудим. Он пообещал остаться. Но, когда спустя полчаса мы разошлись, он пропал.

Я всего два года провела в качестве Матрони в школе Святого Марка для мальчиков. Я пришла туда в поисках убежища от насилия, но встретила там гораздо больше смертей, чем могла вообразить. А также больше доброты. В качестве некоей преемственности, при переезде в Грумбридж, мы сняли знак с главных ворот. «Святой Марк мёртв, да здравствует

Святой Марк», — как сказал тогда Роулс.

Я всем руководила, и я поклялась себе, что в этот раз всё сработает, как надо, в этот раз все будут в безопасности.

Я об этом позабочусь.

КОНЕЦ

notes

Лиам Галлахер (р. 1972) — британский музыкант, вокалист популярной в 1990-е гг. группы «Oasis».

Сержант Рок — персонаж американских комиксов.

Рэймонд Эндрю Уинстон (р. 1957) — британский актёр, известный ролями «крутых парней».

«Башни Фолти» — классический британский телесериал, выходивший на канале BBC-2 в 1975 и 1979 гг.

Брамми — прозвище жителей британского города Бирмингем.

Кокни — городской диалект жителей Лондона из низшего и среднего класса.

Судья Дредд — персонаж американских комиксов и кинофильмов.

Грант Митчелл — персонаж британской «мыльной оперы» «Жители Ист-Энда».

CAC (англ SAS — Special Air Service) — Особая Воздушная Служба, или Специальная Авиадесантная Служба — элитное спецподразделение Вооруженных Сил Великобритании.

Операция «Блиц» — план бомбардировок германскими ВВС жилых и промышленных объектов Великобритании в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 гг, часть общей «Битвы за Британию».

Далеки — злобные роботы из британского сериала «Доктор Кто».

«Сельскохозяйственный альянс» — британская некоммерческая организация, занимающаяся развитием сельской местности.

Кеджери — традиционное блюдо британской кухни из рыбы, риса, варёных яиц и зелени.

Национальный фонд объектов исторического интереса либо природной красоты — британская некоммерческая организация, занимающаяся охраной исторических и природных памятников.

В западной историографии Первая Мировая иногда называется Великой войной.

В городе Сандхерст с 1802 по 1947 гг располагалось Королевское военное училище, готовившее офицеров пехоты и кавалерии.

Намёк на принадлежность к армии. Исторически, британские солдаты носили мундиры красного цвета.

en masse (фр.) — все вместе.

«Пот Нудл» — британская торговая марка лапши быстрого приготовления.

Экшн-мэн — серия английских кукол.

«Альфа-курс» — программа ознакомления с христианством, разработанная викарием Лондонской Церкви Святой Троицы в 1970-х гг. Особенностью программы является изложение христианских основ в непринуждённой обстановке.

Джазовые руки — танцевальный жест с протягиванием рук с растопыренными пальцами в сторону аудитории.

«Утро не настало» (англ. «Morning has broken») — христианский гимн, написанный английской писательницей Элинон Фарджон в 1931 году.